

УЧЕНИЕ ГУРДЖИЕВА (ДНЕВНИК УЧЕНИКА)

Описание нескольких годов жизни с Г.И.ГУРДЖИЕВЫМ и А.Р.ОРЕЙДЖЕМ
в Нью-Йорке и Фонтенбло на Авоне

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОЛОГ НЬЮ-ЙОРК И ФОНТЕНБЛО 1923-1925

НЬЮ-ЙОРК И ФОНТЕНБЛО 1925-1926

КОММЕНТАРИИ ОРЕЙДЖАК БААЛЗЕБУБУ ФОНТЕНБЛО 1928 г

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже более тридцати пяти лет прошло с тех пор, как я впервые столкнулся с системой Гурджиева. Этот дневник был начат в 1924 году и частично-отражает ранние годы моей работы (1923-1928) с Г.И.Гурджиевым и А.Р.Орейджем. Здесь приводится не изложение системы, а рассказ о том, что я видел и слышал сам от этих двух людей, составленный из ежедневных записей и из сотен страниц заметок. Порядок скорее последовательный, чем хронологический; многие бес-«м» повторяются, иногда через большие промежутки времени, с различных точек зрения и в разной форме.

. Составляя этот дневник, я имел в виду все возрастающее число людей, интересующихся идеями Георгия Ивановича Гурджиева. Некоторые термины и выражения могут смутить читателей, не знакомых с его учением; в то же время, здесь есть много интересного для тех, кто не удовлетворен существующим образом жизни. Некоторые из них захотят прочитать книгу самого Гурджиева - «Все и вся» или «Рассказы Баалзебуба своему внуку: объективная беспристрастная критика человеческой жизни».

Когда я впервые встретил Гурджиева и Орейджа, я был незрелым, наивным и беспокойным молодым человеком и ничего не знал о подлинных идеях; и я в полной мере никогда не смогу выразить всю свою благодарность Гурджиеву за его бесконечное терпение в те ранние годы, а также старшим

ученикам, окружающим его, за их руководство: особенно А.Р.Орейджу, д-ру Стьервалу и Томасу де Гартманну, которые позднее стали моими близкими друзьями и, так сказать, старшими братьями. Я уже не молод; на своем пути

мне довелось испытать почти все, что встречается в обычной жизни - что называется и хорошее и плохое. И теперь я понимаю, что всем, чего я добился для своего собственного бытия и понимания, всем, что я был в состоянии познать и понять в окружающей меня действительности, я обязан Гурджию, его системе и методу. Они дали мне центр тяжести и настоящую цель, и могу повторить вслед за Павлом: «Спасибо Господу за его невыразимый дар».

Космология и космогония, сотворение и поддержание вселенной, законы Трех и Семи, причины вырождения человека и способы его исправления, эсхатология - вот те четыре кита, четыре вопроса, подробные объяснения которых можно найти в книге Гурджиева «Все-и-вся» (или «Рассказы Баалзебуа своему внуку») - объективном произведении искусства первой величины. Книга П.Д.Успенского «В поисках чудесного: фрагменты неизвестного учения», не принадлежа к категории объективного искусства, тем не менее является шедевром объективного отчета о беседах Гурджиева в России и может служить в качестве непревзойденного введения в систему Гурджиева. Но если изучение «фрагментов» дает только знание (хотя и высшего порядка), то изучение «Рассказов Баалзебуа» дает и знание и «понимание».

Вкратце, система Гурджиева включает литературные произведения; священные танцы, движения и упражнения; музыку; внутреннее учение. Его литературные произведения сгруппированы в три серии: первая — «Рассказы Баалзебуа», вторая - «Встречи с замечательными людьми», третья - «Жизнь подлинна только тогда, когда «Я есмь». Первая серия была (впервые) опубликована в 1959 году, вторая — доступна на французском языке (сейчас на английском), третья не была опубликована (в настоящее время уже опубликована); была издана часть нот к музыке.

Гурджиев собрал большое количество священных танцев, упражнений на Ближнем и Дальнем Востоке. Он сам

разработал многие танцы и движения; некоторые из них основаны на знаке эннеграммы. Он также сочинил и собрал множество музыкальных произведений. Многие из этих танцев и музыкальных произведений представляют собой объективное искусство.

Знание теоретической части системы можно приобрести из книг. Действительно, каждый серьезный исследователь должен прочесть «Рассказы Баалзебуа» и «Фрагменты неизвестного учения». Однако внутреннее учение, которое включает в себя практическую работу — Метод, - может быть передано только в особых группах с помощью учителей, которые сами прошли через длительные периоды интенсивной работы.

Первая часть настоящей книги состоит, главным образом, из отчетов о работе с Гурджиевым; вторая - из комментариев Орейджа в нью-йоркской группе; третья же - нечто вроде продолжения и завершения первых двух.

ПРОЛОГ

Даже в раннем детстве, когда я жил в деревне в Хартфор-пшире, я часто замечал в поведении взрослых нечто странное и даже нелепое: их взаимоотношения на людях и то, что они говорили друг о друге за глаза, не согласовались между собой. С возрастом я стал лучше понимать разницу между жизнью, как я ее себе представлял, и тем, чем она была в действительности. Со временем, конечно, я начал примиряться с ней. «Возможно, - думал я, — все дело во мне, а не в жизни и не во взрослых». И все же, что-то во мне не могло полностью с этим примириться. Мальчишкой я воображал себе такое место, где мне будет хорошо, где я найду удовлетворение в какой-нибудь профессии или в религии, отличной от методистской церкви. Я любил свой дом и своих родителей, но у меня редко бывало чувство удовлетворения. Что тут служило причиной, — наследственность или влияние планет на мое зачатие и рождение или же то и другое вместе, - я не знаю; мне не давала покоя внутренняя тревога и неудовлетворенность, с одной стороны, тем, что мне приходилось делать, и обстоятельствами, с другой стороны. Передо мной все время вставал неясный вопрос: «Какова цель жизни?» В шесть лет я купил свою первую книжку. Она называлась, как ни странно, «Искания Джонни».

Я оставил школу в тринадцать лет, не выучившись буквально ничему, - поскольку я самостоятельно начал читать и писать, - и стал переходить от одной работы к другой, все время доискиваясь ответа на вопрос о предназначении жизни. В восемнадцать лет я побывал на Тасмании, затем в Новой Зеландии, Австралии и Канаде, работал на

овцеводческих фермах и занимался другим физическим трудом. В 1914 году, когда я жил на маленьком островке недалеко от побережья Британской Колумбии, разразилась Первая Мировая война. Подобно миллионам молодых людей, захваченных этой всеобщей катастрофой, я сразу же поступил в армию. В 1917 году получил ранение в окопах Франции и был освобожден от военной службы по инвалидности. Именно тогда я стал серьезно задумываться о смысле жизни. Хотя я получил религиозное воспитание и в юности был учителем воскресной школы и богобоязненным молодым человеком,

организованная религия утратила для меня теперь всякое содержание и не могла дать мне удовлетворительного ответа на вопросы, возникавшие у меня вследствие разочарования, вызванного войной, в которой жизнь или смерть каждого, по-видимому, часто зависели от прихоти какого-либо тщеславного глупца, который оказался у власти. Нелепость обыденной жизни не шла ни в какие сравнение с колоссальным идиотизмом войны, когда тысячи отдавали свои жизни ради чего-то тщеславия или самолюбия. Я часто спрашивал себя: «Почему люди так страдают? Почему лгут политики и газеты? Почему жизнь проходит в атмосфере лжи?» Джордж Бернард Шоу, с которым я несколько раз встречался, был единственным, кто считал войну отвратительным явлением и признавал, что в отношении людей к войне и к жизни в целом что-то было не так. Он сравнивал это с жизнью в сумасшедшем доме.

Я чувствовал, что обязательно должны найтись кто-то или какое-то учение, которые смогли бы дать ясный ответ на мои вопросы. И вот однажды, на последнем году войны, я пришел к убеждению, что мне следует найти этого учителя или учение, и наиболее вероятным местом, где их можно найти, является Дальний Восток.

После перемирия я отправился в путь, и в течение двух лет путешествовал по свету, побывав в Америке, Японии, Китае, Малайзии, Бирме, Индии, Египте и Италии. Хотя у

меня было много интересных случаев и я сталкивался с разнообразными людьми и религиями, видел множество чудесных зрелищ, я не встретил учителя или учение, которые бы внутренне удовлетворили меня.

Я вернулся в Англию, поправив свое здоровье, хотя все еще давали себя знать последствия окопной лихорадки иконтузии. Ко мне пришел финансовый успех в моих делах с Веной, где я провел лучшую часть года. Деньги приходили легко, и я смог зажить как подобает «светскому» молодому человеку. Я также изменил свое социальное положение и стал завсегдатаем Тойнби Холла. Благодаря клубу, появилась возможность поехать в Россию в составе миссии помощи голодающим, а именно на Украину. Здесь, среди крестьян, я провел один из самых интересных годов своей жизни, ибо коммунистическая зараза еще не проникла в этот район.

Вернувшись в Англию, я вскоре оказался в литературной и издательской среде и проник в «высшее общество». Я достиг всего, о чем мог мечтать молодой честолюбивый человек, включая общественную карьеру и поддержку людей с фамилией, деньгами и влиянием. В некоторой степени это удовлетворяло, но это удовлетворение сопровождалось глубокой неудовлетворенностью. Казалось, что я попал в тупик. Я чувствовал, что весь мой опыт ничто, просто подготовка к чему-то. Я должен был найти волшебную книгу¹, русских сказок, волшебный перстень, золотую ветвь, нечто, что дало бы мне ключ к смыслу жизни.

В это же время мне попался сонет Барнабе Барнса, в точности описывающий мое внутреннее состояние. Впечатление, произведенное им на меня, было столь живо, что я, кажется, прочел его добрую сотню раз.

И вдруг - казалось бы беспричинно - я покинул Англию. Я был буквально чем-то принужден, чем-то, возникшим во мне в результате случайного разговора; и в октябре 1923 года я отплыл в Нью-Йорк, где устроился на работу в книжный магазин с желанием со временем завести свой. Магазин,

называвшийся «На повороте», был родом культурного цент-ра, временами посещаемого молодыми писателями, художниками, поэтами и музыкантами. Свои уик-энды я проводил в Кротоне на реке Гудзон со своими друзьями-интеллектуалами, участвуя в спорах и обсуждениях путей, по которым должен пойти мир. Мое окружение и внутреннее состояние повторяли то, что было в Лондоне.

Встречаясь со многими людьми и погрузившись в массу новых впечатлений, я совсем забыл, что ищу новое учение, новый путь. Но куда бы мы ни уехали, что бы мы ни делали, мы всегда носим за своими плечами «синдбадову тягу к морю». Хотя временами мы можем и забыть о ней, она никуда не исчезает, ибо есть часть нас самих.

И вновь, через три месяца непрерывной общественной, культурной и деловой деятельности в Нью-Йорке, я опять начал испытывать внутреннюю пустоту. И только благодаря практически случайному появлению англичанина А.Р.Орейджа, все у меня изменилось.

НЬЮ-ЙОРК И ФОНТЕНБЛО 1923-1925

В конце декабря 1923 года Орейдж, по приезде из Фонтенбло в Нью-Йорк вместе с доктором Стернвалом, попросил разрешения провести беседу об идеях Г.И. Гурджиева и его институте в книжном магазине, где я работал. В Лондоне Орейдж был владельцем и редактором журнала «Нью-Эйдж» - по словам Шоу, - лучшего литературного и общественно-политического журнала, который выходил в

Англии начиная с восемнадцатого столетия. Я встречался с Орейджем только один раз. Д-р Стьервалл был врачом, работал с Гурджиевым в России и вместе со своей женой сопровождал его во Францию.

Собрание состоялось, и в назначенный вечер магазин заполнился публикой, состоявшей из хорошо одетых, интеллигентно выглядевших мужчин и женщин. Я передам суть лекции Орейджа; в ней все изложено кратко и понятно, и это послужит основой тому, что будет дальше рассказано в моем «Дневнике». «Институт Гармонического Развития Человека в Фонтенбло», - сказал Орейдж, — построен на основе системы Гурджиева и в действительности является продолжением общества под названием «Искатели Истины», основанного в 1895 году группой врачей, археологов, ученых, священников, художников и т.д. Их целью было сотрудничество в изучении так называемых сверхъестественных явлений, которыми каждый из них интересовался со своей точки зрения. Члены этого общества организовали экспедиции в Персию, Афганистан, Туркестан, Тибет, Индию и другие страны, исследуя древние письменные свидетельства всевозможных явлений. Они столкнулись с большими трудностями, некото-

рые погибли в результате несчастных случаев, другие умерли, некоторые прекратили совместную работу. В конце концов, вместе с немногими оставшимися участниками Гурджиев прибыл в 1913 году в Россию. Их первая остановка была в Ташкенте. Оттуда они переехали в Москву, намереваясь привести в порядок и использовать обширный накопленный материал. В Москве Гурджиев провел серию бесед, которые заинтересовали целый ряд ученых, музыкантов, врачей, инженеров и писателей. Планировалось создание Института в целях подготовки учеников. Однако начало Первой Мировой войны и последующая, революция 1917 года сделали продолжение работы невозможным.

Гурджиев решил уехать из России. С группой учеников он совершил трудное и опасное путешествие через горы до Тифлиса и там осуществил свой план создания Института Гармонического " Развития Человека. Прибавились новые ученики. Позднее он считает необходимым переехать в Константинополь, где после многих затруднений Институт продолжил свою деятельность. Со временем Гурджиев пришел к заключению, что Европа больше подходит для его цели. Они остановились на короткое время в Германии и, наконец, прибыли в Париж. Там были показаны священные танцы и движения; хотя присутствовало много французов, немногие проявили интерес. После продолжительных поисков постоянного местонахождения Института был выбран замок При-ере в Фонтенбло на Авоне, который Гурджиев купил в 1922 году; там и был основан Институт. В этот момент слушатели задали несколько вопросов Орейджу, ответив на них, Орейдж продолжил:

«Ученики делятся на две категории: те, кто интересуются в основном теоретической стороной дела, и те, которые интересуются не только теорией, но также хотят работать и осваивать метод.»

Система подготовки (ученика) основывается на следующих положениях: жизнь в нашт время настолько усложни-

лась, что человек отклонился от своего первоначального типа — типа, который должен был зависеть от его окружения: от страны, где он родился, среды, в которой он вырос, и культуры, в которой он был воспитан. Эти условия должны

были бы наметить для человека путь его развития и тот нормальный тип, к которому он должен прийти; однако наша цивилизация с ее практически неограниченными средствами влияния на человека почти лишила его возможности жить в условиях, которые были бы для него нормальными. Цивилизация открыла человеку новые горизонты в познаниях и науках и подняла его материальное благосостояние, расширив тем самым его кругозор; в то же время она вместо того, чтобы поднять его на более высокий уровень, развила только некоторые способности в ущерб другим способностям, а некоторые из них она разрушила полностью. Наша цивилизация отняла у человека естественные и существенные качества его унаследованного типа, но не дала ему взамен того, что требуется для гармонического развития нового типа. Таким образом, вместо создания индивидуального целостного человека, приспособленного к природе и окружению, в которых он оказался и которые на самом деле ответственны за его создание, цивилизация произвела существо, оторванное от своей родной стихии, неспособное жить полноценной жизнью и в то же время чуждое той внутренней жизни, которая по праву должна ему принадлежать.

Именно на этом основывается психологическая система Гурджиева. Система экспериментально доказывает, что восприятие (понимание) мира у современного человека и его образ жизни не являются сознательным выражением его самого как завершенного целого, а наоборот, являются бессознательным проявлением одной из трех его составных частей.

С этой точки зрения наша психическая жизнь (то, как мы воспринимаем мир и выражаем наше восприятие мира) не составляет целого, которое служит хранилищем наших восприятий и источником нашего самовыражения. Напротив,

она разделена на три отдельные части, которые но имеют почти ничего общего, различаясь как по своей сущности, так и по функции.

Эти три отдельные части, и совершенно различные части, - источники интеллектуальной, эмоциональной и инстинктивно-двигательной жизни человека, будучи взяты каждая в смысле целого

набора присущих ей функций -называются в системе Гурджиева мыслительным центром, инстинктивно-двигательным центром и эмоциональным центром.

Каждое действительное сознательное восприятие и выражение человека должны быть результатом одновременной и координированной работы всех трех центров, каждый из которых должен принимать участие в общей задаче; иными словами, он должен вносить свою долю ассоциаций. Полная апперцепция в любом данном случае возможна только тогда, когда все три центра работают совместно. Но из-за многочисленных и ранообразных влияний, которым подвергается современный человек, работа центров почти всегда не взаимосвязана, в результате чего его интеллектуальная, эмоциональная и двигательно-инстинктивная функции не могут корректировать друг друга; они идут разными путями, редко встречаются, так что моменты настоящего сознания бывают у него весьма нечасто.

Эти три центра не координированы по следующей причине: в одном лице, так сказать, присутствуют три разных человека: первый человек только думает, второй только чувствует, и третий живет только согласно своим инстинктам и двигательным функциям; так что в нас есть как бы логический человек, эмоциональный человек и физический человек. Эти трое в одном никогда не понимают друг друга; более того, они сознательно и даже бессознательно вмешиваются в дела друг друга, в чужие планы, намерения, работу; и, все же, каждый из них, когда он обладает властью, говорит «Я» от имени других.

Если мы понаблюдаем за работой центров, мы увидим, насколько они разделены и противоречивы, и для нас станет очевидным, что человек не может быть себе хозяином, поскольку он не может контролировать работу своих центров. Он даже не знает, какой из его центров начнет функционировать в следующий момент. Мы этого не замечаем, так как ошибочно полагаем, что наши различные «я», составляют нечто единое.

Если мы надлежащим образом пронаблюдаем за проявлениями психики современного человека, мы ясно увидим, что он никогда не действует исходя из собственной инициативы и внутренних побуждений и только выражает, своими действиями изменения, происходящие в его механизме и вызванные внешними по отношению к нему причинами. Он не думает - что-то в нем думает; он не действует — что-то действует через него; он не создает — что-то в нем создает; он ничего не совершает - что-то совершается через него.

Это становится ясным, когда мы в состоянии понять процессы восприятия внешних и внутренних влияний каждым центром, который и вызывает ответную реакцию (действие).

Центры новорожденного ребенка можно сравнить с чистыми участками на грампластинке, на которые с первого дня или с первых часов начинают записываться впечатления как внутреннего, так и внешнего мира. Записанные впечатления хранятся в каждом из трех центров в том же порядке (часто абсурдном) и в том же самом отношении, в каком они впервые поступили. Процессы мышления, аргументации, суждения, памяти и воображения являются результатом исключительно записанных ранее впечатлений, которые сочетаются и объединяются разными способами и под воздействием внешних толчков. Записи, содержащее которых стало таким образом центром ассоциации, приводятся в движение с различной степенью интенсивности теми же самыми толчками. Другой толчок или толчок другой силы

запускает другую запись и вызывает другую ассоциацию и, следовательно, другую цепочку мыслей, чувств, действий; и никакой центр не может ничего от себя прибавить к комбинациям, сложившимся в других центрах. В итоге восприятие мира у человека является результатом только одной части его существа, или, другими словами, у человека есть три разных вида процессов восприятия, которые либо мало соприкасаются друг с другом, либо соприкасаются случайно и то только частично. Следовательно, всякое заключение, к которому человек приходит, всякое суждение есть работа только одной части его схемы, выражение лишь малой доли накопленного им материала; отсюда его суждения и умозаключения всегда частичны и, следовательно, ложны.

Из всего, что было сказано, видно, что в качестве первого шага в гармоническом развитии человека следует показать, как ему ввести с самого начала работу этих трех центров в свои психические функции.

Когда эти три центра в состоянии работать с равной интенсивностью в одно и то же время, тогда три главных колеса человеческой машины вращаются плавно и не мешают друг другу. ОНИ будут работать не так, как теперь, т.е. случайно, а наилучшим образом использовать свои способности. То же относится и к степени сознания, достижимой для человека, которой он никогда не достигает в обычной жизни.

Не следует забывать, что степень возможного развития для каждого центра варьирует у разных людей; так же различаются и полученные впечатления. Следовательно, обучение и тренировка каждого участвующего в работе должны быть строго индивидуальны.

С течением времени функциональные нарушения, которым подвержена человеческая машина, возрастают, и машину можно заставить работать бесперебойно лишь после длительной и целенаправленной борьбы с дефектами, которые в ней возникли. Человек не в состоянии вести эту борьбу в одиночку и своими собственными силами. Не может он также воспользоваться многочисленными модными методами аутотренинга и личного развития (как «местного» производства, так и завезенными с Востока),

которые рекомендуют без разбору всякие методы и упражнения - такие как физические; упражнения, упражнения в медитации, концентрации и дыхании, системы диеты и голодания, искусственно вызываемые переживания и т.д. Эти методы предписывают всем, не обращая внимания на индивидуальные потребности и способности и не принимая в расчет отличительные черты людей. Они не только бесполезны, но даже могут оказаться опасными; те, кто пытается починить неисправную машину без всестороннего и глубокого понимания, могут произвести известные перемены, но эти перемены вызовут другие перемены, которые при отсутствии опыта нельзя предвидеть и предотвратить. Человеческая машина всегда находится в состоянии механического равновесия, плавно она работает или нет; следовательно, всякое изменение в одном месте обязательно вызовет изменение в другом месте, а предвидеть и учитывать это абсолютно необходимо.

Чтобы избежать неожиданных и нежелательных последствий, человек, начиная работать над собой, должен подчинить себя дисциплине, налагаемой специальными и строго индивидуальными методами, применяющимися в Институте. Можно сказать, что одной из целей является развитие новых процессов, которые будут изменять и регулировать старые процессы. Другими словами, мы должны развить в себе новые способности, которых нельзя достигнуть в повседневной жизни, окружающей нас; человек не может развить их у себя самостоятельно или с помощью какого-нибудь общеизвестного метода.

Только когда учтены все особенности органической и психической конституции данного человека, его воспитание и обстоятельства его жизни, становится возможным применение строго индивидуальных методов тренировки такого рода.

Чтобы определить выбор тех или иных средств и в каждом конкретном случае, требуется длительное время. Основная причина этого в том, что человек с первых дней жизни обретает внешнюю маску и представляет собой внешний тип, не имеющий ничего общего со своим настоящим типом. С возрастом эта маска становится толще (грубее) и, в конце концов, он уже не в состоянии видеть себя из-за маски.

Чтобы обнаружить особенности индивидуума - т.е. реальность, скрытую под маской, - необходимо раскрыть основные черты его типа. Для этого маска должна быть разрушена, а это — вопрос времени. Только разрушив маску, мы сможем изучать и наблюдать самого человека, т.е. его настоящий тип.

Те, кого заинтересует затронутая тема, приглашаются на следующие беседы, место и время проведения которых будут объявлены в скором времени».

Затем он вкратце описал жизнь в Приере, род работы, которой там занимаются, и стал отвечать на вопросы. Вопросов было много, но я не мог вникнуть в них, хотя аудитория была, по-видимому, сильно заинтересована, и разгорелась дискуссия. Эти разговоры мало что значили для меня. Я был не в силах схватить ни одной из тех идей, - возможно, они были слишком новы для меня. Все могло на этом закончиться, и система оказалась бы еще одним малозначительным указанием, но, на следующий день Орейдж пришел в лавку и, когда меня представили, спросил о впечатлении, которое я получил. Я сказал, что не смог ухватить суть дела. «Не беда, - ответил он, - через неделю придет Гурджиев с сорока учениками и они покажут священные танцы и упражнения. Почему бы вам не придти?» Танцы всегда меня интересовали, и я согласился.

При этой первой встрече с Орейджем мне казалось, будто я знал его всегда, - словно я встретил близкого человека после долгой разлуки.

Первое представление давали в Лэсли Холле, и все места были бесплатны. Зал был заполнен теми, кого называют интересными людьми.

Я нашел Орейджа за сценой. Он кружился с маленькой девочкой, взяв ее за руки, и разговаривал с какой-то парой, очевидно, с ее родителями. Когда они ушли, он сказал, что мужчина - полисмен в штатском, присланный проследить, чтобы не показывали эротических танцев.

Я занял свое место в зале. Прошло много времени и мы стали беспокоиться. Затем, около девяти часов, на сцену вышел Орейдж и, попросив тишины, сказал: «Сегодняшнее представление состоит, главным образом, из различных движений человеческого тела, заимствованных из искусства Древнего Востока. Это будут примеры священной гимнастики, священных танцев и религиозных церемоний, сохранившихся в некоторых храмах в Туркестане, Тибете, Афганистане, Кафиристане, Читрале и других местах. — М-р Гурджи-ев вместе с другими членами общества «Искатели Истины» в течение многих лет провел на Ближнем и Дальнем Востоке ряд исследований, которые доказывают, что на Востоке некоторые танцы не утратили глубокого значения - в подлинном смысле религиозного и научного, - которое они имели в отдаленном прошлом. Священные танцы и последовательности поз и движений всегда составляли одну из важнейших дисциплин, изучавшихся в эзотерических школах на Востоке. Они преследуют двойную цель: передавать известного рода знания и служить средством достижения гармонического состояния души и тела. Комбинируя неестественные и непривычные движения, достигают крайних пределов человеческой выносливости, и их выполнение создает новое качество ощущения, новое качество сосредоточения и внимания и новое направление мыслей - все это ради некоторой определенной цели. На Востоке танцы все еще имеют значение, отличное от того, которое мы

им придаем на Западе. В древние времена танец был разновидностью настоящего искусства и служил целям высшего знания и религии. Специалист в какой-либо дисциплине передавал свои знания через произведения искусства, в частности, танцы, так же, как мы распространяем знания с помощью книг. У ранних христиан танцы в церкви составляли важную часть ритуала. Древний священный танец это не только средство эстетического восприятия, но и, так сказать, книга, или писание, содержащее определенное количество знания. Но это книга, которую не всякий может прочесть. Тщательное изучение священных танцев, специальных движений и поз, проводимое на протяжении многих лет, доказало их важность в деле гармонического развития человека; параллельное развитие всех возможностей человека — одна из главных целей мистера Гурджиева. Упражнения и священная гимнастика используются в его системе как одно из средств укрепления моральной силы ученика, развития его воли, выносливости, способности мышления, сосредоточения и внимания слуха, зрения, осязания и т.д.

Сегодняшняя программа состоит, главным образом, из групповых танцев. В Институте они предшествуют индивидуальным движениям, которые сложны и большей частью являются сольными танцами. В дополнение к движениям мы продемонстрируем «сверхъестественные явления» - один из предметов, изучаемых в школе Гурджиева; их краткое объяснение будет дано позднее. Просим зрителей не аплодировать».

После еще одной долгой паузы вышел м-р де Гартманн с небольшим оркестром.

Томас де Гартманн, аристократ старой школы, был пажом при царском дворе, но оставил придворную жизнь, чтобы посвятить свое время музыке. Он был блестящим пианистом и композитором. В его балете «Розовый цветок», одном из первых балетов, поставленных в Москве Дягилевым, впервые на сцене выступал Нижинский. Мадам де Гартманн в молодости была обещающей оперной певицей.

Они встретились с Гурджиевым в Москве и, когда произошла революция, бросили буквально все и через горы последовали за ним в Тифлис.

На меня произвело впечатление поведение м-ра Гартманна, когда он сел за фортепиано во время длинной паузы. Пока музыканты настраивали инструменты, а мы в публике шушукались и озирались, Гартманн сидел совершенно спокойно и расслабленно, в то же время ничего не упуская из виду.

Наконец, ученики вышли на сцену и построились рядами. Они были одеты в белые туники и брюки: женщины - в длинных туниках, мужчины - в коротких. Кроме того, у женщин волосы были перевязаны золотыми лентами. При исполнении восточных танцев, которые затем последовали, мужчины и женщины были одеты в соответствующие пышные костюмы, сделанные по эскизам Гурджиева. Такие наряды все еще носили на Востоке в начале века, чему я сам был свидетелем.

По команде «руки в стороны» ученики развели руки; заиграла музыка, и, держа руки в этом положении, они стали отбивать ногами сложные ритмы. Так они продолжали с вытянутыми руками пятнадцать или больше минут. Затем последовала «машинная группа», в которой движения, по-видимому, означали работу машин или частей одной машины — ученики по отдельности или группами по двое или по трое выполняли различные движения, при этом составляющие гармоническое целое.

После группы первых *упражнений* последовали вторые шесть упражнений — «обязательных», поскольку ученики обязаны были пройти весь курс, прежде чем им разрешили исполнять танцы и более сложные движения.

Эти упражнения назывались «гимнастическими», но они полностью расходились с тем, что я знал о гимнастике. Из первых шести три происходили из храма медицины в Тибетском Сари «Видящих» (се) в Кафиристане. Эти упражнения, движения и музыка произвели на меня электризирующее действие. Я как будто видел их раньше; они были новыми, но все же хорошо знакомыми, и я всеми фибрами души жаждал выполнять их сам.

Затем появилась большая группа, представляющая инициацию жрицы, фрагмент мистерии под названием «Искатели Истины». Пока он шел, со всеми движениями, позами, жестами и танцами, казалось, что все присутствующие принимали участие в религиозной церемонии. Можно было ощутить и почувствовать перемену в атмосфере зала. В этой группе роль жрицы выполняла жена Гурджиева.

После этого настал черед серии танцев дервишей в соответствующих костюмах. Они включали танец дервишей из Чиано-Хо-иах (Хо-йах - О, Бог, живой); Большую (Великую) Молитву монашеского ордена, члены которого называют себя «Те, кто дозволяет свободу» и которых люди называют «те, кто отрекся»; верблюжий шаг из Афганистана; ритуальные движения монахов в капюшонах из Лакумского ордена; церемонию похорон умершего дервиша в Субарийском Монастыре, а также танцы воинственных дервишей и ритуальные движения крутящихся дервишей. Танцы дервишей исполняли мужчины, хотя в некоторых из танцев участвовали одна или две женщины. Ритм и движения были сильными, энергичными и позитивными, создавая, так сказать, образ мужчины как действительного активного начала. Следующая сцена изображала паломничество. Нам было сказано, что в Азии, особенно в Центральной Азии, люди, давшие, чтобы получить благословение, обет добровольно переносить страдания, предпринимали необычные паломничества. Они путешествуют к святым местам

необычным или мучительным способом, например, передвигаются кувырком, идут задом наперед или на коленях. Мы покажем вам форму паломничества, распространенную на Кавказе и в Туркестане. Она называется «измерение пути длиной своего тела». Путь иногда бывает очень далеким - до тысячи километров. Паломник странствует от дома к святому месту в любую погоду, часто с ношей в сотню фунтов или держа какой-нибудь хрупкий предмет - подношение святыне. Хотя такое паломничество часто причиняет раны, которые согласно западным теориям, могут привести к заражению крови, наблюдатели никогда не могли зарегистрировать случаи, чтобы раны не залечивались бы на другой день.

На сцену вышли два или три ученика, стали на колени и затем распластались по полу. Потом они подтянули под себя ноги, встали на то место, куда доставали пальцы, и повторили движения, перемещаясь по кругу. Говорят, что знаменитая суфийская святая Рабия, которая, «будучи женщиной, являлась венцом мужчин», проделала таким образом весь путь от своего дома до Мекки, длиной несколько сот километров.

Фрагментом одной церемонии, исполняемой в святилищах Хударики в Читрале, была Пифия. Ее описали как магнетический сон жрицы, предсказывающей события, которые увидят обитатели святилища в наступающем году.

Женские танцы состояли из нескольких подготовительных упражнений для послушниц различных женских монастырей и некоторых обрядовых движений. Нечто подобное я видел в Северной Индии и в Китае, но никогда - ни на Востоке, ни на Западе, мне не приходилось видеть такого милого, изящного, чарующего зрелища, как эти танцы. Они носили такие названия, как «Священная гусыня», «Утраченная любовь», «Молитва», «Вальс» и т.д. В то время как танцы дервишей выражали пассивные качества: нежность и женственность. Музыка также своими ласкающими мелодиями будила глубоко скрытые чувства.

Венцом этого вечера явилась для меня серия движений под названием «Большая Семерка» или «Большая Группа», пришедшая из расположенного вблизи горы Арарат религиозного ордена айсоров, христианской секты с суфийской окраской. Последовательность движений основывалась на очень древнем символе эннеграммы и была построена с математической точностью подобно движениям ордена чистых эссенсов, основанного за сотни лет до нашей эры.

На протяжении всего вечера во мне бурлили мысли и чувства, напоминая мне по ассоциации о моих живейших эмоциональных переживаниях, - о танцах мужчин и женщин, что я видел в Индии и Китае; о неправдоподобно благозвучном пении женщин в храмах; о барабанах; о Тадж Махале, о Сфинксе и пирамидах; об изображениях Будды; пение хора и величественные гармонии органа в старинных соборах на пасху; все, что наиболее глубоко затрагивало меня в религии, музыке и искусстве, постепенно пробуждалось. Музыка Большой группы началась медленным и торжественным тактом, почти предостережением. Пока развивалась тема, волнообразно нарастая и спадая, меня охватывало чувство огромной радости; в то же время мой разум неотрывно следовал за сложными движениями учеников. Но к чувству радости примешивалось какое-то ощущение, - не то чтобы печали, а скорее глубокой серьезности. Оно как будто говорило мне что-то, а я старался понять, - как текст, который мне нужно расшифровать. Затем, когда музыка усилилась до ликующего крещендо, блеснул свет. «Это», - почувствовал я, — и есть то, что я всегда искал. Вот я пришел на край земли. Здесь конец моим поискам! Я был в этом твердо убежден - без малейшей тени сомнения, - так что с тех пор и доныне сомнения никогда не осаждали меня.

Во время перерыва после Большой Группы мне не хотелось разговаривать. Праздная болтовня смолкла, голоса звучали приглушенно. Публика была также в легком замешательстве, поскольку показанные движения не подходили ни под одну из категорий известных мне танцев.

После перерыва Орейдж вернулся на сцену и стал рассказывать об упражнении «стоп». Он сказал: «В этом упражнении ученик по команде «стоп» должен полностью замереть. Команда может быть подана где угодно и в любое время. Что бы ученик ни делал, - на работе ли, на отдыхе или за едой, - он должен мгновенно остановиться. Он должен зафиксировать свое мышечное напряжение, выражение лица, улыбку, взгляд в том положении, в каком его застала команда. Получающиеся позы используются начинающими для умственной работы, чтобы ускорить интеллектуальную деятельность и одновременно развивать свою волю. Упражнение «стоп» не дает новых поз, это просто прерванное движение. Вообще мы меняем свои позы столь бессознательно, что не замечаем промежуточных положений. С помощью упражнения «стоп» переход между двумя позами делится на две части. Тело, внезапно застывшее по команде, вынуждено остановиться в положении, в котором оно раньше никогда не останавливалось. Это позволяет человеку лучше наблюдать себя. Он может видеть себя в новом свете, может по-другому себя чувствовать и ощущать и, таким образом, вырваться из порочного круга собственного автоматизма.

Произвольность наших движений является иллюзией. Психологический анализ и изучение психомоторных функций, заложенные системой Гурджиева, показывают, что каждое наше движение, произвольное или непроизвольное, есть бессознательный переход от одной автоматической позы к

другой автоматической позе, - человек выбирает из доступных ему поз только соответствующие его индивидуальности; число таких же поз очень невелико. Все наши позы — механические. Мы не представляем себе, как тесно связаны наши три функции: двигательная, эмоциональная и интеллектуальная. Они зависят друг от друга, вытекают одна из другой и находятся в постоянном взаимодействии. Когда меняется одна, другие тоже меняются. Изменение в чувствах производит соответствующие изменения в образе мыслей и в позах, принимаемых телом. Так что, если мы хотим изменить свои привычки чувствования и привычные нам формы мышления, мы сначала должны изменить свои привычные позы. Но для нас в обычной жизни невозможно приобрести новые позы - этому воспрепятствует автоматизм мыслительного

процесса и привычных движений. Мыслительный, эмоциональный и двигательный процессы у человека не только взаимосвязаны, но и каждый из них и все они вместе взятые принуждены работать не выходя из замкнутого круга автоматических привычных положений. Принятый в Институте метод подготовки человека к гармоническому развитию помогает ему освободиться от автоматизма. Упражнение «стоп» служит этой цели. Когда физическое тело удерживается в непривычном положении, более тонкие тела эмоций и мысли могут видоизменять свою форму.

Важно помнить, что для Приведения в действие воли необходима внешняя команда, без которой человек не сможет поддерживать переходное положение. Человек не может приказать себе остановиться, поскольку три функции в сочетании слишком неподатливы к волевому воздействию. Но пришедшая извне команда «стоп» играет роль умственной и эмоциональной функций, состояние которых в общем определяет физическую позу. Таким образом, физическая поза, освобожденная от привычного ига умственной и эмоциональной поз, ослабляется и в свою очередь ослабляет другие позы; это дает нашей воле возможность на короткое время получить управление нашими функциями».

В этот момент на сцену вышел Гурджиев и я смог как следует его разглядеть. Он носил длинный темный пиджак и черную фетровую шапочку. Будучи физически очень сильным человеком, он обладал походкой, легкой как у тигра. С едва заметной полуулыбкой он охватил нас всех взглядом своих пронизывающих темных глаз. Я не мог отнести его ни к какому известному мне типу: разумеется, это не был ни «мистический» тип, ни йог, ни философ, ни «мастер»; он вполне мог быть человеком, который устраивал археологические экспедиции в Центральной Азии.

Когда ученики собрались с одной стороны сцены, Гурджиев бросил в воздух какой-то предмет, и ученики кинулись его ловить. Он крикнул «стоп!». Как по волшебству группа превратилась в статуи людей в различных позах. Прошло около минуты. «Довольно», - сказал по-русски Гурджиев, и все расслабились и разошлись. Упражнение повторилось несколько раз.

После этого были хороводы - народные и сельские танцы. Мадам де Гартманн выходила на сцену перед каждым танцем и давала краткие пояснения. В качестве вступления она сказала: «Почти у всех народов Азии есть свои собственные танцы. Свыше двухсот из них собрано институтом. Первым номером мы покажем танец, который обычно танцуют девушки, заимствованный из района Кумурханы в Турции, хотя его истоки лежат в Древней Греции и позы танцоров поразительно напоминают рисунки на древних урнах (амфорах) и вазах». Сходство действительно имело место, а переливающаяся мелодия вполне могла рождаться из свирели Пана. За этим последовал танец урожая оазиса Керие, когда мужчины и девушки кружились вокруг одной женщины.

Танец закаспийских текинов был взят с Праздника Ковров. У текинов из разных областей был обычай привозить сотканые за год ковры в определенный город и устраивать там праздник. Ковры чесали, а потом отбивали (спрессовывали) так, что были видны лишь тонкие шерстяные нити. Существовали разнообразные способы отбивания ковров. Например, в Хорасане на разостланных коврах устраивали верблюжьи бега. В Персии их раскладывали на улицах, и по ним ходили люди, верблюды и ослы. У текинов, чьи ковры считались лучшими, их расстилали по земле и утапывали в такт под музыку.

После народных танцев были «Ручные Работы». Мадам де Гартманн сказала:

«Эти упражнения составляют часть ритмической работы в Институте, то есть ручного труда, выполняемого ритмически. Это было принято на Востоке, где музыка играла во время разного рода ручной работы для подъема производительности. Как известно из надписей, многие колоссальные сооружения Древнего Востока воздвигались под аккомпанимент музыки. Этот обычай все еще сохраняется у истоков Пянджа, в оазисе Керие и в других местах. Когда прекращаются полевые работы, крестьяне собираются зимними вечерами в самом большом строении и под звуки музыки занимаются различными работами. Наблюдения, сделанные в Институте Гурджиева над работой, выполняемой в группах и под ритмическую музыку, показывают, что производительность возрастает в-пять-двадцать раз, по сравнению с людьми, работающими в одиночку. Сейчас мы покажем три группы:

1. Чесание шерсти и прядение ниток.
2. Шитье обуви, вязка чулок^
3. Тканье ковров.

Меня особенно заинтересовали рабочие движения, выполняемые под музыку, и что-то вроде гудения, производимого учениками. Я как-то наблюдал за работой девушек на одной перчаточной фабрике в Девоншире: одна пела народную песню, а остальные подпевали ей с закрытым ртом. В Японии и в Китае я часто видел, как чернорабочие — кули делали однообразную работу, тянули канаты, тащили сваи и одновременно пели хором; работа доставляла им видимое удовольствие. Мне невольно приходило на ум сравнение с тем, что я испытал в Новой Зеландии, когда неделями копал ямы под столбы и выполнял другую тяжелую работу, невероятно страдая от усталости. Еще пятьдесят лет назад трудовые ритмы использовались в мире повсюду - даже в Англии. На флоте с появлением пара исчезли хоровые рабочие песни матросов. Перед Первой Мировой войной в Германии экспериментировали с музыкой на фабриках, а в Англии пробовали применять музыку, передаваемую по радио. Но нигде это не приводило к увеличению продукции: не доставало ритма. На фабрике моего отца применялся ручной труд, и когда девушки пели, они успевали сделать больше и лучше. Теперь, в связи с распространением планирования и автоматизации, все это, как видимо, отошло в прошлое. Человеческий ритм в работе, по природе инстинктивный и эмоциональный, был вытеснен бесчеловечным ритмом машины и конвейерной ленты. Глубокая инстинктивная потребность остается неудовлетворенной, а это приводит к психическим отклонениям и даже к преступлениям.

После второго перерыва началась последняя часть программы - «фокусы», «полуфокусы» и «настоящие сверхъестественные явления». Орейдж сказал: «Сейчас будут представлены некоторые из так называемых «сверхъестественных явлений», также изучаемых в Институте. М-р Гурджиев делит все такие явления на три категории: фокусы, полуфокусы и настоящие сверхъестественные явления. Фокусы делаются искусственно, причем исполнитель создает иллюзию участия каких-то природных сил; полуфокусы производятся без помощи ловкости рук, как например нахождение спрятанного предмета с завязанными глазами; третья категория, настоящие явления, основываются на законах, которые не объясняет официальная наука.

Возьмем хорошо известный пример с нахождением спрятанного предмета. Предмет прячут без ведома исполнителя фокуса, который ищет его с закрытыми глазами, держа за руку кого-нибудь из публики. Публика уверена, что фокусник читает мысли своего напарника. Это заблуждение. Явление действительно происходит без какого-либо трюка со стороны исполнителя, но оно не имеет ничего общего с передачей мыслей. Здесь -используется отражение наших эмоциональных переживаний на нашей мышечной системе. Поскольку на каждую малейшую вибрацию физического тела мышцы реагируют расслаблением или сокращением, при большой практике можно ощутить самые слабые вибрации, а они бывают и у самых невозмутимых людей, даже если человек специально старается их подавить. Рука, которую держит человек с завязанными глазами, бессознательно отвечает на сведения о месте нахождения спрятанного предмета, имеющиеся у ее обладателя; легкие, почти незаметные изме-

нения (состояния руки) составляют язык, который истолковывает медиум, - сознательно, если он посвящен в секрет, бессознательно, если он не знает закона, - и который ведет его туда, где спрятан предмет.

Подобные явления, производимые с помощью законов, отличных от тех, которым их приписывают, и в то же время не искусственные по своей сути, Гурджиев называет полуфокусами.

Третий класс явлений включает явления, базирующиеся в своем проявлении на законах, не объясненных официальной наукой. Они не имеют никакого отношения к спиритизму, духам и т.п. Это эксперимент над реакцией низшей силы на действие высшей силы; или над реакцией учеников низшего уровня на нечто, исходящее от высшего уровня. Изучение этого класса явлений поставлено в Институте очень серьезно, в полном соответствии с методами Западной науки. К нему допускаются не все члены или ученики. Необходимо соблюдение трех условий: первое состоит в широких и глубоких познаниях в какой-либо специальной области, второе -от природы настойчивый и скептический ум; третье и самое важное условие - это необходимая предварительная уверенность в будущей надежности ученика, с тем, чтобы увериться, что он не злоупотребит полученными знаниями ради достижения эгоистических целей.

Что же касается фокусов, то их изучение считается необходимым как для будущих исследователей подлинных явлений, так и для каждого ученика Института. Познание их не только освободит человека от многих предрассудков, но также придаст ему способность к критическому наблюдению, необходимому при изучении настоящих явлений, которое требует совершенно беспристрастного отношения и суждения, не обремененного предвзятыми мнениями.

Среди присутствующих учеников имеются такие, кто в течение длительного времени работал над этим и уже знаком с такими явлениями. Также есть и новички, далекие от понимания их причин. Однако в экспериментах участвуют все.

Сегодня вечером явления будут даны, как если бы все они были настоящими, хотя они будут трех видов: фокусы, полуфокусы и настоящие сверхъестественные явления. Но их классификацию мы оставляем за вами».

«Первым, - продолжал Орейдж, - будет упражнение в запоминании сл"ов. Несколько учеников пройдут сейчас по рядам и соберут у вас слова, которые могут быть из любого языка. Хотя мы можем запомнить и повторить до четырехсот слов за один присест, мы возьмем, чтобы вас не утомлять, только сорок. Этого достаточно, чтобы дать представление о возможности развития памяти за очень короткое время.

Следует указать, что в системе Гурджиева обучение редко бывает прямое, но почти всегда косвенное. Нужно иметь в виду, что все упражнения предназначены для развития быстроты ума и внимания, что опять-таки преследует фундаментальную цель гармонического развития ученика. Для развития памяти не дается никаких специальных упражнений; результаты достигаются обычной работой и упражнениями, способствующими развитию человека в целом».

В аудитории собрали около сорока слов и прочитали один раз ученикам на сцене, а те стали их повторять, и, насколько я мог судить, большей частью правильно, хотя многие слова были очень странными. Затем мадам де Гартманн, сидевшая среди публики, сказала: «Если сейчас вы дадите мне несколько чисел, я передам их с помощью внушения ученикам». Она повернулась лицом к бывшим на сцене ученикам и через несколько минут они начали повторять заданные числа.

Она продолжила: «Следующее упражнение состоит в передаче на расстоянии названий или формы предметов по их виду. Мы попросим вас показать или назвать сидящей среди вас ученице какой-нибудь имеющийся у вас предмет. Затем ученики на сцене будут отгадывать его название или форму».

У меня была при себе цепочка от часов с маленьким редким нефритом «Тики», который я приобрел в Новой Зеландии. Я показал его ей, и ученики дали похожее описание, по которому его можно было узнать.

Когда это закончилось, м-р де Гартманн сказал: «Теперь я попрошу предложить той же ученице название любой оперы, которая когда-либо существовала в любой части света. Она передаст его мне, и я сыграю отрывок из этой оперы. Тем временем я попрошу сидящих в первом ряду соблюдать полную тишину». Затем он играл отрывки из нескольких опер, часть которых я никогда не слышал.

Все это время внимание аудитории было приковано к сцене. Зрители были полностью заинтригованы. Тут вышел м-р де Зальцманн с мольбертом и большими листами белой бумаги, а мадам де Гартманн вновь заняла место в зале. Орейдж сказал: «Мы вас просим сообщить, таким же образом, о любом создании, от мельчайшего микроба до самого крупного зверя, существующем сейчас или в доисторическое время, - будь то рыба, зверь или птица, - ученице, сидящей с вами. Она передаст это художнику на сцене, и он его нарисует». После этого м-р де Зальцманн с поразительной быстротой и точностью делал наброски животных и т.п. На этом демонстрация сегодняшнего вечера, длившаяся около четырех часов, подошла к концу.

Фокусы и полуфокусы привели меня в полное замешательство. В качестве «представления» они были гораздо труднее многого из того, что я видел в исполнении профессионалов. Можно было подумать, что ученики прошли курс магии; однако я испытал некоторое облегчение и изумление, когда увидел среди учеников двух своих знакомых еще по лондонскому клубу в 1917 году. И, тем не менее, это напоминало магию; как оказалось впоследствии, это и была магия - только настоящая магия.

Пока мы направлялись к выходу, я вспомнил, что демонстрация «настоящих явлений» не состоялась, и стал

раздумывать, почему это так. Лишь гораздо позже, многому научившись, я понял, что тогда действительно была весьма определенная демонстрация настоящих явлений.

В последующие дни я не мог ни о чем думать, кроме этих танцев и музыки; я никак не мог привыкнуть к чувству, что я нашел то, что так долго искал. Мысленно я возвращался к Христианину из «Путешествия пилигрима из сего мира в следующий», что было довольно естественно, поскольку моя семья воспитывалась на Джоне Бэньяне и на Библии, а родственники со стороны моей матери были земляками Бэньяна. Когда я был ребенком, его персонажи казались мне жителями соседней деревни. Я знал книгу почти наизусть, и, когда я воспроизводил ее в памяти, мне пришел на ум следующий отрывок:

И вот я увидел во сне, что большая дорога, по которой должен был подняться Христианин, была огорожена с обеих сторон стеной, и эта стена называлась Спасением. И по этой дороге вверх шел нагруженный Христианин, с большим трудом шел он, ибо на его спине была его ноша. Шел он так, пока не достиг небольшого возвышения, на котором стоял крест, а под ним, у основания возвышения, - гробница. И вот я увидел в своем сне, что когда Христианин поднялся к кресту, ноша его сорвалась с его плеч и упала, и покатилась, переворачиваясь, пока не достигла гробницы и исчезла в ее пасти и Я уже больше ее не видел. Христианин же был радостен и весел и сказал с облегчением: «Своей печалью Он подарил мне отдых, своей смертью дал мне жизнь». И он стоял некоторое время и дивился, ибо очень странно было для него, что вид креста избавил его от ноши. Он-смотрел на него до тех пор, пока ручьи слез не покатались по его щекам.

Я подошел к концу своих поисков. Да, но паломничество только началось.

Полтора дня нью-йоркские газеты отводили значительное место на своих страницах сообщениям о представлении. Одна из низкопробных воскресных газет посвятила ему две страницы, сопровождаемые снимками и фантастическими заголовками. Одна из статей была озаглавлена: «Великий Гармонизатор производит настройку». Другая, якобы описывающая жизнь в Приере, рассказывала о том, как ученики обычно собираются в полночь на большой лужайке и начинают дикий танец, а в самом разгаре среди них появляется Гурджиев с криками: «Танцуйте! Танцуйте! Танцуйте ради свободы!» Всегда найдутся журналисты, готовые вывалить в грязь самые благородные идеи ради того, чтобы подать сенсацию для воскресного читателя.

Но несмотря на сенсационные статьи, последующие демонстрации нашли дорогу к действительно думающим людям. Повсюду среди, как говорится, «занятых делом» или обсуждающих что-либо людей, темой для разговоров стало: «Вы видели танцы Гурджиева?» Некоторые говорили, что учеников заипнотизировали, другие - что те были запуганы, потому что никогда не улыбались; третьи жаловались, что танцы нельзя подогнать ни под какую категорию, чтобы можно было навесить ярлык и писать статьи о них или о «системе». Никто не получал удовлетворения, объясняя другим, что это такое. Это раздражало часть интеллигенции и вызвало бы насмешки с их стороны, если бы не высокое положение старших учеников Гурджиева. Орейдж обладал международной литературной репутацией, о м-ре де Заль-цманне Гордон Крэйг сказал, что в освещении сцены в сценических постановках тот разбирается лучше, чем кто-либо в Западном мире. Де Гартманн был перворазрядным музыкантом, а доктор Стьернвал был известным в России психиатром. Также и три молодые ученицы - англичанка, армянка и черногорка - числились среди лучших в Европе танцовщиц. Кто-то как-то сказал: «В системе должно быть нечто такое, что побуждает следовать за Гурджиевым столь разнообразные таланты». С другой стороны, один лондонец, читатель журнала «Нью Эйдж», сказал мне: «Грустно смотреть на то, как такой человек, как Орейдж, с его репутацией и дарованием, отказывается от своей литературной жизни в Лондоне, чтобы последовать за шарлатаном!» Одна леди, рассказывая мне о представлении, заявила: «Я полагаю, что м-р Гурджиев живет с Кэтрин Мэнсфилд в лесу под Фонтенбло и они зовут себя «лесными любовниками».

Мой первый личный контакт с Гурджиевым имел место за день или за два до представления. Я разговаривал с Джейн Хин, которая пришла в магазин, где я работал. Вместе с Маргарет Андерсон она редактировала и издавала журнал «Литтл ревью», который если и не являлся американским эквивалентом английского «Нью Эйдж», то имел сходные цели. Несколько минут спустя после ее ухода вошли Орейдж и д-р Стьернвал. В присутствии этих зрелых людей я сразу почувствовал себя зеленым юнцом. Вскоре я сделал другое, еще более разительное сравнение: прибыл Гурджиев, выглядевший очень необычно в своем черном пальто с каракулевым воротником и в каракулевой шапке. С искоркой, вспыхивающей в глазах, он принялся шутить с остальными. Затем он обошел кругом и очутился рядом со мной. Я оглянулся и был поражен выражением его глаз, глубиной заключенного в них понимания и сострадания. Он излучал огромную силу и «бытие», каких я не встречал ни у одного человека во всех моих путешествиях, и я видел, что по сравнению с ним д-р Стьернвал и Орейдж казались неопытными юношами.

Я чувствовал себя немного неловко и, как я имел обыкновение в таких случаях, пытался завести разговор. Подобрал экземпляр книги Успенского, я спросил: «М-р Гурджиев, вы читали это?» Он сделал рукой отрицательный жест и сказал: «Очень трудно». Я понял это в смысле, - трудно для него. Тогда я сказал: «М-р Гурджиев, я бы хотел, если у вас есть место, поехать к вам в Институт и работать там». Он ответил: «Места достаточно. Но необходимо также думать о жизни. Много молодых людей в Институте учатся для жизни. Один будет инженером. Он учится получать бумагу. В жизни очень необходима бумага».

Он посмотрел на меня как на юношу, погруженного в мечты, — мечты мысли, мечты чувства, мечты о женщинах, - которому жизнь в обществе, освобожденная от ответственности, кажется весьма подходящей, по крайней мере, для одной части моего существа. Это был единственный случай, когда я пытался говорить с Гурджиевым о книгах.

Я был разочарован тем, что интерес к идеям Института высказал только один из моих друзей среди интеллектуалов Кротона. Этим исключением явился художник Бордмен Робинсон. «Левые» были глухо враждебны. Но левые всегда настроены против идей, ставящих своей целью изменение внутреннего состояния человека. Они хотят изменять внешние условия, результаты. «Измените внешние формы правления, и все будет хорошо». «Лучшее еще впереди». Счастье для них находится в будущем. Но как сказал Поуп: Надежда вечно жива в человеческой груди; Нет для человека блаженства, оно всегда грядет.

Я говорю об этом потому, что до того времени я жил среди «интеллигенции», разделял ее воззрения и был на пути к тому, чтобы стать закостеневшим в своих устаревших понятиях интеллектуалом.

Почти каждый вечер Гурджиев встречался с группами людей. Он не читал лекций в обычном понимании, а вел непринужденные беседы, состоявшие, главным образом, из вопросов и ответов. Как-то

раз, во время встречи на квартире у Джейн Хип, мне было трудно удерживать свое внимание на разговоре; оно непрерывно обращалось на приятную молодую женщину, сидящую недалеко от меня: и я испытал легкое потрясение, когда в ответ на чей-то вопрос Гурджиев заговорил о сне и о внимании. Указав на меня, он сказал: «Этот молодой человек, например, не обладает вниманием; более чем на три четверти он спит». Я очнулся от своих грез и стал внимательно относиться к происходящей беседе.

Кто-то спросил его: «Как мы можем добиться внимательности?» Он сказал (я не буду пытаться, за исключением

некоторых случаев, воспроизводить его ломаный английский язык): «Вообще, вниманием обладают немногие люди. Внимание можно разделить на две или на три части. В этой работе вы должны попробовать добиться внимательности. Только когда вы добьетесь внимательности, вы сможете начать наблюдать над собой и познавать себя. Вы должны начинать с малого».

«С чего же мы должны начинать?»

Гурджиев: «У вас нервные, беспокойные движения, заставляющие людей считать вас недотепой и думать, что вы не имеете власти над собой. Первым делом вам надо видеть эти движения и останавливать их. Если вы работаете в группе, это может помочь; даже ваша семья может помочь вам. Тогда вы сможете прекратить эти беспокойные движения. Сделайте это своей целью, и тогда потом вам, возможно, удастся добиться внимательности. Это пример *делания*. Всякий, когда он приступает к этой работе, хочет начать с больших дел. Если вы начнете с больших дел, вы никогда ничего не сделаете. Начните сперва с малого. Если вы хотите играть мелодии и начнете играть их без большой практики, вы никогда не сумеете сыграть настоящие мелодии, а своей игрой доведете людей до того, что они вас возненавидят. То же самое и с психологией. Чтобы добиться чего-то реального, необходимы длительная практика и большой труд. Сперва попробуйте выполнить небольшие задачи. Если вы сразу нацелились на большие дела, вы никогда ничего *не сделаете* или ничем *не станете*. Ваши же действия будут раздражать людей и вызовут у них ненависть к вам».

Примерно в середине января 1924 года я пришел на встречу в студии О'Нила и застал там несколько человек, уже занявших места перед началом беседы. Это были хорошо обеспеченные люди, интересовавшиеся современным искусством, музыкой и идеями. Встреча была назначена на девять, но когда мы увидели Гурджиева, было около десяти. Он вышел из другой комнаты, одетый в серый костюм и пару

старых мягких комнатных туфель, держа в руках большую печеную картофелину. Наступило ледяное молчание. Он уселся на край низкого помоста напротив нас и принялся за еду. Он как будто играл роль добродушного джентльмена средних лет на вечеринке. Он пошутил, и довольно напряженная атмосфера рассеялась от взрыва смеха. После нескольких замечаний он переменял тон и сказал: «Может быть, у кого-нибудь есть вопросы?»

Первый вопрос был такой: «Объясните, пожалуйста, Закон Трех».

Гурджиев ответил: «Возьмите простую вещь - хлеб. У вас есть мука, у вас есть вода. Вы смешиваете. Необходима третья вещь - жар, и тогда у вас будет хлеб. Так и во всем. Необходимы три силы, три принципа. Тогда у вас будет результат».

Другой вопрос: «Это кажется довольно глупым вопросом, но в чем, по-вашему, разница между мужчинами и женщинами?»

Гурджиев: «В общем, у мужчин больше развит ум, у женщины больше развиты чувства. Мужчины логичны, женщины не логичны. Мужчинам следует учиться больше чувствовать, женщинам - больше думать. Вы должны мыслить, чувствовать и ощущать какую-нибудь вещь прежде, чем она станет для вас реальной».

По поводу ощущения: вы не знаете, что такое «ощущение». Вы часто ошибочно принимаете ощущение за чувство и чувство за ощущение. Вы должны научиться распознавать, когда вы думаете, когда вы чувствуете и когда вы ощущаете. Необходимы три процесса, и необходима большая работа для понимания».

Вопрос: «Что такое страдание? Я имею в виду не физическую боль, а страдание, влияющее на чувства и разум. Возможно это эмоциональное и духовное страдание, когда для них часто нет видимой причины».

Гурджиев: «Есть разные виды страданий. Вообще, каждый страдает. Но большей частью ваше страдание - механическое. Есть две реки жизни. В первой реке страдание пассивное и бессознательное. Во второй реке страдание «произвольное», что отличает его и придает ему большую ценность. Большая часть ваших теперешних страданий происходит из-за ваших мозолей, или потому, что кто-то наступает на них. Чтобы добраться до второй реки, вы должны все оставить позади».

Вопрос: «Скажите, какое место в вашей системе занимает любовь?»

Гурджиев: «С обычной любовью идет ненависть. Сегодня я люблю вас, на следующей неделе, или в следующий час, или в следующую минуту я вас ненавижу. Тот, кто действительно может любить, может *быть*; тот, кто может быть, может *делать*; тот, кто может делать, *есть*. В нашем теперешнем состоянии

мы не способны любить. Мы любим, потому что что-то в нас сочетается с эманациями другого человека; это запускает приятные ассоциации, - возможно, в силу химико-физических эманации из инстинктивного центра, эмоционального центра или интеллектуального центра; или это может происходить под влиянием внешней формы; или вызвано чувствами, — я вас люблю, поскольку вы любите меня или поскольку вы меня не любите; внушением со стороны других; из жалости; и по многим другим причинам, субъективным и эгоистическим. Мы позволяем на себя влиять. Мы проецируем свои чувства на других. Гнев рождает гнев. Мы получаем то, что даем. Все привлекает или отталкивает. Есть половая любовь, которую обыкновенно и пони-мают как «любовь» между мужчинами и женщинами, - когда она исчезает, мужчина и женщина больше не «любят» друг друга. Есть любовь чувства, которая вызывает свою противоположность и заставляет людей страдать. Позднее мы поговорим о сознательной любви>>».

В ответ на другой вопрос он сказал: «Все живое нуждается в любви. Коровы дают больше молока, а куры несут больше яиц, когда их любят хозяева. У разных сеятелей получаются разные результаты. Сильные люди своей ненавистью способны иссушить растения и даже губить других людей. Начните с любви к растениям и животным, и тогда, возможно, вы научитесь любить людей».

«Да, - сказал задавший вопрос, - но что же такое любовь? Мы все время твердили о ней, но когда я спрашиваю себя, то не нахожу ответа. Быть может желать кому-нибудь добра и значит любить его. Но разве я знаю, что для людей хорошо? Даже для своих собственных детей — иной раз, когда я за что-то боролся, как мне казалось, для их блага, выходило совсем наоборот».

Гурджиев. «Когда вы знаете, что вы не знаете, это уже много. Вы придете в группы, и мы позднее поговорим об этом».

Вопрос: «Почему так происходит, что мужчин столь притягивают женщины, заставляющие их страдать? И, разумеется, то же самое у женщин по отношению к мужчинам?»

Гурджиев. «Обдумайте то, что я сказал насчет любви чувствовать «

На встречах я всегда испытывал чувство удовольствия, слушая Гурджиева, и у меня было ощущение, словно я был уже «на пути» и в состоянии «делать» что-либо и что с этого момента я совершенно переменюсь; но на следующий день я опять сбивался на старую колею. В глубине души я знал, что он говорил истину, которую я так давно жаждал услышать; но для себя, в жизни, у меня стало складываться некоторое представление о трудности «делания» чего-нибудь. Хотя я «чувствовал», что это истина, я не «понимал».

Я говорил с Орейджем о своих затруднениях при воспоминании сказанного на встречах и о трудности делания чего-нибудь. Он ответил: «Для вас еще не пришло время «делать». Необходимо размышлять обо всем, что говорит Гурджиев,

учиться и Готовиться». Я спросил: «Что такое размышление?» Он ответил: «В одном из аспектов это обдумывание с помощью мыслительной части каждого центра - интеллектуального, эмоционального и двигательного. В Новом Завете сказано: «Мария размышляла обо всем этом в своем сердце». Это означает - повторяла, взвешивала». Когда я попробовал размышлять, то осознал, что никогда ни о чем не «размышлял». Я только перемалывал что-то частью своих эмоций. Так, вспоминая слова Гурджиева обо мне, я стал воскрешать в памяти то, что я слышал о сне; «Спящий, пробудись!» -говорит пророк; «Ныне Христос воскрес из мертвых и стал первыми плодами тех, что спали», - говорил Павел. Согласно суфийской традиции, Христос, воскресший в облике Иисуса, поехал в Иерусалим на Осле Желания. В «Махабхарате» одного из великих героев зовут «Победитель сна». Греки говорили о теле как о могиле души, а в православной церкви на пасху поют: «Христос воскрес из мертвых. Он победил смерть смертию и дал жизнь тем, что были в могиле». Эта идея отразилась в поэзии. Один поэт эпохи Тюдоров писал:

Всю ночь звонкоголосый шантеклер,
Возвещающий день трубач,
Хлопает крыльями и громко кричит:

«Смертные! Смертные! Проснитесь! Встаньте!» Петушиный крик, по мне один из самых сладостных звуков в природе, - часто связывается с пробуждением. Пруденци 'сказал: «По крику петуха Христос восстал из преисподней». А Петр, когда пропел петух, «вспомнил» себя. Эту же идею можно найти в сказках. Она присутствует в «Спящей красавице». В каждом из нас есть нечто спящее, ожидающее пробуждения от поцелуя истинного учения. В некоторых детских стихах также приводится эта мысль: «маленький мальчик голубой, который под стогом сена крепко спал». Суфийский поэт Аттар в «Речи птиц» говорит о «сне, который заполняет вашу жизнь».

В результате бесед и демонстраций я стал постепенно сознавать, насколько глубок был мой сон. Первое указание на какие-то изменения во мне, в моем подсознании, пришло во сне.

Начиная с ноября 1917 года, когда после ранения на Сомме я освободился о.т военной службы по инвалидности, меня неотступно преследовало сновидение, повторявшееся каждые несколько дней.

В этом сне я видел себя опять в армии, идущим в бой, казалось, на верную смерть; часто меня убивали и, падая, я просыпался. События всегда сопровождалось чувством удивления, смешанного с подавленностью, отчаянием и сожалением, что я позволил еще раз втянуть себя в эту ужасную безвыходную ситуацию. Все чувства страха, безнадежности и отчаяния сжимались в несколько секунд непосредственно перед пробуждением. Сон был настолько реален, что я испытывал чувство огромного облегчения, когда спустя две-три минуты окончательно приходил в себя. Продолжительный и дорогостоящий курс психоанализа не произвел длительного эффекта. Пока я был с психоаналитиком, я освобождался от своих страхов, так как переносил свое страдание на него. Как только я покидал его, страх возвращался. В качестве одного из результатов психоанализа я обнаружил, что сны бывают так же часто обусловлены страхом и предчувствиями, деньгами и желудком, как и половым влечением. Обычный психоанализ подобен выпрямлению куска скрученной стали: если его отпустить, он примет прежнюю форму. Необходим процесс (отпуска) и закалки. По-видимому, система Гурджиева содержала технику такого отпуска и закалки.

После нескольких недель посещения встреч и демонстраций у меня повторился сон, о котором я говорил. Я был в армии, угнетенный и подавленный, полный упреков к себе за то, что опять попал в ту невыносимую ситуацию, из которой, казалось, не было выхода. Мы шли в сражение, как на бойню.

На войне - да и в нашем бодрствующем состоянии - природой обычно предусмотрены буферы между эмоциями страха и перспективой болезненных ран, страдания и смерти; но во сне буферы устраняются, и я в своих снах страдал от ужасов войны, как она есть на самом деле. Теперь же, во сне, что-то стало меняться, и я оказался вне армии. Я находился на высоком месте: было темно, но в сумраке я мог разглядеть внизу армию, уходящую без меня, и мной овладело чувство огромного облегчения. Позади меня струился свет, в котором я неясно различал фигуры двух людей. Я оглянулся и увидел Гурджиева с Орейджем; один из них сказал: «Путь к бегству?» Затем я проснулся.

Повторяющийся сон никогда не оставлял меня совершенно, но понемногу стал менее мучительным, и в нем всегда находился выход; со временем он сопровождался лишь чувством смутного беспокойства. Возможно, я не хотел забыть его полностью; возможно, я хотел помнить то состояние сна, в котором я пребывал, когда принес себя в жертву Молоху, Кали, Шиве - разрушителю, Марсу или как бы там ни называли люди силу разрушения.

Демонстрации движений и танцев продолжались - в Нейборхуд Плейхауз, в церкви св.Марка в Бауэри и в Карнеджи Холле. В Нейборхуд Плейхауз читался отрывок, ставший предисловием «от автора» в «Рассказах Баалзебу-ба», в котором он говорит о «Веке Жизни»; здесь же, по окончании одной из демонстраций, когда ученики покидали сцену, Гурджиев вызвал одну из девушек, изящную и превосходную танцовщицу, и во всеуслышание сделал ей выговор. Он сказал: «Вы портите мою работу. Вы танцуете для себя, а не для меня». Когда она стала оправдываться, он махнул рукой и удалился. Я был несколько шокирован; но зато это заставило меня почувствовать связь между системой Гурджиева и христианской идеей все делать во славу Божию, идеей работы для собственного внутреннего бытия и для славы Божией.

В феврале я сопровождал Орейджа в Бостон, где ему нужно было произвести необходимые приготовления для демонстрации и возможного образования группы. Я надеялся принести пользу, так как знал влиятельных людей в Бостоне и Кембридже (штат Массачусетс). Когда я в 1919 году оказался в Кембридже, у меня была идея получить степень по английской литературе и психологии; но при моем тогдашнем состоянии разочарования и смятенности, вызванном войной, мне было трудно посвятить себя научным занятиям. Сидя однажды в библиотеке Уайденера, я подумал, что освоение одной школы в психологии займет три года, а таких школ было несколько, причем каждая специализировалась только по одному аспекту человеческой психики. Потребуется годы, чтобы изучить все хорошо известные школы и таким образом составить полную картину человека. Узнаю ли я тогда немного больше о себе и о других людях? Что-то подсказывало мне, что этого не будет; то же касалось и академических исследований по литературе. Культура как самоцель больше меня не интересовала. Я отказался от идеи научной работы в Гарварде и продолжил свое кругосветное паломничество. Но я завязал дружбу с Чарльзом Таунсендом Коплендом, которая возобновилась во время моего второго посещения Америки. Он был профессором и известной в обществе фигурой, но также отличался человеческой теплотой. Я рассказал о нем Орейджу как о человеке, могущем быть полезным. «Сомневаюсь», - ответил Орейдж. - Я встречал только одного профессора, интересующегося настоящими идеями - французского профессора Дени Сора. Даже бизнесмены проявляют большую заинтересованность, чем профессора, ученые или писатели».

Никто из упомянутых мною «влиятельных людей» не проявил ни малейшего интереса к Гурджиеву, которого (они) сочли просто еще одним эксцентричным философом Европы.

Совместное пребывание в Бостоне с Орейджем дало мне возможность поговорить с ним и узнать его. В ответ на мой

вопрос, о цели посещения Америки Гурджиевым, он сказал: «Демонстрации, встречи и беседы являются в некотором роде закинутой сетью. Из сотен людей, которым доведется на них присутствовать,

только немногие, неудовлетворенные собой и жизнью, почувствуют, что у нас есть то, что они ищут. Это не обязательно означает, что эти немногие окажутся «несчастливыми» людьми. Они могут вести активную жизнь, быть обеспеченными материально и занимать хорошее положение, но они почувствуют, что вне круга обыденного существования есть что-то еще. Другими словами, есть люди, обладающие магическим центром или его зачатками; это люди, способные работать над собой. Остальное человечество, не испытывающее потребности, ничего и не предпримет. На самом деле мы предлагаем людям возможность обрести цель в жизни, использовать свои страдания - неудовлетворенность, которую они ощущают, - для их собственного блага. Сколько народу воспользуется ею? Увидим».

«Вы были не удовлетворены собой и жизнью, когда встретили Гурджиева?» - спросил я.

«Да, действительно, я уже начинал разочаровываться в чисто литературной и культурной жизни, когда встретил Успенского, навестившего меня незадолго до 1914 года. Мне становилось все труднее и труднее заставлять себя писать еженедельные заметки в «Нью Эйдж». Я испытывал глубокое разочарование при мысли о том, что моя интеллектуальная жизнь, с которой связывали все, что было высшего и лучшего в Западной культуре, не вела меня никуда. Как тогда выражались «Я не нашел бога».

«Значит, вы знали Успенского до того, как он встретил Гурджиева?»

«Да. Я переписывался с Успенским, когда тот был журналистом в России, в 1914 году. Когда там произошла революция, я связал его с м-ром Ф.С.Пиндером, британским официальным представителем в Екатеринодаре. Успенский оказался в стесненных обстоятельствах, и Пиндер дал ему

работу в своем штате. Вряд ли британское правительство платило ему жалованье, и я уверен, что Пиндер выплачивал его из собственного кармана. Когда Успенский во второй раз приехал в Англию, он навестил меня. Я вошел в контакт с некоторыми писателями, врачами, психологами и другими, и в студии леди Розермир в Сент Джонс Вуд устроили встречи. Успенский нашел то, что я искал. Но после первого посещения Гурджиевым группы Успенского я *знал*, что учителем был Гурджиев.

Впоследствии я продал «Нью Эйдж», оставил свою литературную жизнь и группы Успенского и уехал в Фонтенбло. Мои первые недели в Приере были неделями подлинного страдания. Мне сказали копать, а поскольку у меня годами не было настоящего упражнения, я так сильно страдал физически, что обычно уходил в свою комнату, похожую на келью, и буквально плакал от усталости. Никто, даже Гурджиев, не подходил ко мне. Я спрашивал себя: «Разве для этого я отказался от всей своей прежней жизни?» По крайней мере, тогда у меня что-то было. Что же у меня есть теперь?» Когда я дошел до полного отчаяния, чувствуя, что больше не выдержу, я дал себе зарок сделать дополнительное усилие, и тут же что-то во мне переменялось. Вскоре мне стал нравиться тяжелый труд, и неделю спустя ко мне подошел Гурджиев и сказал: «Теперь, Орейдж, я думаю, хватит копать. Пойдемте в кафе и выпьем кофе». С этого момента все стало меняться. Это было мое первое посвящение. Все прежнее миновало».

Таков (был) Орейдж, который благодаря своему журналу «Нью Эйдж» являлся сосредоточением всего наилучшего во всех ответвлениях современной мысли того периода, в журнале которого были рады писать бесплатно такие люди, как Честертон, Беллок, Шоу, Уэллс и Арнольд Беннетт, о котором Т.С.Эллист сказал, что он был лучшим литературным критиком своего времени.

Я узнал от Орейджа, что Гурджиев во время своего визита в Лондон к Успенскому взял с собой Ф.С.Пиндера в качестве переводчика. Успенский не соглашался с некоторыми толкованиями Пиндера, но Гурджиев на них настаивал. Он считал Успенского слишком умозрительным, слишком сильно упирающимся на теории и слишком мало — на практическую работу. Впоследствии из английских учеников в Приере остались только Орейдж, Пиндер и несколько других; остальные вернулись в Лондон. Среди учеников Успенского был некий м-р Дж.Г.Беннетт, который пробыл в Приере несколько дней; он встретился с Гурджиевым еще раз незадолго до его смерти в 1949 году. М-р Роулэнд Кении, первый редактор «Дейли Геральд» 1912 года, вместе со своей женой также пробыл некоторое время в Приере.

Орейдж сказал, что он был благодарен Успенскому за его посредничество при встрече с Гурджиевым, так как «только тогда он стал проводить различие между знанием и пониманием». Орейдж добавил: «Успенский воплощал для меня знание; Гурджиев - понимание, хотя, разумеется, у Гурджиева также было и все знание».

Ф.С.Пиндер, также не имевший сомнений относительно Гурджиева как учителя, был по профессии инженером-строителем. После встречи Пиндера с Успенским в Екатеринодаре большевики заключили его в тюрьму и приговорили к смертной казни. Во время своего заключения он совершенствовался в русском языке. В конце концов его освободили, и после войны он был награжден орденом Британской Империи (О.В.Е.). Любопытно отметить, кстати, что эти трое - Орейдж, Пиндер и Кении - замечательные люди в подлинном смысле слова, люди понимания, — получили, как и я, свой «недостаток образования», как они выражались, в начальной школе или школах-пансионатах, ныне муниципальных.

Человеку выпадает большая удача, когда он может располагать дружбой старших и более умудренных людей, - дружбой, основанной на чем-то существенном и на общей фундаментальной цели. Дружба с женщинами и их любовь может иметь место в то же самое время, но никогда не сможет

заменить ее. Мне посчастливилось иметь трех таких людей «Железо затачивает железо...»

Другая беседа с Орейджем в Бостоне началась с моего вопроса: «Вы не собираетесь открывать эзотерические трупы в Нью-Йорке? Если да, то я хотел бы стать учеником». «Нет, - ответил он. - Не эзотерические и даже не мезотерические. Будет неплохо, если мы сможем организовать внешнюю экзотерическую группу».

«Но разве Приере не является эзотерической школой?» «Является. И, вероятно, единственной в Западном мире на сегодняшний день; однако можно жить в Приере и совершенно этого не зная. Вы получаете от Приере столько, сколько сами даете в работе над собой, - то есть соответственно подлинному усилию. Сейчас там есть люди, для которых это место — не более чем психиатрическая лечебница.»

«Кажется, - сказал я, - мы с вами начали с противоположных концов. Я перепробовал почти все виды физического труда и зарабатывал на жизнь всякой работой, побывал в двадцати разных странах, но никогда не использовал свой ум. Как бессловесная овца перед стригальями, так и я перед интеллектуалами — косноязычен. Мне легко заниматься физической работой и коммерцией, но трудно применять свой ум. Я не умею выдумывать — я только чувствую».

«Действительно, — ответил он (Орейдж), - думается, я могу сказать, что мало кто разбирается лучше меня в текущих интеллектуальных идеях, но когда я стал работать с Гурджиевым, то скоро осознал, что почти ничего не понимаю. Мне нужно было начинать все сначала. В этой системе мы все должны, так сказать, начинать с нуля. В то же время мой опыт редактора может очень пригодиться в этой работе». Он добавил: «Вы, знаете ли, думаете своими чувствами. Вам следует научиться думать умом. Одна из целей этой работы состоит в придании человеку способности ощущать, чувствовать и думать одновременно. Мы все ненормальны в том, что у нас один или больше центров неразвиты. Именно поэтому

Гурджиев называет свою школу «Институтом Гармонического Развития человека».

«Неужели мы все ненормальные? - спросил я. — Возьмите, например, Бернарда Шоу. Я встречался с ним несколько раз, и, на мой взгляд, он был нормальным». «Я хорошо знал чету Шоу на протяжении многих лет, - сказал Орейдж, — за день до их свадьбы я был с ними вместе. Шоу чувствует умом, и ему не хватает того, что называется эмоциональным пониманием». Как-то раз Шоу и я пообедали вместе с одной приятельницей, и разговор зашел об эмоциях и интеллекте. Эта женщина сказала ему: «Вы знаете, Шоу, ведь вам не хватает эмоционального понимания». «Что вы имеете в виду? — спросил тот, — конечно же, у меня есть эмоциональное понимание». «Вовсе нет, - сказала она, - у Орейджа оно есть, а у вас нет». Шоу был раздосадован, ибо не мог поверить, что это правда. Позднее, когда он ушел, она сказала: «Бедняжка Шоу. Он немножко уязвлен. Его беда в том, что его мозги ушли в голову».

«Я разочарован, - сказал я, - тем фактом, что никто из моих друзей в Кембридже и Бостоне не заинтересовался ни идеями Гурджиева, ни демонстрациями танцев. Когда в 1919 году я был в Гарварде, мне казалось, что культурная жизнь В.Кембридже, возможно, была наилучшей из того, что можно найти, - сравнимой с культурной жизнью Англии восемнадцатого столетия перед мрачным периодом девятнадцатого века и двадцатого».

«Согласен, - сказал Орейдж, - но по Гурджиеву, внутреннее развитие отдельного человека не зависит от культуры, хотя культура и может составлять фон. Напротив, культура зависит от индивидуального развития человека или скорее от группы людей, работающих совместно. Расцветы и взлеты культуры, случающиеся в истории время от времени без видимой причины - строительство готических соборов, возрождение пьесы Шекспира - суть примеры результатов сознательной работы группы людей. И другое: нельзя никого

убедить в правильности системы Гурджиева с помощью интеллектуальных доводов. Мы и не хотим убеждать людей или обращать в новую веру. Мы предлагаем помощь тем, кто в ней нуждается. Здоровым, как вы знаете, не нужен врач. Гурджиев говорит, что Приере - это мастерская по ремонту сломанных автомобилей».

Я вернулся в Нью-Йорк, горя желанием принять активное участие в танцах и группах, но что-то меня удерживало. Во мне происходила, как говорится, борьба между двумя половинами. Одна половина говорила: «Сделай усилие. Попытайся». Другая половина говорила: «Обожди, ты не знаешь, на что ты идешь». На деле меня удерживало смешанное чувство страха, застенчивости и инертности: страха, что мне придется отказаться от каких-то делаемых мной вещей, с которыми не хотелось бы расставаться. Так что вместо активного участия в классах движений я просто наблюдал. Будучи таким, каким я был, я не мог поступить иначе. «Машина может вести себя только как машина». Меня главным образом беспокоили возможные помехи на пути осуществления моего заветного желания - открыть в Нью-Йорке книжный магазин.

Прихоти, желания обычно возникают от неизвестных нам причин — частью законных, частью незаконных. Незаконные, вредные причины следует устранять, иначе они не дадут нам покоя.

«Удовлетворяйте свои безвредные прихоти, но не культивируйте их, - сказал Орейдж. - В этой работе от вас не требуют отказываться от чего-либо. Объекты и ассоциации отпадут сами собой, когда вы перестанете отождествлять себя с ними. В конце концов, вам нужно чем-то зарабатывать на жизнь; отчего же не на книжном магазине?» - «Я еще хочу поехать в Приере», - сказал я. «Хорошо, но почему не совместить оба дела? Проведите лето в институте, а вернувшись, займитесь своим бизнесом. Но скажите мне, почему вы хотите стать книготорговцем?»

«Потому что я люблю книги».

«Стать книготорговцем из-за любви к книгам - это, на мой взгляд, вроде того, что стать мясником из-за любви к животным».

Была и другая проблема. В России я встретился с одной молодой американкой. Мы расстались, пошли своими путями и вновь встретились в Нью-Йорке. У нас было много общего, и мы обрuchились, но наши общие интересы, казалось, уже ослабевали. Ее стал задевать мой интерес к системе Гурджиева, и после посещения первой демонстрации она отказалась приходить на встречи в дальнейшем. Она жаловалась, что Гурджиев был против русской революции и что я уже утрачивал интерес к вещам, ради которых мы оба работали, - к «социальным преобразованиям и благу другим». Когда я рассказал ей о своих планах поездки в Приере и предложил присоединиться, она сказала: «Ты должен выбрать между Гурджиевым и мной». Я рассказал об этом Орейджу, на что тот заметил: «Один мой знакомый в Лондоне попал в подобное положение. Он любил женщину. Со временем созрели условия для осуществления его замыслов, очень много значивших для него. Когда он рассказал обо всем этой женщине, та стала выдвигать возражения. Чем больше они спорили, тем сильнее она упрашивала его не делать этого - под конец со слезами на глазах. Тут он уступил. И когда он сказал, что отказывается от своих планов, она стала презирать его за слабость. Их связь прекратилась. Он никогда не смог простить себе; и ему пришлось приложить значительные усилия, чтобы выполнить свои первоначальные, хотя и измененные теперь, планы». Это произвело на меня глубокое впечатление. Ибо, хотя Орейдж и не знал, его пример мог относиться к одному событию в моей собственной жизни, происшедшему несколько лет тому назад. Я также никогда себе не простил; и если бы не вмешательство Орейджа, мог бы повторить свою ошибку.

«Вам следует помнить, - продолжал Орейдж, - что американские женщины больше других испорчены. Разумеется, все женщины стремятся к самостоятельности, но одна из трагедий американской жизни состоит в том, что женщины весьма преуспели в господстве над мужчинами. Пассивная сила стала активной. Одним из последствий является огромное число разводов здесь по сравнению с Европой. Гурджиев ставил в вину мужчинам ухудшение положения женщин в Америке. Странно, но американцы считают это признаком «прогресса».

Даже крестьянки Центральной Европы инстинктивно понимают искусство любви лучше, чем куда более изощренные американки - или в данном случае англичанки. Женщинам не удается внутренне вырасти, поскольку их мужчины остаются детьми. Женщины желают подчиняться, как тому и следует быть, но для того, чтобы властвовать над мужчиной, нужен мужчина. У европейцев были тысячи лет в запасе, чтобы стать относительно взрослыми. Американцы, вместо того чтобы двинуться дальше от того места, где остались европейцы, вернулись к детству, - или, по крайней мере, к отрочеству. Но, будучи одним из больших недостатков, это также является одной из их потенциальных возможностей. С детьми можно что-то сделать. Гурджиев говорит, что у американцев больше возможностей для развития доброго начала, чем у любой другой нации, но что они находятся во власти ложных идеалов, занесенных из Европы и к тому же искаженных, - им так легко достались могущество и деньги, - что их цивилизация может придти в упадок и разломиться задолго до наступления зрелости. В подлинной цивилизации женщина понимает свои функции и не испытывает желания быть кем-то, кроме женщины».

Я сказал своей юной подруге, что выбрал поездку в Фонтенбло.

Этой зимой, когда каждые несколько дней я сталкиваюсь с неизвестным, у меня произошла встреча с одной «знахаркой» (гадалкой). Я услышал о ней от приятеля, по совету которого написал ей, сообщив свое имя, фамилию и дату рождения, и приложил гонорар. Через несколько дней мне пришел ответ - четыре густо исписанных листа бумаги, где были приведены мои основные характеристики и возможности, хорошие и плохие, и даже обрисованы типы обстоятельств, могущих мне встретиться. Некоторые вещи, рассказанные ею обо мне, были совершенно неожиданными - возможности добра и зла, о которых я даже никогда и не подозревал. Она также кратко охарактеризовала людей, еще не встреченных мною, но кто позднее стал частью моей жизни.

Она жила в небольшом городке в северной части штата Нью-Йорк, и я поехал ее навестить. Она оказалась спокойной и симпатичной маленькой женщиной и напоминала тип «знахарки», который я встречал в русских деревнях, - ибо в старой России в каждой деревне была своя знахарка, наделенная в необычной степени подсознательной мудростью рода (расы) и к которой крестьяне обращались за советом и просто потолковать о своих делах. Она не была медиумом в обычном спиритическом смысле, я спросил ее, как она

узнала обо мне так много, ни разу меня не увидев и не услышав. Она ответила: «Сама не знаю Я беру в руки ваше письмо, произвожу некоторые вычисления, затем сажусь за пишущую машинку, привожу себя в определенное состояние, и это просто находит на меня. Сначала я говорила людям о том, что, по-моему, их ожидает, но это зависит от многих вещей, я часто ошибалась, так что я это прекратила. Теперь я просто угадываю характер и чувствую, что могу помочь людям, говоря им об их возможностях, как хороших, так и плохих».

Она могла сказать о человеке по почерку, только когда была одна; не посредством разговоров, а используя дар, называемый - или вскоре неправильно называемый спиритами - психометрией. Похоже на то, как если бы при нашем рождении была отснята и представлена нам кинолента нашей

жизни, и что некоторые люди в известных состояниях способны увидеть наперед отрывки из нее. Если нам предсказывают наше «будущее», мы привносим свою субъективную интерпретацию и впустую тратим энергию, надеясь на предвещаемое хорошее и опасаясь предвещаемого плохого.

Мы стали друзьями, и я взял ее на одну из демонстраций. «Это, - сказала она, - настоящая вещь. М-р Гурджиев - это челрвек, который понял значение истинной религии. Это человек, который видел Бога».

Недостаточно сказать: «Познай себя», и для нас всегда бывает потрясением услышать о своей темной стороне, ибо мы не желаем этого видеть.

«Система Гурджиева предусматривает технику, - говорит Орейдж. — Вам могут говорить о ваших ошибках годами, но если вы не сделаете сами правильного вида усилия, вы останетесь тем же самым. Его система обладает методом, который нельзя почерпнуть из книг, когда вы мало-помалу учитесь делать это усилие познать самого себя; вы же должны готовиться к работе на длительное время - возможно на годы, - и у вас будут большие периоды, когда кажется, что ничего не происходит и ничего не меняется».

Гурджиев взял своих учеников сначала в Бостон, а затем в Чикаго, где были даны представления и беседы. Результаты, последовавшие от всех этих усилий, были малы; семена упали на каменистую почву. По возвращении в Нью-Йорк в Карнеджи Холле была дана заключительная демонстрация. По поводу оркестра возникли затруднения с профсоюзом музыкантов; профсоюзе настаивал на предоставлении работы дополнительным музыкантам, включая пианиста. Так что Гурджиев распрощался со своей группой, и м-р де Гартманн один исполнял музыку на концертном фортепиано. На этой последней демонстрации в Нью-Йорке единственный раз места были платные. Поскольку часть публики сидела на дальних дешевых местах, а некоторые дорогие места пустовали, Гурджиев пригласил людей с дешевых мест пересесть

поближе и занять дорогие места, что они и сделали. Программа была очень длинной, продолжалась около четырех часов, и все же немногие ушли до конца; нужно ли говорить, что они остались отнюдь не из вежливости! Исполнялись все танцы и движения, а также фокусы и полуфокусы. За исключением лекции-беседы, которая была прочитана в Нейборхуд Плей-' хауз и со временем добавлена к «Рассказам Баалзебубу», все пояснения читались.

Я вспоминаю этот вечер отдельно по причине того, что позднее удивило меня. Со мной была одна богатая молодая женщина, пришедшая в надежде увидеть Орейджа, нежели демонстрацию. После представления она предложила пригласить Гурджиева выпить с нами кофе. На удивление, он согласился. Покинув всех важных людей в Карнеджи Холле, он повел нас через дорогу в кафе Чайлда на Колумбус Секл. Меня поразило то, каким манером он пересекал улицу сквозь движущийся транспорт, — без нервозности и спешки, свойственной большинству людей, — а как будто он чувствовал всем своим существом, полностью сознавая, что он делает, подобно мудрому слону, которого я видел в Бирме, когда тот продирался сквозь чашу леса.

Пока мы пили кофе, Гурджиев рассказывал о трудностях, с которыми он встретился, добывая деньги для своей мечты. «Люди заплатят что угодно за тривиальные вещи, - сказал он, - но ради чего-то действительно им нужного даже в обычной жизни они платить не будут». Я задал ему несколько вопросов только потому, что, как мне думалось, следовало что-то сказать, и он ответил в том плане, что, «видя, я не увижу и, слыша, я не пойму». Также, поскольку я получил религиозное воспитание и верил, что «спасение доступно для всех», у меня возникло ощущение, что учение Гурджиева дается безвозмездно и что у такого человека не должно быть затруднений при добывании нужной ему суммы денег. Так, хотя я и мог дать ему несколько сотен долларов, которые тогда оказались бы для него полезными, я воздер-

жался; и это было для меня одной из многих вещей, которые позднее стали «напоминающим фактором», как он называл угрызения совести.

Гурджиев поставил перед Орейджем трудную задачу - собрать достаточное количество денег для его пребывания в Америке. Орейдж отнюдь не был бедным, но его семья сильно страдала от бедности, когда он был мальчишкой, и он ненавидел бедность. Равным образом, он ненавидел прислуживаться из-за денег и почти так же сильно ему не нравилось просить денег на какие-нибудь цели - даже на свои собственные цели. Гурджиев прибыл в Америку с сорока спутниками и без денег; в то же время он

настаивал, чтобы-первые демонстрации были бесплатными. Так что Орейджу пришлось до предела использовать свои таланты - свое обаяние, свой дар убеждения, свою известность в качестве редактора. Однако американцы - щедрые люди, и они действительно любят давать деньги на что-то, что их трогает, причем не ожидая материального возмещения или даже столь милой для них рекламной кампании. Потекли деньги.

Орейдж говорит: «Мы наивно относимся к деньгам, согласно Гурджиеву; как индивидуумы, так и нации загипнотизированы идеями денег, идеями, существующими на протяжении веков. Сейчас (в 1924 году) тысячи людей стали банкротами, а сотни тысяч потеряли работу из-за того, что финансовый диктатор Моктегу Норман говорит, что английская денежная система не должна меняться. У каждого века свои предрассудки, и в каждом веке мужчины и женщины приносятся в жертву ложным богам, ложным идеалам. Гурджиев говорит, что отношение к финансам составляет часть того снопоподобного состояния, в котором мы живем. Коли бы люди могли пробудиться, они бы очень скоро переменялись. Отношение Гурджиева к деньгам отличается от отношения всех, с кем я когда-либо встречался. Ему деньги нужны для его цели. Никакого важного дела нельзя сделать без денег. По крайней мере одну из проповеднических поез-

док Иисуса финансировали богатые женщины. Может показаться, что Гурджиев швыряет деньги направо и налево, но он рассчитывает и использует их для определенных и неличных целей. Несколько дней назад один человек дал ему сто долларовый чек для его «великой работы», показывая своим видом, что делает одолжение. Гурджиев рассыпался в благодарностях и на следующий день пригласил его в ресторан на обед. За обедом нас было десять человек. Когда официант принес счет, Гурджиев стал его оспаривать, говоря, что тот забыл внести туда то-то и то-то, и официант забрал счет. Когда он вернулся, Гурджиев взглянул на листок, расплатился, дал официанту приличные чаевые и положил счет таким образом, чтобы жертвователю смог его увидеть. Я сидел с ним рядом. Счет составил ровно сто долларов».

Кто-то спросил: «Какое место в вашей системе занимает свобода воли?»

«У обыкновенного человека нет воли, - ответил Гурджиев, - он ничего не делает сам по себе». То, что считается волей, есть попросту сильное желание; у слабого - слабые желания, у сильного - сильные желания. Человека то туда, то сюда влекут его желания, его прихоти. У него нет подлинного *хотения*, но зато есть много прихотей. У человека может быть много желаний, но одно может преобладать, и он посвящает свою жизнь исполнению этого желания - он посвящает ему все, - и люди говорят, что у него сильная воля. Только человек, обладающий Я, может иметь волю. Когда у человека есть Я, он может быть себе хозяином, тогда у него есть свобода воли - не прихоть или желание, подверженное всему окружающему, которое может меняться вместе с пищей, людьми, климатом, полом. Настоящая воля приходит вместе с сознательным желанием через поступки, совершаемые с осознанием. Но вы должны работать годами, возможно столетиями. Мы носим в себе Мастера, но этот Мастер (хозяин) спит. Он должен пробудиться и подчинить себе всех этих маленьких хозяйчиков внутри нас. Очень часто то, что называется волей,

является балансированием между желанием и нежеланием. Например, разум хочет чего-то, а чувства - нет. Если в этом случае разум сильнее чувств, то человек подчиняется разуму. Если оба более или менее уравниваются друг друга, то результатом будет конфликт, колебания, нерешительность. Вот это и называется свободой воли у обыкновенного человека. Им командуют то разум, то чувства, то тело, - а чаще -половой центр».

После этой встречи кто-то спросил Орейджа: «Дает ли ваша система метод для достижения свободной воли и имеется ли ясное изложение или описание системы в печатном виде?»

Орейдж ответил: «В этом вопросе есть две части. Во-первых, имеется определенная техника или метод для практической работы над собой. Есть, также, и теоретическая сторона, как ее развивает в Лондоне Успенский. В Приере учат и тому и другому, но для новичков наибольший практический смысл имеет работа. Гурджиев говорит, что как практическому методу, так и теории необходимо обучать понемногу, они выдаются небольшими кусочками, порциями, которые должны быть подогнаны и соответствовать друг другу. «Однако тесто вы должны смесить сами, - говорил он, - без него ничто не затвердеет». Воля и приобретение воли -большая тайна. Никто никогда не видел волю, но мы способны видеть ее проявления в тех, у кого она есть. Гурджиев, например, обладает громадной волей. Это - способность делать».

«Хорошо, - сказал другой, - как бы вы изложили словами технику, при помощи которой можно развить волю?»

«Прежде всего, - сказал Орейдж, - вам следует знать, что можно создать ложную волю. Например, кто-то стремится к власти над людьми ради корыстных целей. Спустя некоторое время в нем нечто кристаллизуется, но это - ложная кристаллизация. Суть метода можно вкратце подытожить следующей фразой: намеренное страдание и сознательный труд. Наме-

ренное страдание есть принуждение себя переносить неприятные проявления других; сознательный труд есть усилие ощущать, помнить и наблюдать себя. Это означает выполнение малых дел сознательно; усилие, совершаемое против сил инерции и механизмы организма; не ради личной выгоды или пользы, но для упражнения, здоровья, спортивного интереса, удовольствия или наука; и не из-за самолюбия, симпатии или антипатии. Самовспоминание никогда не становится привычкой. Оно всегда является результатом сознательного усилия, поначалу очень слабого, но возрастающего в процессе делания. Момент самовспоминания есть момент сознания, т.е. самосознания не в обычном смысле слова, а сознанием истинного себя, которое и есть Я, вместе с осознанием своего организма - тела, чувства и мыслей».

Одна писательница-романистка как-то на встрече сказала Гурджиеву: «Иногда я чувствую, что более сознательна, когда пишу. Так ли это, или я все это воображаю?» Он ответил: «Вы живете в грезах и пишете о своих грезах. Для вас было бы гораздо лучше один раз сознательно вымыть пол, чем написать сотню книг, как вы теперь делаете».

Относительно самовспоминания он сказал: «Человек не может не вспомнить себя, поскольку он пытается это сделать с помощью своего разума — по крайней мере, вначале. Самовспоминание начинается с самоощущения. Это должно делаться через инстинктивно-двигательный центр и эмоциональный центр. Один разум не более составляет человеческое существо, чем возница - целый экипаж. Центр тяжести перемены находится в двигательном и эмоциональном центрах, но они заняты только настоящим, разум же смотрит вперед. Желание перемены - быть тем, чем следует быть, - должно находиться в нашем эмоциональном центре, а способность *делать* - в нашем теле. Чувства могут быть сильны, но тело лениво, охвачено инертностью. Разум должен изучить язык тела и чувства, а это делается с помощью надлежащего наблюдения над собой. Одним из плодов самовспоминания

является возможность совершать в жизни меньше ошибок. Но для выполнения самовспоминания все центры должны работать одновременно; и они должны искусственно стимулироваться: умственный центр - извне, другие два - изнутри. Вы должны различать ощущения, эмоции и мысли: «Напомни мне, чтобы тебя вспомнить», а для этого вы должны иметь Я. И вы должны начать с отделения внутренних реальностей от внешних, с разделения Я и Оно. Это подобно тому, что я говорил о внешнем и внутреннем рассмотрении».

Кто-то спросил: «Я не очень разобрался в том, что вы называете рассмотрением».

Гурджиев ответил: «Приведу вам простой пример: хотя я и привык сидеть со скрещенными ногами, я принимаю в расчет (рассматриваю) мнение присутствующих здесь людей и сижу как они, поставив ноги прямо перед собой. Это внешнее принятие в расчет (рассмотрение).

Теперь относительно внутреннего рассмотрения. Кто-то смотрит на меня, как мне кажется, неодобрительно. Это вызывает соответствующие ассоциации в моих чувствах; если я слишком слаб, чтобы не реагировать, этот человек раздражает меня. Я внутренне переживаю и выказываю свое раздражение. Так с нами обычно бывает. Мы внешне проявляем то, что чувствуем внутри».

«Нам следует пытаться разграничивать внутренние и внешние импульсы. Внешне мы должны порой даже больше считаться с другими, чем мы это делаем теперь, - например, быть вежливее с людьми, чем обычно. Можно сказать, что то, что до сих пор проявлялось вовне, должно быть внутри, а то, что внутри - вовне. К сожалению, мы всегда реагируем. Но почему я должен досадовать или раздражаться, если кто-то посмотрел на меня косо? Или если он не смотрит на меня, не замечает меня? Может, он сам рабски зависит от чьего-либо мнения; возможно, он - автомат, попугай, повторяющий чужие слова. Возможно, кто-нибудь наступил на его большую мозоль. А завтра он может перемениться. Если он слабый, а

я злюсь на него, то, значит, я еще слабее; и, чувствуя себя задетым, делая из мухи слона и преисполняясь обиды, я могу испортить отношения с другими людьми.

Следует совершенно уяснить себе и возвести в принцип, что нельзя позволять себе становиться рабом чужих мнений, надо освободиться от (влияния) окружающих. А когда вы освободитесь от него внутри себя, вы станете свободными от них.

Иногда необходимо сделать вид, что вы раздражены; не обязательно, если вас ударили по одной щеке, подставлять другую. Иногда нужно ответить так, чтобы впредь было неповадно. Однако внутренне этого не нужно принимать в расчет. С другой стороны, если вы внутренне свободны/ может случиться, что если вас ударили по одной щеке, то лучше подставить другую. Это зависит от типа другого человека; иногда такой урок запоминается ему на всю жизнь. Иногда следует отплатить тем же, иногда - нет. Человек может выбирать только тогда, когда он внутренне свободен. Обычный человек не может выбирать, не может быстро и беспристрастно оценить ситуацию, ибо у него внешнее совпадает с внутренним. Необходимо работать над собой, учиться быть беспристрастным, разбирать и анализировать каждую ситуацию как бы чужими глазами, только тогда можно быть правым. Быть правым в момент действия в сотни раз полезнее, чем быть правым после. И только когда вы сможете действительно быть беспристрастным по отношению к себе, вы сможете быть беспристрастным по отношению к другим.

Для этого требуется очень многое. Свободную волю нельзя заполучить с помощью вопросов и нельзя купить в магазине. Беспристрастное действие есть основа внутренней свободы, первый шаг к свободной воле.»

На другой встрече задали вопрос: «Необходимо ли все время страдать, чтобы поддерживать сознание в бодрствовании?»

«Как я вам уже говорил, - сказал Гурджиев, - имеется очень много видов страдания. Это также палка о двух концах. Один конец: страдания ведут к ангелу, другой - к дьяволу. Человек очень сложная машина. Рядом с каждой хорошей дорогой пролегает соответствующая дурная дорога. Одно всегда идет рядом с другим. Где мало хорошего, там мало и дурного; где много хорошего, там много и дурного; где есть сильная положительная часть, там будет и сильная отрицательная часть. Однако там, где много плохого, не обязательно будет также и много хорошего. В случае страдания легко попасть на ложную дорогу. Страдание легко превращается в удовольствие. Вас ударили один раз - вам больно. Во второй раз вы почувствуете это меньше. В пятый раз вам уже захочется, чтобы вас ударили. Нельзя засыпать: всегда нужно быть начеку. Нужно знать, что необходимо в каждый данный момент, иначе можно сбиться с пути в канаву».

Другой вопрос: «Какую роль играет совесть в приобретении я?»

«Вначале, - ответил Гурджиев, - совесть помогает в том, что она экономит время. Обладающий совестью может быть спокойным; тот, кто спокоен, располагает временем, которое он может использовать для работы. Позднее совесть служит для другой цели. У обычного человека большая часть времени занята принятием в расчет (рассмотрением); кончается одна ассоциация, начинается другая. Утром он выходит радостный, несколько минут спустя становится грустным, еще несколько минут - и он возмущен или зол: он во власти сотен бесполезных ассоциаций; машина работает все время. Энергия, накопленная за время сна, питает поток наших дневных ассоциаций. Так она расходуется в нас весь день. Нашего запаса энергии достаточно для нашей обычной механической жизни, но не для работы над собой. Если, например, мы сравним эту энергию и энергию, потребляемую 15-ваттной электрической лампочкой, то энергия, затрачиваемая на активную работу, соответствует энергии, потребляем-

мой 10-ваттной лампочкой, потребляющей большой ток из сети. Если мы расходует свой запас энергии на бесполезные ассоциации - беспокойство, возмущение и т.д. — то нам хватит энергии только, скажем, на утро и ничего на остаток дня; а человек, лишенный энергии, - всего лишь комочек плоти. Мы должны научиться экономно расходовать свою энергию. Природа создала нас такими, что у нас может быть достаточно энергии, чтобы выполнять оба вида работы: обычную жизненную работу и работу над собой. Но мы разучились работать нормально, отсюда - напрасная трата энергии. Энергия, вырабатываемая нашей динамо-машиной и накапливаемая в нашей батарее, расходуется на наши движения, эмоции, ощущения и проявления. Мы расходует ее не только на то, что необходимо, но и на то, что не является необходимым. Например, когда вы сидите и разговариваете, вам на это требуется энергия, а вы к тому же и жестикулируете. Это может понадобиться, чтобы подчеркнуть вашу мысль; при этом для мышц ног и других мышц совсем не требуется энергии, и, все-таки, вы сидите напряженно все время. Вы ничего не можете поделать, даже если знаете об этом. Ваш разум не властен приказывать. Чтобы освободиться от ненужных напряжений, требуется длительная тренировка. И, тем не менее, тело не тратит столько энергии, сколько ассоциации. Мы все время испытываем тысячи бесполезных мыслей, чувств и переживаний, приятных и неприятных; и все они действуют без участия Я.

Энергия, затраченная на сознательную работу, преобразуется для будущего использования; энергия, затраченная бессознательно, теряется навсегда».

Вопрос: «Как можно экономить энергию?» «Чтобы научиться этому, требуется длительное время. Нельзя начинать с попыток экономить энергию эмоций. Начните с более легкого: с телесной энергии; когда вы этому научитесь, у вас образуется навык, который послужит вам ключом».

Вопрос: «Меньше ли мы используем энергии, когда лежим?»

«Когда вы лежите, на вас воздействует меньше внешних импульсов, но вы можете тратить гораздо больше энергии на мысленные ассоциации. Вы можете тратить меньше энергии при ходьбе, чем сидя, поскольку ноги двигаются по энергии и требуют толчки лишь время от времени. Когда автомобиль едет на первой скорости, он расходует больше энергии, чем на высокой передаче, когда значительная часть движения происходит по инерции. Когда вы лежите и находитесь во власти ассоциаций, вы, так сказать, переключены на низкую передачу. Таким же образом, трата энергии данной мышцы может быть разной».

На другой встрече его спросили: «Каково отношение вашей системы к морали?»

«Мораль, - ответил он, - бывает субъективная и объективная. Объективная мораль - одна и та же для всех и повсюду. Субъективная мораль различна в разных странах и в разные периоды. Каждый определяет субъективную мораль по-своему. То, что один называет «хорошим», для другого - «дурное» и

наоборот. Субъективная мораль это тоже палка о двух концах: ее можно повернуть и так и эдак. С того времени, как люди появились на Земле, со времен Адама, у нас стал формироваться, с помощью бога, природы и нашего окружения, орган, функцией которого является совесть. Этот орган есть у каждого человека, и любой, кто руководствуется своей совестью, живет согласно указаниям внутреннего голоса. Но человек живет согласно прихоти субъективной совести, которая, как и субъективная мораль, везде разная.

Объективная совесть не есть палка о двух концах, это -понимание того, что есть добро и зло, складывающееся у нас веками. Но бывает так, что этот орган, по многим причинам, покрывается чем-то вроде корки, которую можно взломать только сильным страданием; тогда пробуждается совесть. Но спустя некоторое время человек успокаивается и этот орган снова покрывается коркой. В обычных условиях необходим сильный удар, чтобы раскрыть этот орган. Например, у человека умирает мать и он начинает слышать голос совести. Любить, уважать свою мать и заботиться о ней - долг каждого человека. Но человек редко бывает хорошим сыном. Когда у него умирает мать, он вспоминает свое поведение по отношению к ней и начинает страдать от угрызения совести. Человек - это также большая свинья, и, подобно свинье, он скоро забывает; совесть опять умолкает, и он начинает жить по-прежнему автоматически. Тот, у кого нет совести, не может быть истинно нравственным.

Другой пример. Я могу знать, чего мне не следует делать, но по слабости не в силах удержаться. Например, доктор говорит, что мне вреден кофе. Я думаю об этом, но соглашаюсь с ним и воздерживаюсь от кофе только до тех пор, пока меня не потянет его выпить. То же самое во всем; только когда человек дурак, он может быть нравственным. Нам следует забыть о морали. Впустую говорить сейчас о морали - все равно, что переливать из пустого в порожнее. Наша цель — стать христианами в подлинном смысле; но чтобы стать христианином, вы должны быть способны *делать*. В настоящий момент вы этого не можете. Когда вы станете способными *делать*, вы сможете стать христианами.

Внешняя мораль различна повсюду, и в этом отношении следует вести себя подобно другим. Как говорится: «Если находишься в Риме, то живи как римляне»; это и есть внешняя мораль. Что касается внутренней морали, то вы должны быть способны *делать!*

В апреле я отправился в Лондон. Пока я смотрел на удаляющиеся небоскребы Нью-Йорка, перед моим мысленным взором развертывались события и переживания последних шести месяцев. В жизни порой проходишь через эмоциональные пустыни, безводные области, где ничего не происходит. Другие моменты заполнены переживаниями и впечат-

лениями. Иногда попадаешь в оазис, иногда в джунгли, населенные дикими животными. За несколько месяцев, недель и даже дней можно прожить годы. В это время я жил в стране, наполненной эмоциональными и мысленными переживаниями.

Странно, что мне удалось найти учителя и учение именно в Нью-Йорке, так как я не ожидал найти там что-либо, обладающее внутренней ценностью. При моем первом посещении Нью-Йорка в 1919 году он не привлекал меня как место жительства. То же чувство я испытывал, когда был там во второй раз; и по-прежнему этот город для меня чужд более, чем любая другая крупная столица, даже Пекин. И все-таки, несмотря на то, что этот город мне по-прежнему не нравится, я всегда думаю о нем только с чувством благодарности, ибо я обязан ему столь многим хорошим. Как говаривал Гурджи-ев, у каждой палки два конца: хороший конец и плохой конец.

Нью-Йорк — это город страха, - вроде динамо-машины, высасывающей энергию из миллионов человеческих существ, которые под действием природных сил сгущаются вместе в огромных количествах в определенных частях планеты, подобно муравьям и термитам в их громадных термитниках,

— все это, несомненно, для неких космических целей. Термиты, которые принесли в жертву государству свое зрение, пол и свободу, без сомнения, гордятся размерами своих городов, так же как некоторые жители Нью-Йорка и Лондона хвастаются своими городами как величайшими в мире.

Можно сказать, что Франция и Англия занимают такое же положение по отношению к Америке, как Древняя Греция

- по отношению к юному Риму. Ведь и сотни лет спустя после возвышения Рима Греция продолжала оказывать огромное влияние на него и на новые объединения народов, возникавшие в Европе. По прибытии в Лондон, я отправил в Приере письмо с просьбой разрешить мне приехать и работать там. Тем временем я улаживал свои финансовые дела.

Хотя одна моя часть стремилась попасть в Институт в Фонтенбло, другая часть продолжала противиться. Ответа я не получил, и эта другая часть стала выдвигать всевозможные причины, чтобы не ехать. Кроме того, останавливали робость, страх перед неизвестным и незнакомым. Не следовало ли мне заняться своим бизнесом вместо того, чтобы тратить все свое время на что-то такое, что могло обернуться всего-навсего еще одним культом? Эта борьба между «да» и «нет» продолжалась в течение недели или двух, а затем или что-то во мне, или милость божья побудила меня ехать.

Я прибыл в Фонтенбло и нанял фиакр. Пока лошадь трусила по дороге, мои эмоции пришли в движение, как будто их взболтали ложкой; все так сильно запечатлелось в моих воспринимающих

органах, что впечатления остались по сей день такими же ясными, как и тогда: солнечный свет, листва деревьев, маленький дребезжащий трамвайчик из Самуа, пение пил и свежий сладкий запах опилок с лесного склада, дома, люди и мрачный замок князя Орлова.

Фиакр остановился перед какими-то большими воротами, и кучер сказал: «Приере». Я заплатил ему и, нервничая, дал такие чаевые, что он почти приподнял шляпу. За стеной виднелась потемневшая крыша замка, а со двора доносился плеск фонтана, ласкающий ухо в этот яркий весенний день. У двери привратничкой была ручка от звонка с надписью «звоните сильнее». Я сильно дернул и подождал. Все было спокойно. Я дернул снова. Спустя некоторое время появились два мальчика, не говоря ни слова, взяли мои чемоданы и поставили их в привратничкой, а старший из них, Валя, жестом предложил мне сесть. Они исчезли; прошло много времени, и я, пока сидел, отдался во власть впечатлений; вскоре я ощутил в окружающей атмосфере что-то очень необычное. Было ли это результатом чего-то, оставшегося от древних монахов, или от маленького двора мадам де Мнэте-нон, или от работы Гурджиева и его учеников, не знаю; это было похоже на то, что чувствуешь в старых замках и

церквях; и я знал, что когда я пришел сюда, исполнилось мое заветное, хотя и бессознательное и несформулированное желание.

Нить моих размышлений была прервана приходом мадам Де Гартманн, с которой мы обменялись рукопожатием. «М-р Гурджиев получил мои письма? - спросил я. - Я ждал, чтобы узнать ответ». «Ваши письма? - сказала она, - м-р Гурджиев не отвечает на письма. Почему вы так долго ждали? Мы вернулись три недели назад. Но я покажу -вам вашу комнату. Может быть, вы хотите отдохнуть? Извините меня, у меня много дел». Она проводила меня в мою комнату, которая находилась на втором этаже и была обставлена роскошной мебелью в старинном французском стиле. Мое окно выходило на просторные лужайки и затененные дорожки, клумбы и маленькие пруды, золотистые в солнечных лучах - и на лес, видневшийся за ним. Я облокотился о подоконник, и вся напряженность и предвзятость исчезли сами собой. И вновь я вспомнил «путь паломника»:

«Затем я увидел, как он шел, дрожа от страха перед львами, но не уклоняясь со своего пути к привратнику, он слышал их рычание, но они не причинили ему вреда. Затем он хлопнул руками и продолжал идти, пока не подошел к воротам, где находился привратник. И сказал Христианин привратнику: «Сэр, что это за дом и могу ли я остановиться здесь на ночь?» Привратник ответил: «Этот дом построен Хозяином Холма для отдыха и безопасности паломников». Он спросил также, откуда тот был и куда направляется.

Христианин: «Я происхожу из города Разорения, а сейчас направляюсь к горе Сион; но, поскольку солнце зашло, я хотел бы, если можно, остановиться здесь на ночь».

Привратник: «Как тебя зовут?»

Христианин: «Теперь зовут меня Христианином, но прежде меня звали Бессовестным. Я происхожу из рода Мафета, кого Бог убедит обитать среди них?»

- Привратник: «Но как случилось, что ты пришел столь поздно? Ведь солнце уже зашло?»

Христианин: «Я был уже здесь раньше, но, жалкий я человек, проспал в беседке у подножия холма; нет, несмотря на это, я был здесь намного раньше, но во сне своем я забыл сюда дорогу и забрел на край холма; а затем, разыскивая дорогу и не находя ее, я был вынужден вернуться к месту, где я спал, и там я нашел ее и вот теперь пришел».

Отдохнув я пошел в лес, где застал множество людей, которые прореживали кустарник, расчищали почву, жгли мусор или распиливали бревна. Одна молодая женщина, знакомая мне по Нью-Йорку, оторвалась от своей работы, чтобы поздороваться со мной. Мимо прошел Гурджиев, но, взглянув один раз в мою сторону, больше не обращал на меня внимания; так же вели себя и другие, и, обескураженный, я отошел. Чувствуя потребность в обществе, я присоединился к одной из групп и так убивал время, пока на башенке не прозвонил колокол и все пошло пить чай.

Первые несколько дней я спал в «Риде», как ученики называли роскошно обставленные спальни, куда помещали гостей и новичков. Оттуда меня перевели наверх в «Монашеский коридор»; но позднее я опять переехал на верхний этаж в бывшее помещение для слуг, окнами выходившее на скотный двор; это была «Коровья аллея». Мне предоставили возможность делать что заблагорассудится, и, по-видимому, никто меня не замечал. Но мне хотелось работать, и, когда я спросил, что мне делать, мне сказали - помогать в лесу; так что я присоединился то к одной, то к другой группе.

Я сказал, что «по-видимому, меня никто не замечал». На самом деле все, что я делал и что говорил, сообщалось Гурджиеву. Я слышал о тяжелой физической работе; и многие люди, принадлежавшие к интеллектуальному типу, действительно находили ее исключительно тяжелой. Что до меня, то поскольку я привык к утомительному труду работника на овцеводческих фермах Австралии и к окопной жизни

во Франции, эта работа ничего для меня не составляла, а в таких условиях была даже приятной. Но мне все еще предстояло открыть, *как работать*, хотя бы наполовину, сознательно.

Выполняя движения по вечерам, я испытывал такое физическое, эмоциональное и умственное удовлетворение, какого мне не случалось испытывать никогда раньше, даже участвуя в народных танцах крестьян Центральной Европы и России. В этих танцах было нечто новое, что не было ни народным, ни классическим искусством и, все-таки, входило в оба вида; бальные танцы и джаз, которые были недавно моей страстью и в которых я считался недурным партнером, казались теперь пустыми и бессмысленными, даже недостойными человека. С течением времени я лучше изучал движения и танцы и чем большее удовольствие доставляли мне хорошие классические танцы, народные танцы и балет, тем меньше мне нравились «современные танцы». Возможно, это было одним из самых незначительных удовольствий, которые я подсознательно боялся потерять. Кстати, когда я пробыл в Приере около месяца, один из моих давнишних друзей, с которым я работал в России, молодой князь М., пригласил меня провести вечер в кабаре на Монпарнасе, и, хотя мне было приятно его общество и общество его друзей, атмосфера этого места и танцы заставили почувствовать меня больным и разбитым.

Наша повседневная жизнь следовала установленному распорядку, который редко менялся. К подъему звонил колокол на башенке в половине седьмого. Завтрак состоял из больших ломтей поджаренного хлеба с кофе; затем шла работа в саду, или в лесу, или в доме. Обеденный перерыв был с половины первого до двух. Чай подавали в четыре, а ужин - в половине седьмого; движения и танцы продолжались до десяти или одиннадцати часов. В течение дня м-р Гурджиев проводил общие беседы и частные беседы с отдельными учениками.

Несколько дней спустя после моего приезда один из учеников показал мне окрестности. Замок был подарком Людовика XIV мадам де Мэнтенон. Он был построен частично из развалин старого монастыря, от которого осталось лишь несколько каменных глыб; на одной из них я смог разобрать только «К вящей славе Божией». Замок перешел во владение мэтра Лабори, адвоката Дрейфуса, у душеприказчика которого Гурджиев в 1922 году купил дом вместе с мебелью и картинами; некоторые из картин принадлежали кисти Розы Бонер.

Внутри и снаружи дом обладал прекрасными пропорциями. Он производил впечатление довольства и благополучия. Через парк при замке, занимавший площадь в тринадцать акров и опоясанный высокой стеной, протекал ручей из Авона. Ряд небольших домиков, скрытых от замка за деревьями, назывался Параду; здесь жили мать Гурджиева и его замужняя сестра, а также брат Дмитрий со своей семьей, д-р и м-м Стьернвал и супруги де Зальцманн. За Параду находилась разрушенная оранжерея, а за ней - дом-студия.

Студию построили ученики примерно восемнадцать месяцев назад из материалов, оставшихся от старого ангара. Дом имел форму также дервишей. Стены и пол были земляные. Внутри над входом проходила небольшая галерея со скамейкой, а вокруг галереи размещалась коллекция струнных инструментов и барабанов с Ближнего и Дальнего Востока; на стенках висели несколько дипломов или аттестатов, написанных восточными письменами, которые в разное время получил Гурджиев. Пол в доме-студии (доме Учения) был выстлан коврами из Поремы, Афганистана и других восточных стран, на стенах также висели ковры. Внутри, направо от входа, находился ящик с драпировками - место, где обычно сидел Гурджиев. Вдоль стен дома помещались сидения для зрителей, отделенные от свободного пространства раскрашенной деревянной перегородкой. В дальнем конце помещался земляной помост для движений, покрытый лино-

леумом, а перед ним - небольшой фонтанчик. Стекла в окнах были цветные и радовали глаз гармонией красок; по стенам были рассеяны афоризмы или поговорки, написанные почерком, напоминавшим турецкие или персидские письмена. Там царил атмосфера как в святом месте, вызванная отчасти воздействием данного сочетания красок на чувства и ощущения (ибо Гурджиев знал, как произвести определенный эффект посредством красок, так же как и звуками и движениями) и отчасти вибрациями учеников, которые занимались там священными танцами и движениями.

Меня проводили через цветник, стоявший тогда в полном цвету, к плавательному бассейну; у его бортика поднимался застекленный балкон. Дальше начинались огороды, за ними снова шел парк с аллеями и дорожками. Это место было проникнуто красотой, достоинством и очарованием, и во всем царил такая атмосфера, какая бывает в старинной церкви или монастыре, и при этом полная жизни и энергии.

Мы прошли мимо группы игравших вместе детей - там были Николай Стьернвал, пятилетняя Буссик Зальцманн, некоторые племянники и племянницы Гурджиева и м-м Зальцманн со своим шестимесячным сыном Мишелем в детской коляске. Наш обход закончился у коровника. Мне было любопытно взглянуть на него, поскольку я знал Кэтрин Мэнсфилд по Лондону, когда она и Дион Миддлтон работали с Котелянским над «Подписью», а Орейдж напечатал в «Нью Эйдж» ее первый рассказ. Это он, как она говорила, научил ее писать. Орейдж предложил ей поехать в Приере. Она провела там несколько дней и еще не решила, останется ли она там. Она увидела Гурджиева в Париже; м-р Пиндер служил им переводчиком. Гурджиев серьезно сказал ей, что если она хочет продлить свою жизнь, то ей нужно жить в теплом, сухом климате. «А сколько я смогу еще прожить?» - спросила она.

"Не знаю», - сказал он. Она немного подумала и ответила: «Нет. Если вы мне позволите, я вернусь и проведу остаток жизни в Приере».

Когда Кэтрин Мэнсфилд возвратилась в Приере, Гур-Джиев сказал, что она должна проводить много времени в коровнике, так как эманации животных и их испарения помогут ей. Над стойлами в коровнике соорудили помост, м-р де Зальцманн расписал стены и двери яркими картинками. М-с Мери обычно лежала здесь в шезлонге и наблюдала за Дойкой коров или рассматривала рисунок эннеаграммы на потолке. М-р де Зальцманн нарисовал также некоторых учеников, и, поскольку считается, что каждый воплощает в своем типе какое-либо животное или птицу, он придал соответствующую форму их лицам и телам. У Орейджа было тело слона, у другого - тело осла, у третьего - голова пуделя, у четвертого - голова грифа. Молодой помолвленной паре он пририсовал головы горлиц и т.д. Никогда коровник не выглядел таким веселым, красочным и интересным.

Одна из молодых женщин, ухаживающих за Кэтрин Мэнсфилд, рассказала мне, как та была благодарна Гурджи-еву. «Если бы я уехала из Приере я жила прежней жизнью, ~ говорила она, - я бы вскоре умерла от тоски. Здесь, во всяком случае, я живу внутренней жизнью и вокруг меня живые люди. И здесь я не писательница Кэтрин Мэнсфилд, - а просто мисс Мери, больная женщина, за которой ухаживают без лишней суеты и сентиментальности. И еще одно: здесь я, наконец, вижу то, что всегда хотела видеть, - людей, являющихся самими собой, а не играющих какую-то роль в маске». Она приближалась к своему концу, когда малейший Удар мог оказаться роковым и - ее волновала лишь мысль о приезде Дж.М.Мэрри в Приере, потому что она говорила, что тот никогда не поймет, что это для нее значит. Она умерла вскоре после его приезда. Она говорила, что Гурджиев и его люди делали для нее все возможное и что она достигла большего понимания себя и других за свое краткое пребывание в Приере, чем за всю свою предыдущую жизнь. И все-таки люди продолжают говорить и писать о «шарлатане» из Приере, который стал причиной ее ранней смерти. Я был

тогда в России и написал Мэрри только одной фразой: «К.М. держалась превосходно». Разумеется, она держалась не превосходно, но ее искорка солнечной энергии наделила ее пониманием, в особенности, женщин. К сожалению, ее почитатели хотели видеть в ней чуть ли не ангела и Мэрри поощрял это желание.

По-видимому, Гурджиев и несколько учеников приехали в Париж из Хеллерау, где они пробыли некоторое время, а с ними — некоторые из лучших учеников Жака Далькроза, которые увидели танцы Гурджиева и поняли, что эвритмия, хотя она и заложила фундамент для изучения движений, была детским садом по сравнению с этим. Гурджиев тотчас по прибытии в Париж начал репетиции для представления. Он сам сделал эскизы для костюмов и раскрыл их; шили их ученики. Первое представление в Париже давали в театре на Елисейских полях, но хотя театр был заполнен, никто из присутствующих французов не заинтересовался настолько, чтобы стать учениками; они ждали еще двадцать лет. Когда Дягилев, будучи другом м-ра де Гартманна, приехал в Приере, он был настолько поражен танцами и движениями, что сделал еще несколько посещений. На представление из Лондона приехали некоторые ученики Успенского и другие лица, и сама м-м Успенская помогала в приготовлениях. Большая часть денег для этой стадии деятельности Гурджиева пришла из английской группы Успенского, членами которой являлись д-р Морис Николь с супругой, а также Клиффорд Шарп, редактор журнала Нью Стейсмен со своей женой, д-р Дж.М.Олкон и д-р Джеймс Юнг. Позже на встречи приходили д-р Мэри Белл, Сиджернон Блеквуд, Дж.Бирсфорд и Д.Митринович.

Почти все первые двенадцать или около того из перечисленных людей занимали выдающиеся места каждый в своей области и были читателями или сотрудниками газеты Орейджа «Нью Эйдж». Гурджиев посетил лондонскую группу и отобрал несколько учеников для Приере; но тут надолго

задержались только Орейдж и трое-четверо других. К моему приезду (в Приере) все англичане, за исключением Орейджа, двух-трех женщин и одного или двух молодых людей, уехали и вернулись к своим делам или к работе с Успенским. Дочь мадам Успенской со своим маленьким сыном все еще оставалась в Приере.

Изведая к тому времени почти все виды тяжелого физического труда и тягот в качестве солдата, матроса, фермера, чернорабочего, я считал, что Приере ничему меня не научит в этом отношении. Однако мне потребовалось не более двух или трех недель, чтобы понять, что мне все еще многому надо было учиться; осознать, что я не знал, как выполнять физическую работу - как человек, а не как машина. Мне сказали «дробить камни», и вместе с четырьмя девушками я провел десять дней, разбивая известняк на маленькие кусочки размером с орех. Это составляло контраст с работой в тенистых лесных аллеях с мужчинами; на жарком солнце она стала монотонной, отупляющей и утомительной, и мои чувства восстали. Я работал судорожно и нервно. Однажды мимо проходил Гурджиев с доктором Стьернвалом. «Почему вы так нервно работаете?» - спросил он. «Это последствия войны», — ответил я. «Нет, — сказал он, — я думаю вам всегда это нравилось. Понаблюдайте за Гертрудой, посмотрите, как она работает. Все ваше внимание уходит на стрелки часов, на ожидание сигнала к обеду». На следующий день д-р Стьерн-вал сказал мне: «Вы знаете, м-р Гурджиев говорит, что нам нужно учиться работать

как люди, а не как простые чернорабочие. Как люди, а не как машины. Попробуйте экономить свою энергию, пока вы дробите камни. Вы теряете много энергии на отвращение к тому, что вы делаете. Составьте список из тридцати или сорока слов на иностранном языке и заучивайте их, пока работаете; в то же самое время пытайтесь ощущать свое тело и отмечайте, что вы делаете».

Я стал сознавать, что когда Гурджиев говорил что-либо, то это запечатлевалось не только в уме, но и в чувствах таким

образом, что нельзя было иначе как серьезно об этом думать. Вскоре после того, как я сделал усилие, чтобы выполнить это простое упражнение, в моем отношении к монотонному труду стала происходить перемена. Часть энергии, которую я напрасно терял на отвращение, продуктивно использовалась для самого себя. Работа стала даже приносить удовлетворение. Несколько дней спустя Гурджиев опять проходил мимо и взглянул на меня. На следующий день мне дали другое занятие — помогать молодым людям поливать дальний сад. Воду нужно было носить за сотню ярдов из ручья за южными воротами, на что уходило целое утро. Однажды я заметил, что ручей протекал по ту сторону высокой стены, ограждавшей дальний сад, и мне пришло в голову, что если вырыть у стены яму и пустить воду сквозь стену, то можно сберечь огромное количество работы по переноске. Мой товарищ согласился со мной, но указал, что стена может обрушиться над отверстием в ней. Тогда я предложил переливать воду через сифон. Мы достали кусок шланга и, подсасывая с одного конца, заставили воду перетекать через десятифутовую стену и набираться в яму. Наша проблема разрешилась. Некоторые ученики приходили посмотреть. «Забавно, — сказал один из них, — такие высокие умы, как Орейдж, Николь, Юнг и Пиндер, неделями таскали воду, и никому из них не пришла в голову эта простая мысль».

Два дня спустя из поездки вернулся Гурджиев; мы весело поведали ему про нашу водяную систему и предложили пойти взглянуть на нее. Пока мы стояли вокруг, потирая руки, он осмотрел все и сказал: «Очень хорошо, очень остроумно. А теперь у меня появилась другая мысль. Уберите шланг и заройте яму. Поищем родник». Так что мы продолжали носить воду' снаружи. На той же неделе я встретил д-ра Стьернвала, который сказал: «Я покажу вам кое-что». Он провел меня внутрь, указал на одну надпись и спросил: «Вы знаете, о чем в ней говорится?» Я отрицательно покачал

головой. Она говорит: «Помните, что здесь работа есть средство, а не цель».

Родник нашли лишь через пять лет, и найти его довелось мне. Эта находка стала для меня средством нового понимания работы и себя в отношении работы. Но об этом я расскажу потом.

Гурджиев применял порой крутые меры, чтобы дать нам почувствовать, как мы были привязаны или идентифицированы к своей работе и ее результатам. Две англичанки, искусные садовницы, ревностно трудились в цветнике и создали настоящую выставку цветов. Оттуда часто прогоняли юных учеников - особенно детей - из опасения, что они могут что-нибудь испортить. Когда сад достиг наивысшего расцвета, они пригласили Гурджиева придти посмотреть. Он пришел и устроил так, чтобы могли придти все. Он осмотрел все, кивнул, улыбнулся и сказал: «Очень красиво, очень красиво», - удалился, в тот вечер калитка «случайно» оказалась открытой и телята с овцами вволю паслись в столь оберегаемом цветнике.

Под влиянием этих двух инцидентов я вновь перечитал, впервые с пользой для себя, «Эликсир» Джорджа Герберта:

Научи меня, мой Бог и Царь,
Видеть тебя во всех вещах,
И что бы я ни делал,
Делать это как для Тебя.
Этими чудесными словами
Слуга рутину превращает в священнодействие.
Кто подметает комнату как ради Твоего закона,
Делает и это действие прекрасным.
Это - тот знаменитый камень,
Который все превращает в золото;
Ибо то, чего Бог коснулся и чем владеет,
Нельзя назвать меньше, чем золотым.

Время от времени каждому, кого назначали идти в лес, передавали соответствующее указание. Появлялся Гурджиев, и начиналось то, что мы называем скарри - от русского слова «скорей». Раздавали инструменты, и участники группами и по одному получали различные задания - расчищать лес, прореживать кустарник, разводить костры, чистить каналы. Каждый работал предельно быстро и целенаправленно, но (и это была одна из целей) внимательно. Гурджиев и сам работал, подгоняя нас своими «Скорей, скорей!» Это было волнующе, и многое можно было узнать о себе, если только стараться все время помнить себя; ибо эти мероприятия относились к программе института, к тому, что называлось «Дулистерапия» - «лечение рабством», когда человек по своей воле полностью

подчиняется приказам учителя. Однажды Гурджиев процитировал греческую поговорку: «Будь рабом без неволи, тогда не будешь рабом!»

После двух или трех часов работы он обычно говорил: «Довольно!» Иногда он присаживался на бревно, иногда направлялся к зданию студии (Дому Учения). Приносили чай и еду, и мы садились перекусить. Обычно кто-нибудь задавал вопрос и он беседовал с нами, говоря частью по-русски, частью по-английски. После мы пытались вспомнить, что он сказал, и сопоставить его высказывания, поскольку он всегда говорил так, чтобы заставить нас работать головой, размышлять

Однажды кто-то задал вопрос относительно «свободы», на что Гурджиев сказал: «Свобода ведет к свободе. Это истина не в кавычках, но в подлинном смысле. Истина есть не просто теория, не просто слова; ее можно осознать. Свобода, о которой я говорю, является целью всех школ, всех религий, всех времен. Это - великая вещь. Каждый сознательно или бессознательно стремится к свободе. Имеется два ее вида: Малая Свобода и Большая Свобода. Вы не сможете достичь Большой Свободы, прежде чем не достигнете Малой Свободы.

потому что он предубежден против меня. Он кем-то или чем-то огорчен. Но может ли он понять истинную причину? Я понимаю себя и в состоянии судить себя беспристрастно. Возможно, кто-то сказал ему что-то обо мне и это дало ему определенное представление обо мне. Мне жаль, что он такой раб; что он смотрит на меня глазами другого. Это только показывает, что сам он не обладает существованием — он всего лишь раб.

То же самое относится ко всем одинаково; но я привел два эти примера как основу для активного размышления. Вся беда в том, что мы не хозяева самим себе и у нас нет настоящей гордости.

Настоящая гордость - великая вещь; к сожалению, мы не обладаем ей. Гордость — это нечто вроде меры мнения о самом себе. Если у человека есть настоящая гордость, это доказывает, что он есть. Гордость - также наш главный враг, большое препятствие для наших желаний и достижений, орудие исчадий ада.

Гордость - также атрибут души. Через гордость мы можем обнаружить дух. Гордость свидетельствует, что ее обладатель причастен к небу. Гордость - это «я». «Я» - это Бог. Гордость - это ад, гордость - это небо. Обе одинаково называются и выглядят, и, все-таки, они различны и противоположны и никакое обычное рассмотрение и наблюдение никогда не сможет различить одну от другой.

Есть такое изречение: «Кто имеет настоящую гордость, тот наполовину свободен». Однако, хотя мы до краев наполнены гордостью, мы должны признать, что не добыли себе ни малейшей крохи свободы.

Нашей целью должно быть обладание настоящей гордостью; только тогда мы освободимся от многих своих внутренних врагов; мы даже сможем освободиться от двух из них, называемых Мадам Тщеславие и Мистер Самолюбие. Как можно отличить настоящую гордость от фальшивой? Трудно

наблюдать и разбираться в других, в сотни раз труднее проделывать это по отношению к себе».

Тут он сделал паузу, оглядел присутствующих и с хитрой улыбкой саркастически добавил: «Благодарение небу, - скажете вы, - что мы, сидящие здесь, не подвергаемся никакому риску смешать одно с другим. Тот факт, что мы здесь работали над собой, показывает, разумеется, что мы лишены фальшивой гордости; так что нам вовсе не нужно заботиться об этом».

Вернувшись к своему обычному тону, он сказал в заключение: «В любом случае вы должны пытаться научиться активно рассуждать. Вы должны сделать это своим упражнением. Каждый должен вспомнить какой-нибудь случай в прошлом или настоящем раненого самолюбия; и каждый при участии других должен обсудить его. Позже я вызову кого-нибудь из вас, чтобы поговорить о его случае, который должен быть действительным, а не выдуманным».

Одним из результатов работы в Институте было то, что все во мне пробудилось. Мои слабости усилились, т.е. проявились яснее. Растворение моей личности было похоже на закипающий горшок с поднимающейся пеной. Я воображал, будто люблю людей, тем самым псевдохристианским манером, как тому меня учила моя религия. Для меня явилось неожиданностью сознание, что я ненавижу определенных людей. Одна из русских женщин сказала: «Мне не нравятся ваши эманации. Вы меня ненавидите». - «Ненавижу вас?! Конечно, нет». - «О, нет, это так. Но вы не позволяете себе отождествляться с этим. Поначалу работа выявляет в нас худшее. Вот поэтому мы здесь - чтобы увидеть. Это пройдет».

Когда я поразмыслил над этим, то понял, что действительно ее ненавидел и по той единственной причине, что наши личности были несхожи; меня поразила сила моей ненависти. Вскоре она действительно прошла и я забыл о ней. Затем я стал осознавать, что во мне растет ненависть к одному молодому человеку. Мою неприязнь возбуждала не его лич-

ность, а что-то в наших сущностях. Когда Гурджиев поставил нас работать вместе, я еле смотрел на него, и все, что я говорил, выходило в крайне неприязненном тоне. Позднее, как-то раз субботним вечером в турецкой бане Гурджиев стал, по своему обыкновению, говорить на этот, раз о том, как личности могут ненавидеть друг друга. Он сказал, что мы должны это понимать, урезонивать себя,

осознавать, что с нами происходит и не отождествлять себя с тем, что мы в тот момент чувствуем; тогда мы изменимся. Так же, как они ненавидят, личности и сущности могут и любить друг друга. Вы должны понимать,- сказал он, - что и обычная ненависть и обычная любовь - механические. Позже вы смржете кое- что понять в настоящей любви». Мы оделись и стали расходиться. Когда я уходил,-Гурджиев, указывая перед всеми, на упомянутого мною человека, сказал мне: «Вы его ненавидите. Вы считаете, что он - ослиный хвост. Но вы - даже не ослиный хвост. Вы меньше, - вы - это то, что выходит из осла».

В другой раз я обратился к одному русскому, М., и он ответил мне в той, довольно высокомерной и вызывающей манере, какая бывает порой свойственна русским и означавшая, по-видимому. «Вы, мол, жалкий, невежественный юнец». Я почувствовал себя так, как будто получил удар в солнечное сплетение. Я был уязвлен и отошел, переживая в душе. Затем я подумал: «Как раз об этом говорил Гурджиев. Возможно, я заслужил такое обращение.» Когда я еще немного подумал, то понял, что в действительности сам был причиной того, что со мной говорили таким образом, и моя обида прошла.

Гурджиев постоянно манипулировал людьми и ситуациями таким образом, чтобы вызвать трения, создать отрицательные эмоции между ними и предоставить им возможность понять кое-что в себе. Он попросил Орейджа изложить на хорошем, английском языке одну беседу, переведенную с русского, а затем передал ее мадам де Гартманн на редактирование и через кого-то дал знать об этом Орейджу. Услышав

об этом, Орейдж в первый момент выразил досаду, но потом рассмеялся.

Начиная с детства, а фактически и в более поздние периоды моей жизни, самые разные люди, от моих родителей до вышестоящих офицеров в армиях, постоянно указывали мне, что нужно думать, чувствовать и делать". Внешне я . принимал их взгляды, внутренне - сомневался; и сомневался в том, что они говорили в силу внутреннего убеждения, опирающегося на непосредственный опыт. Теперь же я встретил человека, по моему убеждению, который опирался на свой собственный опыт, когда указывал мне на мои ошибки и слабости. Он своими собственными силами

преодолевал эти недостатки и полностью понимал мои нужды, также и старшие ученики, отвечая на мои вопросы относительно системы, опирались только на свой собственный непосредственный опыт.

Я говорил, что физический труд (в Фонтенбло) не был тяжелым, в обычном понимании, для учеников - за исключением тех, кто никогда не трудился физически, например, богатых людей или «интеллектуалов». Я также слышал, что пища была простой, скудной и спарганской, однако для меня обычная еда была питательной и вкусной, а на приемах гостей Гурджиева - обильной и изысканной. На завтрак были гренки с маслом и кофе, на обед - тушеное мясо с овощами и пудинг, в 4.30 - чай с бутербродами, а на ужин - немного мяса с овощами, за которым следовал пирог. В сырую или холодную погоду мы ели в русской столовой, в хорошие дни - на свежем воздухе за маленькими столами. «Русская» столовая была темным помещением без мебели, за исключением большого стола и лавок. Гурджиев питался вместе с нами, за исключением тех, довольно частых случаев, когда бывали гости.

Гостям подавали обед или ужин в «Английской» столовой вместе со старшими учениками; обычно также приглашались и некоторые новые ученики. Эта столовая была просторным помещением с оригинальной мебелью. Здесь м-м де Мэнтенон собирала за трапезой свой маленький двор и развлекала Людовика XIV. Здесь стояли большой стол, за которым могли разместиться двадцать пять человек, и два боковых стола на двадцать мест каждый; всего же здесь могло разместиться семьдесят или больше человек. Место Гурджи-ева находилось посередине большого стола напротив окон. За ним на камине помещалась фотография его отца, изображавшая добродушного старика с бородой и усами в меховой шапке. По субботам после турецкой бани все ужинали в английской столовой. Старшие ученики и гости сидели за большим столом. За одним из боковых столов сидела молодежь, за другим - дети. Эти субботние трапезы и другие особые случаи были патриархальными пиршествами. В начале трапезы люди сидели тихо, потом завязывалась беседа, которая, однако, никогда не принимала неприятного тона. Гурджиев обычно рассказывал новичкам и гостям, как он страдал от плохой пищи, которую был вынужден есть в Америке и Англии. Он описывал свойства пищи, стоявшей на столе, то, как ее готовили, чтобы сохранить все активные элементы, которые поддерживают желудок в хорошем состоянии и позволяют ему производить необходимую энергию. Иногда он начинал говорить с кем-либо -таким тоном, который заставлял каждого остановиться и внимательно слушать, ибо ТО, что он говорил, могло предназначаться тому, к кому он обращался, или же к кому-нибудь еще. В любом случае те, кому были адресованы его слова, принимали их с благодарностью.

Самые простые выражения, которые сотни раз механически повторялись окружающими людьми, теперь наполнялись смыслом. Например, однажды я уловил слова: «Вы живете в «прошлом. Прошлое мертво. Действуйте в настоящем. Если вы будете жить, как вы жили всегда, будущее окажется подобным прошлому. Работайте над собой, измени-

те в себе что-нибудь, и тогда будущее, возможно, станет иным».

Когда он так говорил, его глаза лучились светом и возникало ощущение, что слышишь истину в первый раз. Она сама западала в душу. И другое обстоятельство: никто не говорил себе: «Эти слова адресованы такому-то», но - «Эти слова адресованы мне». Когда он хотел сообщить нечто определенному человеку, этот человек наверняка принимал сообщение. То, что он сказал теперь о жизни в прошлом, относилось, разумеется, ко многим людям, но в особенности, как я чувствовал, ко мне лично. Когда я подумал об этом, то понял, что одной из моих ошибок было постоянное воскрешение в памяти прошлого; отвращение и страх к неприятному прошлому, такому как война или школьные годы, и тоска по «дням, которых нет». Для некоторых большого труда стоит привести себя в состояние, в котором нет страха перед возвращением неприятного прошлого или стремления вновь пережить приятное прошлое. Как говаривал мой дед: «Мельница не может молотить на воде, которая утекла», или как сказал поэт: «Мы смотрим вперед и назад и вздыхаем о том, чего уж нет».

Во всех своих путешествиях я не пробовал столь восхитительной пищи, как на этих обедах - пищи со всех концов света. Здесь было мясо со специями, домашняя птица, рыба; всевозможные овощи, чудеснейшие салаты, чай сок мы пили из стаканов; пудинги и пироги, фрукты всех видов, восточные сладости, ароматные травы,-свежий лук и сельдерей. Из напитков — кальвадос и сливовица для старших и вино для молодых и детей. Особым блюдом шла овечья голова после мясного блюда, приготовленная в кавказском стиле, очень вкусная и пикантная. Гурджиев обычно говорил гостю, что на Востоке овечьи глаза считались самой лакомой частью, и достаивал его чести -. отведать говечий глаз .— на что все отказывались, кроме тех, кто хотел пустить пыль в глаза. Все съестные припасы и приготовление пищи находились над

надзором Гурджиева, *я его* рецептам, казалось, не было конца. Он сам был прекрасным поваром и умел готовить сотни восточных блюд, хотя сам всегда ел немного. Именно так, думалось мне, и должны проходить обеды; следует смаковать еду и наслаждаться ею, не отождествляя себя с ней с одной стороны и не будучи безразличным к ней с другой стороны.

-Иногда он говорил кому-нибудь: «Ешьте, ешьте! Англичане только щиплют свою еду. Они никогда не знают, что едят. А знаете почему? Они экспортируют всю свою хорошую пищу и живут только на маргарине и австралийской мороженой баранине. У них никогда нет свежей пищи!» По окончании ужина он поднимался и предлагал перейти в гостиную, где подавались кофе и ликеры. Он обычно беседовал - и в его беседе почти всегда содержалось поучение. После кофе Гартманн обычно исполнял какую-либо музыку. Обеды у Гурджиева, а также обеды в старой России, или в Ирландии, или во Франции, или даже в Англии вплоть до конца восемнадцатого столетия, обладали общей особенностью - от вас ожидали, что вы получите удовольствие от еды и питья и оцените тот факт, что люди потратили время и труд на ее приготовление, в противоположность светским ужинам в Лондоне и Нью-Йорке, где непрерывающийся разговор являлся правилом, а комментарии по поводу пищи - дурным тоном.

Среди моих родственников - фермеров - выращивание пищи, естественно, занимало большую часть их жизни. У них в доме и в моем доме приготовление пищи для еды составляло значительную часть их ежедневных занятий, тогда как удовольствие, получаемое от нее, снабжало их неиссякающей темой для разговоров. Какое огромное количество времени тратится на выращивание пищи по сравнению с приготовлением ее для еды! И как мало времени тратится на еду по сравнению со временем, затраченным на ее приготовление; и

насколько меньше времени тратится в процессе выделения отходов из организма.

В Приере все по очереди исполняли обязанности судомойки, а умеющие готовить - обязанности повара. Работа судомойки была непопулярна даже как средство саморазвития. Работать надо было 5 часов утра до 11 часов вечера, пропуская движения и музыку; беседы Гурджиева— беспре-, станно мыть тарелки и блюда, чистить горшки и кастрюли, протирать каменный пол, перехватывая в промежутках кусок-другой вместе с самыми разными людьми? заходившими на кухню подогреть чашку кофе; или перекусить.

Я дежурил на кухне В; качестве судомойки, когда впервые встретился с м-м Успенской. В тот раз она занимал а место повара в течение дня и; держалась с видом и манерами Великой Княгини - действительно выдающаяся женщина. Гурджиев часто- с улыбкой поддразнивал ее; иногда, после очередной стычки с ним.она негодующе удалялась из гостиной со словами: «Нет, нет, Георгий Иванович!»

Еженедельным и предвкушаемым событием был ритуал турецкой бани. Баню построили ученики год тому назад. Она частично находилась под землей, так что сверху виднелась только крыша. Ступеньки, идущие вниз, вели в раздевалку, за которой находился большой котел для подогрева комнат, воды и пара. Мужская баня приходилась на 7.30 вечера каждую субботу, женская - на несколько часов раньше. Наверное, женщинам было довольно скучно, поскольку с ними не было Гурджиева, который развлекал бы их, как нас. Раздеваясь, мы усаживались на длинную.лавку из утрамбованной земли, а Гурджиев размещался напротив. Пока мы раздевались и разогревались, он беседовал или шутил. При моем

первом посещении бани он сказал: «Вы знаете, у нас есть правило, что каждый, кто приходит в баню первый раз, должен рассказать три анекдота. Вы можете сделать это?»

Когда мы были уже раздеты и разогрелись, Гурджиев вел нас в моечную, большую круглую комнату со столбом в

центре. Проведя там некоторое время, мы следовали за ним в маленькую русскую парилку и укладывались на полки друг над другом, наподобие селедок. Долгое время я не мог зайти в парилку без приступа клаустрофобии. Когда включали пар и пока он шел, я едва мог сдерживаться, чтобы не выскочить наружу. Мне всегда приходилось собрать все свое мужество и крепиться, пока пар не выключат, после всего мы спускались с полок и хлестали друг друга вениками среди облаков расходящегося пара. Вернувшись в моечную, мы намазывались и массировали друг друга на лавках. Там был горячий и холодный душ, шланг для обливания и маленький холодный фонтанчик на полу в качестве биде.

После мытья и массажа мы переходили один за другим в предбанник и курили или дремали. После отдыха Гурджиев беседовал или шутил с русскими. У Зальцманна был неистощимый запас анекдотов, которые часто вызывали у Гурджи-ева приступы гомерического хохота. Орейдж бывал остроумным и забавным, хотя обычно его шутки должны были переводиться Гартманном, единственным из русских, который хорошо говорил по-английски.

Однажды на занятиях в студии Гурджиев сказал: «Я вижу, что некоторым не все ясно в отношении того, что вы называете формирующим «центром». Это вовсе не центр, это аппарат. Он состоит из ряда машин, связанных с центрами.

Импульсы из одного центра проходят через формирующий аппарат, и если ассоциированные мысли, чувства или ощущения достаточно сильны, то они устанавливают соответствующие ассоциации в другом центре. Ассоциации между центрами проводятся через связи формирующего аппарата. Центры состоят из, так сказать, одушевленной материи, формирующий аппарат — нет; это машина, вместе с которой мы рождаемся».

Он привел в качестве примера фабрику с различными отделениями и компаньонами - центрами. На фабрике есть контора, находящаяся в ведении секретаря. В нас контора —

это формирующий аппарат, а секретарь - наше воспитание и образование, автоматически приобретенные нами взгляды. Все сообщения извне, между отделениями и между компаньонами попадают в контору и передаются секретарем вместе со всеми ссылками и соответствующей корреспонденцией. Однако секретарь ленива и склонна поддаваться грезам; она нажимает не на ту кнопку, смешивает сообщения. Так же у нас работает формирующий аппарат

Эта беседа со временем многое для меня прояснила. Мы зависим от этого секретаря. Случайные толчки запускают в нас какие-то процессы, и мы говорим, говорим - или пишем! Есть такие, кто говорит непрерывно, как граммофонная пластинка, застрявшая на одном месте; и не только зазывалы на рынках и ярмарках, интеллектуалы и политики, но и многие прекрасные добропорядочные люди извергают бесконечные потоки слов.

Вначале мне было крайне трудно задавать Гурджиеву вопросы. С одной стороны, присутствовала робость, боязнь сказать какую-нибудь глупость или показаться бестолковым, внутренняя инерция, а с другой стороны - чувство, что я не знаю, о чем спрашивать. Это состояние, когда я хотел и не мог спросить, заставляло меня страдать. Однажды я увидел его, когда он ехал в повозке по дороге в лесу и правил лошадей. Он остановился и стал смотреть, что я делаю, а затем сошел, чтобы поправить упряжь. В этот момент, сделав над собой невероятное усилие, я сказал: «М-р Гурджиев, отчего мне так трудно разговаривать с вами, задавать вам вопросы?» Он посмотрел на меня, ничего не говоря, потом взял меня за руку и сквозь меня как будто прошел теплый электрический ток. Возбравшись на повозку, он жестом предложил мне сесть рядом с ним и тронулся с места. На протяжении получаса мы разъезжали вокруг, пока он отдавал распоряжения различным людям, а затем передал мне поводья, сказал, чтобы я поставил лошадь в конюшню, и вошел в дом. Мы не обменялись ни единым словом. Но с этого времени у меня было к

нему другое чувство, и хотя мне всегда было нелегко спрашивать у него, мое отношение изменилось, и я открыл, что если я размышлял над вопросом и был в состоянии четко его сформулировать, то иногда уже ответ был получен. По воскресеньям никто не работал, кроме тех, кто был занят на кухне, а также не было танцев или движений в студии. После завтрака в английской столовой Гурджиев а двумя или тремя учениками обыкновенно[^] отправлялся в Париж на своем маленьком ситроене в квартиру на бульваре Перейра; Вечером он обычно встречался и беседовал с людьми в кафе «Де ля Пэ» возле, Оперы или, возможно, устраивал ужин в кафе «Экрвисе» на Монмартре. Кафе «Де ля Пэ» было его «конторой», как он выражался. Утром и вечером, и когда бы он ни был в Париже, его можно было там найти, готового беседовать с любым, кто хотел его видеть и выпить с ним кофе.

Оставаясь в Пиере, он ежедневно ездил в Фонтенбло выпить кофе и встретиться с людьми в кафе «Генрих II», и раз в несколько недель он, захватив с собой учеников, совершал на своем автомобиле

поездку в какую-либо часть Франции.

Даже сидеть рядом с ним, когда он говорил по-русски с другими, было поучительно. Как один из риши он излучал энергию и насыщал жизненной силой. Подобно тому, как маленькая электрическая машина может быть заряжена энергией просто находясь рядом с более мощной машиной, так и человек мог намагнитизироваться будучи рядом с Гурджиевым через его силу и «бытие».

Пробыв некоторое время в Приере, я стал думать про своего деда. Эта ассоциация впервые была вызвана портретом отца Гурджиева, о котором он пишет во второй серии своих книг: «Встречи с замечательными людьми». Мой дед и отец Гурджиева были очень похожи, и, хотя мой дед был типичным англичанином в пожилом возрасте, он выглядел как русский священник. Он был «необразованным» фермером и работал вместе со своими домочадцами. Кроме нескольких старых книг, таких как «Путешествие пилигрима» и Библия,

он читал мало, хотя обладал значительным запасом мудрости, которая передалась ему через длинную линию фермеров-йоменов. Он не был дельцом и не разбогател как его брат, тоже фермер; он никогда не использовал слабости других. Он помнил огромное количество поговорок, которые собрал отовсюду. Когда я их слышал в юности, они -произвели небольшое впечатление на мое сознание, но подсознательное воздействие, должно быть, было значительным, так как мало-помалу я стал их вспоминать, поскольку они подходили к моему теперешнему образу жизни. Я подозреваю, что некоторые из них он позаимствовал и у Джорджа Герберта. Среди них были-следующие:"

Делая, мы учимся.

Тот, кто жалеет другого, вспоминает себя.

Никогда нельзя вернуть долг Богу, родителям и учителю.

Боже, сохрани меня от четырех домов: заимодавца, игрока, больницы и тюрьмы.

Дома законников построены на головах дураков.

Врач обязан своим пропитанием пациенту - пациент обязан ему только деньгами.

Из мешка можно вытащить только то, что там есть.

Кто не подумал дважды, тот плохо подумал.

Никто не знает тяжести чужой ноши.

Что один день дает, то другой отнимает.

Кому тепло, тот думает, что-и всем так же.

Трое помогающих друг другу несут ношу шестерых.

Люби ближнего своего, но не сноси своего забора.

Никто не бывает дураком все время, но каждый бывает в дураках временами.

Чем выше взбирается обезьяна, тем больше она выставляет свой зад.

Никому не советуй жениться или идти на войну.

Рука руку моет, но обе моют лицо.

Перед женитьбой держи глаза широко раскрытыми, после женитьбы - полузакрытыми.

Не было бы великих, если бы не было малых.

Когда лиса начнет проповедовать, не спускай глаз с гусей

Среда пришла - полнедели миновало.

Иметь много денег - быть в страхе, не иметь вовсе -испытывать горести.

Сытый голодного не разумеет.

Не считай человека другом, пока не съел с ним пуд соли.

Укажи доброму человеку на его ошибку, и он обратит ее в добродетель, дурному человек - и тот ее удвоит.

Ничто не сохнет быстрее слез.

Всю мою жизнь мой дед и бабка просто в силу своего существования имели на меня большое влияние; изучение идей Гурджиева и работа по его методу заставили меня осознать, каким важным было это влияние

Движения и танцы были крайне интересны. Я не находил их трудными в том смысле, что и некоторые люди, однако, как и со всем прочим, что я приобрел в обыденной жизни, я должен был начинать с самого начала и забыть то, чему учился. У меня отняло много времени научиться ощущать и чувствовать каждое движение, жест, позу. Это казалось такой простой вещью - ощущать, - но, будучи англичанином, воспитанным на физической тренировке и армейской муштре, я нуждался в постоянных напоминаниях, чтобы «ощущать» свое тело. Первое «обязательное» движение я начал выполнять-так? как если бы это была серия физических рывков/В конце концов Гурджиев сурово отчитал меня перед всеми, отчего я так огорчился, что сошел с платформы и сел вниз. Нерез несколько минут подошел ко мне он и спокойно объяснил что-то. Я вернулся на свое место в классе, и с этого времени я стал кое-что понимать во внутреннем значении

танцев, используя каждую свободную выдавшуюся минуту для практики.

Со временем я стал принимать участие в «Посвящении жрицы» и почувствовал, что участвую в религиозной церемонии - как и было на самом деле. Нашими учителями были м-м де Зальцманн, м м Галумян и м м Ольга Ивановна Х — соответственно, француженка, армянка и черногорка. Я стал учиться быстро и вскоре, выполняя все обязательные движения, участвовал в больших танцах. Нам аккомпанировал Гартманн на старом пианино, которое под его пальцами производило волшебную музыку. Когда Гурджиеву требовалась новая пьеса, он подбирал ее на пианино одним пальцем, дополняя ноты насвистыванием. Затем Гартманн начинал играть мелодию и постепенно заполнял гармонию, а Гурджиев не отходил от него ни на шаг, пока не добивался желаемого звучания. Он не давал Гартманну передышки, пока все не выходило как следует. Только такой прекрасный музыкант, как Гартманн, мог создавать подобную музыку, и то он, по крайней мере однажды, счел ситуацию настолько невыносимой, что когда Гурджиев обрушился на него, встал из-за пианино и покинул студию.

В это время были разработаны движения из тридцати жестов. Гурджиев вызвал к себе трех учителей, показал им с пояснениями движения несколько раз, задал Гартманну мелодию, а потом пошел и сел внизу. Они тут же принялись работать над движениями и спустя короткое время - меньше чем через час - обучали им нас. Но нам, молодым ученикам, потребовалось затратить много часов, работая над ними, прежде чем мы смогли удовлетворительно их выполнить.

Как и всякое великое искусство, танцы и движения были более современные, тогда как корни их уходили в прошлое.

Однажды я с удивлением обнаружил, что впервые в жизни здесь, в Приере, меня не тянуло куда-то еще. Смутное беспокойство, отравлявшее мою жизнь, более не существовало. Здесь я нашел все, к чему стремился. Не то чтобы я не

страдал по временам, но только страданием другого рода. Если, по большей части, оно и не было произвольным страданием, то, по крайней мере, перестало быть чисто автоматическим. Все же бывали времена, когда я чувствовал, будто бремя страданий всего мира лежало у меня на душе. Увидев меня как-то раз в таком состоянии, Гурджиев предложил мне пойти в кафе в Фонтенбло на чашку кофе. Изредка поглядывая на меня, он сказал присутствующему там Орей-джу: «Орейдж, когда кажется, что дела идут из рук вон плохо, они обычно несколько улучшаются». Дело обстояло так, как если бы часть его сил была направлена на меня и мой дух воспрянул. Кроме «спасибо» за кофе я не вымолвил ни слова, пока не вернулся в Приере. Но плохое настроение, депрессия, которые порой продолжались целыми днями, исчезли.

Гартманн рассказал мне, что когда они были на Кавказе, он заболел тифом и приступ болезни был таким сильным, что его случай считался безнадежным. «Но вы знаете, - сказал он, — однажды пришел я в сознание и увидел, как Гурджиев склонился надо мной и по лицу его стекает пот. Казалось, он направил на меня все свои силы. Он дал мне кусок хлеба и ушел. Я сел, стал есть и понял, что он спас мне жизнь».

В другой раз, в том же кафе в Фонтенбло «Генрих II», он беседовал по-русски с Гартманном, Стьернвалом и Зальцманном, а мы с Орейджем переводили на английский. Затем он заговорил с Орейджем об индюках и, глядя на меня, сказал с улыбкой: «Он ни павлин, ни ворона, он индюк». Видя, что я не понимаю, он кивнул Орейджу, который сказал: «Отличительная черта индюка — то, что он всегда пыжится, пускает пыль в глаза не только перед другими, но и перед собой, когда он один».

Должно быть, у меня на лице выразилось неудовольствие, так как Гартманн сказал: «Я бы хотел заметить, что хотя м-р Гурджиев много разного говорит об индюках, ему эта птица очень нравится». Только гораздо позже я осознал в себе

эту черту и научился наблюдать ее беспристрастно и даже не без юмора. И, окидывая взглядом свою жизнь, я вижу, как даже в раннем детстве эта «индюкообразность» проявлялась в попытках выглядеть для себя и других «кем-то», а не просто ничтожеством. Теперь я мог видеть в себе индюка и он перестал пыжиться.

Один раз за обедом Гурджиев вновь заговорил об оплате, о разных способах оплаты, об оплате труда, которому обязывает появлением на свет долг перед природой. Он сказал: «Вы платите мне за то, что вам позволяют работать здесь. Но работая здесь, вы узнаете и почувствуете, как живут девять десятых всего мира. Работая физически надлежащим образом, вы сможете многое приобрести, в понимании. Если вы помогаете своему ближнему, вам, в свою очередь, придет помощь, - может быть, завтра, может быть, через год, может быть, через сотню лет. Но вам *обязательно* помогут. Природа должна выплачивать долги, это является законом. Если вам нравится ваша работа, мы немедленно получаем вознаграждение в виде удовлетворения. Если работа вам не нравится и мы совершаем усилие, награда должна прийти, но позднее. Это математический закон, и вся жизнь построена на математике. Настоящее есть результат прошлого, и будущее станет результатом настоящего. Все живое должно бороться. Бросая взгляд в прошлое, мы обычно вспоминаем трудные времена, время борьбы, но борьба — и это жизнь».

Кто-то спросил, почему мы рождаемся и почему умираем?

Он сказал: «Вы хотите знать? В действительности, чтобы знать, вам нужно пройти через страдание. Вы должны научиться страдать не так, как вы сейчас страдаете, а осознанно. В настоящее время вы не умеете страдать ни на один франк, а чтобы немного понимать, вам нужно страдать на миллион франков».

Другому, задавшему вопрос об отрицательных эмоциях, он ответил: « Каждая дурная мысль и чувство отражаются на

всу, на других и на мне, а дурные мысли и чувства сокращают жизнь».

Среди афоризмов на стенах студии (Дома Учения) были такие: «Здесь нет ни англичан, ни русских, ни евреев, ни христиан, а есть только стремящиеся к общей цели - стать способными делать»

«Энергия, производимая сознательной работой, немедленно преобразуется для нового употребления; энергия, производимая механически - теряется навсегда».

«Здесь мы можем только создавать и направлять условия, но не помогать».

«Чем труднее условия жизни, тем больше возможности для продуктивной работы — если вы работаете сознательно».

Гурджиев редко применял слова «система», «метод», «самовспоминание», «саморазвитие» Любые термины закостеневают; путем постоянного использования формирующим центром они становятся бессодержательными. Жизнь в При-ере сама по себе была для нас процессом постоянного напоминания - вспоминать себя, наблюдать себя, отмечать, что мы делаем, как двигаемся, говорим, чувствуем, думаем Такие условия создавали для нас возможность растворить свои прежние личности так, чтобы могла расти сущность и наша собственная индивидуальность заняла бы место личности, которая нам не принадлежала. Один афоризм гласил: «Вы попали сюда, осознав необходимость борьбы с собой, поэтому благодарите каждого, кто предоставляет вам эту возможность».

Здесь не было «запланированных» лекций и бесед. Гурджиев мог беседовать где угодно в любое время. Следовало быть Постоянно начеку, когда он находился поблизости, с тем, чтобы не пропустить чего-нибудь, и мы научились «чувствовать», когда он собирается сесть и начать беседу. То же самое относилось к музыке. Он мог вызвать Гартманна играть в любой момент, утром или вечером, в студии или в гостиной Когда нас оповещали об этом, мы оставляли свою

работу в лесу, собирались в дом, садились и слушали и при этом никто не погружался в эмоциональные грезы, как вообще-то бывает при слушании музыки

Однажды, во время отдыха в лесу, когда от костра вился синий дымок и тишину нарушали только слабые всплески, доносившиеся с Авона, Гурджиев сказал: «Почему все молчат? Ни у кого нет вопродов?»

После паузы кто то сказал «Мне трудно различать сущность и личность».

«Каждый из нас, — ответил Гурджиев, - состоит из двух людей - сущности и личности Сущность - это все, с чем мы рождаемся на свет наследственность, тип, характер, природа; сущность является нашей подлинной частью Сущность не меняется. У меня, например, смуглая кожа, принадлежащая моему типу, она - часть моей сущности Личность - это случайная вещь, которую мы начинаем приобретать сразу после своего рождения; она определяется окружением, внешними влияниями, образованием и т.п.; она подобна одежде, которую вы носите, или маске, случайная вещь, меняющаяся с меняющимися обстоятельствами. Она есть ложная часть человека и может быть изменена искусственно или случайно — за несколько минут гипноза или под действием наркотика. Человек с «сильной» личностью может обладать сущностью ребенка, скрывающейся под личностью».

Когда мы говорим о внутреннем развитии и внутренней перемене, мы говорим о росте сущности. Вопрос сейчас состоит не в приобретении чего-то нового, а в восстановлении того, что было утрачено. Это составляет назначение развития. Когда вы научитесь отличать личность от сущности и разделять их, вы поймете, что нужно изменить. Сейчас у вас есть только одна цель - учиться. Вы слабы и зависимы, вы рабы, вы беспомощны перед лицом всего, что вас окружает. Для того, чтобы сломать многолетние привычки, нужны время и труд, и тогда позднее станет возможным заменить некоторые привычки другими. Человек зависит от г внешних обстоя-

тельств, но сами по себе они безвредны, и вы научитесь заменять влияния, препятствующие вашему развитию, теми, которые могут ему помочь». Был задан вопрос о самонаблюдении. *Гурджиев:* «Сначала следует подготовить условия для работы. В настоящее время вы можете только пытаться отмечать, что вы делаете, и собирать материал, который пригодится в работе. Вы еще не можете наблюдать, когда ваши проявления идут от сущности, а когда от личности. Вы не можете сказать этого, пока собираете материал, поскольку у человека есть только одно внимание, направленное на то, что он делает. Его разум не видит его чувств, а его чувства -разум».

Он также говорил о способности, позднее, разделять свое внимание на две или даже на три части. Но когда кто-то спросил, как это делается, он сказал: «Вы еще не можете этого делать. Позднее мы поговорим об этом. В общем, люди не обладают настоящим вниманием. То, что они называют вниманием, попросту

самонапряжение. Сначала вы должны стремиться выработать внимание. Правильное самонаблюдение возможно только после того, как вы овладеете в определенной мере вниманием. Начинайте с малого. .

Один из нас спросил: «Что вы подразумеваете под малым? Что я могу делать?»

Гурджиев: «Есть два рода делания - механическое, автоматическое делание и делание в соответствии с вашим истинным желанием. Возьмите какую-либо малую вещь, дело, которое вы не можете сделать, но хотите сделать. Сделайте его своим богом. Отбросьте все постороннее..Стремитесь только исполнить свое желание. Если вы преуспеваете в этом малом деле, я дам вам задачу побольше. В настоящее время у многих из вас есть ненормальный аппетит к делам, которые слишком велики для вас. Этот аппетит удерживает вас от делания малых дел, которые вам посильны. Уничтожь-

те этот аппетит. Забудьте о больших делах. Поставьте себе целью избавиться от какой-нибудь мелкой привычки.

Если вы *желаете*, вы *можете*. Без *желания* вы никогда не *сможете*. Желание есть самая могущественная вещь в мире. Выше бога. Конечно,. я говорю о сознательном желании; вместе с сознательным желанием приходит все»

Один из нас спросил: «Будет ли хорошей задачей переносить проявления других людей?»

, «Переносить неприятные проявления других людей -большое дело. Это последнее дело для человека. Это выполнимо только -для совершенного человека. Поставьте- себе целью выработать в себе способность переносить одно проявление одного лица, которое вы сейчас не можете переносить спокойно. Постановка перед собой волевой цели и неукоснительное стремление к ее достижению создает магнетизм и способность *делать*».

Другой сказал: «Я считаю своим главным недостатком чрезмерную словоохотливость. Не будет ли хорошим делом попытаться не говорить слишком много?»

Гурджиев: «Для вас это очень хорошая цель. Вы все портите своими разговорами. Они даже мешают вашему бизнесу. Когда вы так много говорите, ваши слова не имеют веса. Попробуйте в качестве упражнения не говорить так много. Если вам это удастся, вы получите много выгод. Это большое дело, а не малое. Если вы преуспеете, я скажу вам, что делать дальше».

Другому он сказал: «Для вас хорошей задачей будет попытаться задавать вопросы.- Вы желаете знать, но не говорите. Для вас это усилие будет очень, очень полезным».

В ответ на другой вопрос по поводу самонаблюдения он сказал: «Для наблюдения требуются многие вещи. Во-первых, искренностью самим собой. Это очень трудно. Гораздо легче быть искренним с другом. Нам трудно глядеть на себя, ибо мы боимся увидеть что-то дурное, и если случайно мы заглядываем глубже, то видим собственное ничтожество. Мы

пытаемся не видеть себя, потому что боимся угрызенной совести. В нас есть много паршивых собак, и мы не хотим их видеть. Искренность может стать ключом к двери, через которую одна часть сможет увидеть другую часть. Искренность трудна из-за толстой корки, которая выросла на сущности. Каждый год человек надевает новую одежду, новую маску, одну поверх другой. Все это следует постепенно удалить. Это похоже на снятие кожиц о луковицы. Пока эти маски не удалены, мы не сможем увидеть себя.

Полезным упражнением будет поставить себя на место другого. Например, мне известно, что А. находится в трудном положении. Он угнетен и мрачен. Одна его половина пытается слушать меня, другая занята своей проблемой. Я говорю ему нечто, что в другое время вызвало бы у него смех, а сейчас только раздражает. Но, зная его, я пытаюсь поставить себя на его место и спрашиваю себя, как бы я реагировал.

Если я делаю это достаточно часто, то начинаю понимать, что если у кого-то дурное настроение, то этому может быть причина, не имеющая ко мне лично никакого отношения. Мы должны пытаться вспоминать, что зачастую не сам человек, а его состояние раздраженно отвечает нам. Как только я изменюсь, изменится и другой.

Если вы сможете делать это, вспоминать себя, наблюдать за собой, вы увидите многие вещи не только в другом человеке, но и в себе, - вещи, о которых вы даже не подозревали».

«Справедливым может быть только тот, кто войдет в положение другого».

«Судите о других по себе, и вы редко ошибетесь». Говоря об искусстве, он сказал: «Не любите искусство посредством чувств. Искусство основано на математике. Это своего рода писание с внутренним и внешним значением. В давние времена люди, обладающие самосознанием - те, кто понимал принципы математики, - сочиняли музыку, создавали статуи и изображения, писали картины и возводили

здания; и все эти творения производили определенный эффект на людей, соприкасающихся с ними, на их чувства и ощущения.

Например, в одном монастыре в Персии есть помещение, пропорции и объемы которого таковы, что вызывают рыдания каждого входящего туда.

Я вспомнил то, что слышал о ранних готических соборах, которые воплощали замыслы людей, понимавших принципы математики, и то, как эти принципы применялись. Пропорции, объем интерьера, давление воздуха, акустика, эффект, производимый освещенными цветными витражами, музыка — воздействие всех компонентов на людей было математически рассчитано таким образом, что люди бессознательно поднимались на более высокий план бытия. В таком состоянии можно воспринимать высшие идеи. И никто не знает, кто были зодчие первых соборов.

Из всех произведений искусства, виденных мною на Востоке, наибольшее впечатление на меня произвели дворец Тадж Махал и Сфинкс. Возраст первого не свыше трехсот пятидесяти лет, возраст второго — пять тысяч лет или более, и даже в таком случае, согласно Гурджиеву, сфинкс является копией оригинала, стоявшего в Вавилоне восемь тысяч лет тому назад. Оба принадлежат Эзотерической традиции, этому сокровенному и вечному течению, которое одухотворяет жизнь человека и не дает ему упасть в безысходное состояние первобытного варварства.

Объективные произведения искусства суть творения эзотерических школ. Соборы Парижской Богоматери и Шар-трской Богоматери — творения христианской эзотерической школы; Тадж Махал — суфийской эзотерической школы. Сэр Артур Байант рассказывает, что графы, герцоги и даже короли, равно как купцы и крестьяне, почитали за честь быть допущенными помогать в постройке ранних соборов, подносить камни и готовя раствор. В Англии соборы Эли, Сент Олбонс и Йоркский также, возможно, представляют собой объектив-

ные произведения искусства. Можно сказать, что все великие произведения искусства происходят из эзотерических школ. В Китае также имеются примеры. Храм неба состоит из трех ярусов или платформ: нижний — самый большой, средний — поменьше, верхний — самый маленький, на нем в одиночестве совершал богослужение император.

В Северном Китае есть большой храм, который я посетил в один солнечный зимний день. По обочине дороги к храму шла стена, облицованная разноцветными изразцами. С того места дороги, откуда начиналась стена, храм на расстоянии выглядел уединенным и миниатюрным вместе с контурами своих крыш и сводов; некоторые черепицы были желтые, некоторые — зеленые, некоторые — голубые, некоторые — лиловые. По мере приближения различные крыши из разноцветных черепиц менялись местами, складывались в рисунки, переходили одна в другую. Эффект перспективы, меняющихся форм произвел на меня необычное впечатление — казалось, будто движутся они, а не я; они передавали впечатление света и цвета, эмоциональной и умственной свободы, гормональную целостность, ощущение совершенства, которого жаждало что-то во мне.

В Приере мне постоянно приходили на ум впечатления от этих храмов — китайских, мусульманских, христианских; они составляли одно целое со старинными волшебными сказками и мифами и с некоторыми танцами и музыкой Гурджиева; они говорили со мной на одном языке, и сказанное ими воспринималось чувствами. В прошлом люди строили во славу божию и одновременно — для жилья и коммерции. Изумительный зал тканей в Ипре, разрушенный в Первую Мировую войну был тому примером. В девятнадцатом веке стали строить ради коммерции, ради денег, а также из гордости и тщеславия, архитектура пришла в упадок. Архитектура, как и все на свете, занимает свое место на шкале; она деградирует как и эволюционирует, пока не

достигает отрицательного абсолютного значения, никакого «до», в коммерческом строительстве новейшего времени.

Гурджиев никогда не упускал случая сделать выговор ученику — иногда сердито, иногда в легкой форме. Как-то мы работали в студии. Он сидел на своем особом месте, наблюдая за нами. На мгновение я забылся и совершил какую-то нелепость. Он тут же закричал на меня: «Идиот, дурак, что ты делаешь? Хочешь испортить мою работу?» Мне стало так обидно и больно, что я чуть было не ушел. Но он стал говорить мне о том, как необходимо держать под рукой щепотку красного перца, о том, что его работой было воткнуть вилку «сами знаете куда». Другими словами, я должен был постоянно быть начеку, чтобы помнить себя.

Однажды, работая в той части леса, которая была не полностью расчищена, я споткнулся и упал на острый сук, и тот вонзился мне в ногу. Сук сломался и нужно было вытащить кончик. Я подзвал мужчин, чтобы они привезли тачку. Они подняли меня на нее и покатали меня к дому. Рана выглядела серьезной, и Гурджиев тут же послал в мою комнату д-ра Сьернвала и велел одной из молодых русских женщин присмотреть за мной. Для меня делали все возможное. У меня поднялась высокая температура и примерно с день держался жар. Эта русская женщина ночевала в моей комнате и ухаживала за мной, и через неделю я был на ногах, хотя прошло много времени, прежде чем рана полностью залечилась. Я был тронут добротой, проявленной всеми ко мне. Хотя Гурджиев и мог унижить вас перед другими, ранить ваше тщеславие и самолюбие, вызвать у вас ревность и зависть, хотя ученики могли вас тренировать и пренебрегать вами — если вы заболели, то делалось все возможное для вашего удобства и выздоровления.

В общем, в Приере не было установленных правил, но было много таких, что менялись каждые несколько дней или каждые несколько недель. Но существовало одно фундаментальное, подразумеваемое правило, которое анализ каждый «Ученик не должен делать гою, что может повредить работе»

Что касается временных, меняющихся правил, то одно из них требовало, чтобы в течение одной недели все письма, написанные в Приере, подвергались досмотру, другое — чтобы никто не выходил из стен Приере, кроме как по поручению Гурджиева, третье — чтобы никто не бывал в Фонтенбло без разрешения, и так далее. Часто они были упражнением — не приниматься буквально; если вас застигали при нарушении правила — тем хуже для вас

Трое из нас взяли за обычное дело перелезть через стену и ходить на Сену купаться — очень приятное расслабление после тяжелой работы в знойный летний день. Мы обходили правило, избегая «стражей», и редко пропускали свое купание. Это была своего рода игра. Гурджиев часто говорил о необходимости упражнять собственную изобретательность, уметь «схитрить» не в современном, а в библейском смысле. Он часто презрительно называл кого-нибудь «наивным». Разумеется, мы соблюдали внешние приличия в том, что касалось организации и распорядка жизни в Приере, а также в нашем отношении к Гурджиеву и старшим ученикам.

В Приере никого не допускали без личного разрешения Гурджиева. Но как-то раз случилось, что два приятеля С., одного из близких к Гурджиеву людей, однажды прибыли к привратнице и позвонили с просьбой навестить С. Гурджиев в тот день отсутствовал. Дежуривший тогда мальчик П. сказал об этом С., который подошел к воротам и пригласил своих друзей войти, угостил их кофе и погулял с ними по территории. Через час они ушли. В тот же вечер в гостиной после ужина Гурджиев вызвал мальчика и сказал ему: «Я говорил тебе никого не впускать без моего разрешения?» — «Да, м-р Гурджиев». — «Ты впустил каких-нибудь людей сегодня?» — «Да, м-р Гурджиев». — «Почему?» П. стоял молча, и Гурджиев стал его ругать; но в середине его тирады встал З. и сказал, почти крикнув: «Георгий Иванович, почему вы браните П.? Вы знаете, что это была не его ошибка С. велел ему впустить людей, и тот не знал, что делать. Следует ругать его, а не П.»

Гурджиев сказал еще несколько слов П., а затем сел рядом с С. и заговорил о чем-то другом. За все это время С. ничего не сказал. Остальные из нас сидели вокруг за кофе, сильно заинтригованные, пытаясь, как обычно, понять, что все это значило, так как Гурджиев никогда не устраивал сцен вроде этой без умысла.

Однажды в кафе «Генрих II» (Анри-де) он говорил о том, как люди выродились, и что с точки зрения природы определенные животные были куда лучше человека. «Даже крысы, — сказал он, повернувшись ко мне, — лучше человека». Мне стало интересно, почему он так намеренно упомянул о крысах. Потом я вспомнил, что несколькими днями ранее я был на конюшне, когда какая-то крыса пробежала вдоль балки. И когда я ее увидел, то подскочил и задрожал. Ему об этом сообщили. До войны я не испытывал страха перед крысами, но столкновения с крысами в окопах связали их для меня со всей грязью, жестокостью, страхом, убожеством и страданиями окопной войны на передовой. Я бывал на Востоке в одном храме, полном ядовитых змей, и не испытывал ни малейшего страха, но не мог видеть крысу без содрогания и тошноты. Я знаю про это и почему это так, но даже теперь, только твердо вспоминая себя, я в состоянии преодолеть эту дрожь отвращения. Однако Ганеша, слонноголовый бог знания и учения, имеет своим символом крысу, одно из самых образительных и хитрых созданий.

Вновь говоря о личности и сущности, Гурджиев сказал, что различать их может только человек, обладающий само-сознанием. «Все обычные роли, исполняемые нами, принадлежат личности; но если, благодаря случаю, мы оказываемся в необычных условиях, то мы можем повести себя соответственно сущности. Например, многие взрослые мужчины, когда они много выпьют или находятся под влиянием какой-

то молодой женщины, ведут себя как мальчишки — каковыми они в сущности являются. С другой стороны, в период опасности они могут вести себя либо разумно и рационально, либо как испуганные дети. Пораженный горем суровый бизнесмен или государственный деятель может стать человечным и нежным. Вашей задачей является умереть для этой личности как вещи фальшивой и нам не принадлежащей; может оказаться необходимым расплавить ее в огне великого страдания, но когда это делается правильно, на ее месте вырастает *индивидуальность*; человек станет индивидуумом, обладающим подлинной волей и «я». Он станет собой.»

Он сказал, что значительная часть нашей лжи, жадности, зависти, ревности и ненависти часто вызывается накоплением соответствующих энергий. Неистраченная энергия вызывает фрустрацию (расстройство), которая выражается в отрицательной эмоции. У человека есть настоящая индивидуальность, внутренне ему присущая; она принадлежит ему по праву рождения, которое он продал за чечевичную похлебку ложной личности.

Идентификация (отождествление) происходит тогда, когда наша энергия и внимание сосредоточены на одном аспекте какой-либо вещи; это работа одного центра, форма гипноза, и должна отделяться от

концентрации и внимания, которые полезны и необходимы.

В Институте они наблюдались и отмечались и нам давали возможность их увидеть, мы должны были видеть их сами. Чтобы не пропустить чего-нибудь из сказанного или сделанного, требовалось внимание. Периодические замечания или действия явно помогали многое раскрыть для ученика. Учение давалось фрагментами и часто неожиданным образом, и нам нужно было научиться собирать вместе разрозненные отрывки и связывать данные фрагменты со своими собственными наблюдениями и переживаниями.

Гурджиев говорил о необходимости нестандартно мыслить о некоторых общеупотребительных выражениях грех, молитва, пост, исповедь, подаяние, мольба, смирение, искупление, смерть, воскресение, жизнь. Под обычно понимаемым определением этих терминов кроется иное значение, подлинное значение, связанное с состоянием перемены в психологии человека. Например, пост, воздержание от обычной пищи, может быть очень полезен, если проводится под руководством учителя. В ортодоксальной религии он стал почти обычаем, но при надлежащем выполнении может очистить вашу систему и изменить метаболизм (обмен веществ) тела. Имеется также другая разновидность поста, не связанная с одной лишь пищей, - воздержание от бесполезных нежелательных проявлений, дающих постоянный выход отрицательным эмоциям.

В ответ на вопрос о так называемых сверхъестественных способностях, таких как ясновидение и телепатия, он сказал, что они происходят не от двигательного-инстинктивного центра посредством мышечных сокращений или посредством молекулярных колебаний эмоционального центра. Движения, возникшие в одном центре, тут же передаются с помощью воли в другие центры и во все части организма.

В давние времена люди, пока они не были испорчены, могли общаться друг с другом и даже видеть происходившее на большом расстоянии. Теперь эта способность сохраняется только у тех, кого называют «нецивилизованными» людьми, например, среди некоторых лопарей или индейских краснокожих или даже австралийских аборигенов. Или же такие переживания возникают случайно у некоторых людей, и затем они рассматриваются как «странные».

Все это меня очень интересовало, так как мне доводилось испытывать нечто подобное. Во время войны мне и еще одному офицеру приказали доставить свои роты для работы в районе равнины Солебери. Нас отвезли в грузовиках за десять миль, и потём мы в пешем строю прошли четыре мили по пустынной безлесной равнине до места работы. Рассчитывая вернуться засветло, мы не засекали азимута, но, прежде

чем мы кончили, уже стемнело. Я со своими людьми ушел первым, и через пятнадцать минут наступила непроглядно-темная морозная, пасмурная февральская ночь; я понял 'что не знаю дороги, и двинулся прямо вперед. Один из моих унтер офицеров стал говорить, что мы, дескать, заблудились на равнине, но я велел ему сохранять спокойствие. Мы прошли около часа без единого слова по холмистой равнине такой темной, что за десять ярдов впереди не было видно. Я старался ни о чем не думать, но был внутренне спокойным поручив себя природному чувству направления или «инстин'кту». Наконец я почувствовал, что мы приближаемся к грузовикам, и через пять минут мы внезапно на них вышли-через полчаса мы ели горячий ужин в лагере. Другой отряд обнаружили на другое утро сразу после рассвета - они плутали по равнине, замерзшие, усталые и голодные.

Несколько месяцев спустя, в том же году, мы стояли на Сонме. Мне приказали взять отряд и -обследовать лес на глубину полумили за нашей линией фронта. Разместив своих людей в лесу, я с сержантом пошел вперед разведать или скорее, «разнюхать» обстановку. Вдруг я остановился. Я не мог идти дальше. Что-то сказало: «Опасность». Сержант очевидно, ничего не почувствовал, так как продолжал беспечно идти дальше, когда я его остановил. Я испробовал еще одно или два места, но всякий раз, когда я пытался пройти вперед внутреннее противодействие было настолько сильным, что казалось, будто я натыкаюсь на стальную сеть. Через некоторое время я увел людей и вернулся к линии фронта доложив, что лес занят противником. На следующую ночь люди из другой роты вышли к тому же месту и попали прямо в засаду. Несколько человек, включая командира, было убито; остальные в беспорядке отступили. Я неоднократно спасал свою жизнь и жизнь своих людей, прислушиваясь к внутреннему голосу «шестого чувства». В зарослях Новой Зеландии и Австралии я часто выходил из трудных положений, отдаваясь во власть этого неведомого чувства, и много раз - доверяясь чутью своей лошади.

У меня было много случаев восприятия на расстоянии и предвидения событий, которые действительно происходили, то же бывало и с моими знакомыми. К сожалению, мы настолько испорчены образованием и воспитанием, что это шестое чувство проявляется в общем малозаметно, и мы обычно 'неспособны им воспользоваться. Более того, часто бывает трудно различить между тем, что приводится в действие воображением, и тем, что действительно чувствуешь и ощущаешь. В любом случае подлинные переживания такого рода не имеют или почти не имеют ничего общего с разумом; они исходят из двигательного-инстинктивного или эмоционального центров.

Когда Гурджиев говорил: «Мы намерены не создавать что-то новое, но восстановить утраченное», то это относилось, в определенном смысле, к исчезающему шестому чувству. Насколько я смог установить при исследовании всевозможных явлений, никакая из так называемых «современных методик» не дает результатов. Единственно действительно полезный метод - это старинный метод, воссозданный Гурджиевым, хотя это только один из многих аспектов его учения.

До того, как я встретил его, я рассматривал такие явления, как случайности. Многие «простые» люди обладают этим дополнительным чувством - например, рыбаки или фермеры. Должностные лица, «интеллектуаль» и «эксперты» почти начисто его лишены, и, вероятно, поэтому они почти всегда ошибаются. Люди, будучи машинами для преобразования веществ, кроме того, также суть инструменты для приема и передачи колебаний. Для них также возможно использовать этот аппарат для своих нужд.

В то лето 1924 года, мое первое лето в Институте, установилась жаркая солнечная погода, какая порой бывает в северной Франции; все трапезы, кроме особых случаев в

английской столовой, проходили под открытым небом. Тарелки с едой нам передавали из кухонного окошка, выходящего на посыпанный гравием дворик; я взял свою тарелку и, возвращаясь к последнему столу, проходил мимо Гурджиева, который сидел с кем-то другим. Когда я проходил рядом, он мельком взглянул на меня, и тут из пачки, которую он достал из кармана, выпала сигарета. Я заколебался; одна моя часть, или одно «я», говорила: «Подними ее», другая говорила: «Нет, не надо». Пока во мне происходила борьба между «да» и «нет», продолжавшаяся несколько секунд, кто-то другой поднял сигарету. Я вернулся к своему столу, сел на место и, поразмыслив об этом, рассказал своему соседу.

«Он вас испытывал, ответил тот. — Пять различных типов реагировали бы пятью разными способами». - «Только не в армии» — сказал я. «Да. Но я говорю о не-машинах. В армии, если пять машин или пятьсот машин связаны с одним и тем же переключателем, они все действуют как одна. Здесь мы приступаем к процессу превращения из машин в людей. Гурджиев экспериментирует с людьми согласно их типу. Некоторые из тех, кто слышит об этом, возражают, они считают унижительным, что с ними обращаются как с подопытными обезьянами или собаками. Но если вы к этому правильно относитесь, то получите возможность многое узнать о себе. Это привилегия».

Каждый день мог принести новое переживание - но только в той степени, в какой ученик работал и совершал усилия, чтобы преодолеть лень и инерцию тела, пристрастия и предубеждения чувств. Обретали свой настоящий смысл афоризмы.

Тот, кто избавился от болезни «завтра», получает шанс достичь того, ради чего он здесь находится.

Величайшее достижение человека - быть способным *делать*

Я люблю того, кто любит работу

Помогай только тому, кто стремится не быть лентяем.

Одним из сильнейших побуждений к работе над собой является осознание того факта, что вы можете умереть в любой момент.

Когда Гурджиев говорил о бесполезности большей части наших страданий, проистекающих от наших мозолей, или когда наступают на мозоли другим людям, или другие наступают на наши, вспомнился афоризм: «Одно из главных подспорий для счастья — способность всегда внешним образом *принимать в расчет* (рассматривать); внутренне - никогда». А также: «*Принимайте в расчет* только то, что другие о вас думают, но не то, что они говорят». *

Гурджиев всегда устраивал людям встряски, чтобы заставить их применить свои критические способности. Одному молодому ученику он сказал: «Никогда не доверяйте ничему, что вы от меня услышите. Учитесь различать между тем, что следует воспринимать буквально, а что — в переносном смысле».

Некоторые из нас обедали у него на квартире на бульваре Перейра. Один молодой американец спросил, почему он всегда закрывает окна во время еды. Гурджиев пустился в длинные объяснения того, как необходимо не допускать рассеивания вибраций организма сквозь открытые окна и т. д., и т. п., а молодой человек слушал с широко раскрытыми глазами. Он ушел раньше остальных. Когда он вышел, Гурджиев сказал: «Видите, он все воспринимает буквально, без размышлений. Он вернется в Приере, будет там все время закрывать окна и лишит меня глотка свежего воздуха». Окна закрывали, разумеется, чтобы заглушить шум с улицы.

Другому ученику он сказал: «Вы никогда не верите ничему, что я говорю. Вы всегда сомневаетесь. Даже когда вы знаете, что вам нужно верить, вы начинаете сомневаться».

Существовал такой афоризм: «Если вы не обладаете от природы критическим умом, то ваше пребывание здесь бесполезно».

Некоторые ученики видели, или притворялись, что видели, нечто «мистическое» или «эзотерическое» в малейшем слове или жесте Гурджиева. Поскольку он намного превосходил нас в знании, понимании и «бытии», это было неудивительно. Следовало все время быть начеку, и если человек находился в состоянии самовспоминания, то редко ошибался. Было сравнительно легко помнить себя в присутствии Гурджиева, так как его состояние сознания поддерживало в других бодрствование;

нам все время нужно было различать между сказанным серьезно и в шутку, и он часто прибегал к преувеличенным выражениям, чтобы нас встряхнуть.

Некоторые из нас, молодых учеников, пытались сформулировать для себя определение тщеславия и самолюбия.

Когда мы говорили: «Мое самолюбие было задето», или «Такая-то или такой-то тщеславны, как павлин», что мы под этим понимали? Все были согласны в том, что самолюбие или себялюбие сводилось к переоценке своих врожденных или приобретенных качеств или достижений, — беспочвенное предположение, будто качества организма составляют заслугу, требующую к себе уважения со стороны других. Когда кто-то не отдавал нам должное, это задевало наши чувства, и мы соответственно страдали. С определенной точки зрения самолюбие, или м-р Самолюбие (Себялюбие), было активной стороной; м-м Тщеславие представляла в нас пассивную женскую сторону. Но тщеславие определить труднее. Орейдж говорил: «Тщеславие — это то, ради чего мы скорее почти всем пожертвуем, нежели причиним ему страдание. Может быть, тщеславие определить невозможно, кроме как на примерах; мы способны видеть его проявление в других, но видеть их в себе - в данный момент, а не после, - почти невозможно. Во время массового психоза эти два наших врага, Тщеславие и Самолюбие, усиливаются. В одном случае на войне командир

нашего батальона принес в жертву из тщеславия жизни двадцати человек, но не признал, что был неправ. В другом смысле тщеславие есть затрата времени, энергии и денег на нечто несостоящее и бесполезное, ожидание продолжительных выгод от вещей этого брэнного мира. «Тщеславие, тщеславие, все это - тщеславие», - сказал Проповедник. Джозеф Конрад сказал: «Тщеславие играет мрачные шутки с нашей памятью. Ларошфуко: «Тщеславие заставляет идти нас против своих наклонностей чаще, чем разум». Толстой: «Без тщеславия жизнь почти невозможна». Шекспир: «Благодаря тщеславию люди, лишенные благосклонности у других, пользуются ею у себя». «Тщеславие, - писал Сомерсет Моэм, — это наиболее опустошительная, наиболее всеобщая и наиболее неискоренимая из страстей, терзающих душу человека, и только тщеславие заставляет его отрицать свою власть над ним. Оно более всепоглощающе, чем любовь. С годами вы получаете пощадку от ужасов служения любви, но возраст не освобождает вас от рабства тщеславия. Время может залечить любовные раны, но лишь смерть успокоит муки уязвленного тщеславия. Любовь бесхитростна и не ищет уверток, зато тщеславие морочит вас сотнями личин. Оно входит неотъемлемой частью в каждую добродетель, возбуждает храбрость и укрепляет честолюбие, придает постоянство любовнику и выносливость стоику, подливает масла в огонь стремлению художника к славе, и составляет одновременно поддержку и вознаграждение прямоте честного человека, и даже цинично проглядывает в смирение святого, избежать его нельзя, и если вы подвергнете себя страданиям. для защиты от него, то он использует эти страдания для вашего падения. Вы беззащитны перед его нападением, поскольку не знаете, в какую незащищенную часть оно вас атакует. Цинизм не спасет вас от его ловушек, а юмор — от его насмешек. В конечном счете, именно тщеславие позволяет человеку переносить его жалкий жребий».

В «Собрании Птиц» Агтар рассказывает: «Затем пришел воробей со слабым телом и нежным сердцем, дрожащий подобно пламени. Он сказал: «Я не прочнее волоса. Нет у меня помощников, и я слабее муравья. У меня нет ни пуха, ни перьев — ничего. Как сможет слабое создание вроде меня проделать путь к Симургу? Воробей никогда этого не делает. Итак, поскольку я совсем не гожусь для этого начинания, то удовольствуюсь поисками своего Иосифа здесь».

Удод отвечал: «О ты, что бываешь порой грустным, порой веселым, меня не обманут твои хитрые оправдания. Ты - маленький лицемер. Даже в своем смирении ты высказываешь сотни признаков тщеславия и гордыни».

Мы все время говорим о тщеславии и самолюбии, но куда мы не увидим примеры в самих себе, они останутся только словами и выражениями. Мы не хотим их видеть, потому что это причиняет страдание. Мы не можем их видеть, потому что нам мешают наши *буферы*. И, все-таки, если мы хотим вырасти из сущности, мы должны их увидеть, но постепенно.

Гурджиев как-то спросил меня: «Знаете, у кого больше всего тщеславия?» Я сказал: «У актеров, кинозвезд, высокопоставленных лиц?» Он сказал: «Нет, у ангелов и дьяволов».

В нескольких случаях Гурджиев говорил о символах и их применении, а среди них - об энеаграмме, которая содержит, среди прочего, действие Закона Трех, Закона Семи и Закона Девятикратности, ключ к которым можно найти в «Рассказах Баалзебуба». Значительное количество материала было собрано в форме «Лекции о символизме». Вкратце, идея состоит в том, что каждый человек носит в себе жажду знания, различающуюся только своей силой, но разум ищущего человека часто упирается в глухую стену, когда тот спрашивает: «Почему?», хотя обычно вопрос звучит: «Как?», а не «Почему?» Человек не сознает, что под поверхностью вещей кроется единство всего существующего. Человек всегда искал это единство в религиях и философиях и пытался

определить его словами, - которые становятся мертвыми и пустыми. Слова и идеи меняются соответственно времени и месту, но единство, единость, - вечно и неизменно. Некоторые люди,

наделенные настоящим пониманием, сознавали неадекватность слов и создали на протяжении веков символы для передачи истинного знания. Тот, кто изучает символ и достигает его понимания, приходит к сознанию, что носит этот символ в себе. «Все в мире едино и управляется единообразными законами». Как написано на изумрудной скрижали Гермеса Трисмегиста: «Как наверху, так и внизу». Законы космоса можно найти в атоме; но ближайшим объектом изучения для человека является он сам." В этом отношении формула, использованная Сократом (хотя и происходящая из Египта): «Познай самого себя», исполнена смысла. Изучая законы вселенной, человек может видеть действие закона в себе, и когда он серьезно борется со своей отрицающей или отрицательной частью, то участвует в борьбе, происходящей во всей Вселенной, - в «божественной войне» и построит в себе великий символ, идущий из отдаленных времен и известный нам как соломонова печать. Соломонова печать есть каждый человек, который смотрит в себя.

В своем учении Гурджиев всегда старался заставить нас понять, что мы должны применять его в своей жизненной работе. Борьба между «да» и «нет» продолжается бесконечно. Мы преисполнены праздных желаний - «оно желает», - и мы должны им противопоставить желание нашего «я». Если это делается надлежащим образом, получается благотворный результат.

Он привел нам следующий пример: «Предположим, мне очень нужна от кого-то некоторая информация или что-нибудь иное. Но этот человек меня оскорбил. «Оно» не желает смиренно просить, и я должен буду бороться со своим самолюбием и себялюбием, которое пострадает в случае отказа. Если я буду настойчив в своей борьбе с отрицательной частью, преодолю силу инерции и пойду к тому человеку, во мне нечто усилится и мое понимание углубится. С другой стороны, если я не пойду, то, хотя я сберегу нервную энергию, избежав возможных нервных переживаний, мое понимание не увеличится».

Позднее он говорил о посвящении. «Посвящение обычно

рассматривается как акт, посредством которого знающий человек передает другому человеку знание и могущество, становящиеся неотъемлемой собственностью последнего без всяких усилий с его стороны. Такого, конечно, никогда не бывает. Бывает только самопосвящение, которое приобретает постоянным усилием. Нельзя дать человеку что либо, что стало бы его собственностью, без усилий с его стороны. Можно только показать и направить, но не посвятить. Человеку можно дать лишь столько, сколько он готов принять».

Как я говорил, Гурджиев всегда сочетал теоретические беседы с практической работой; и я вместе с другими учениками оказывался в ситуациях, в которых осознавал: «Да, здесь мне следует сделать то-то и то-то», либо не делать что-либо, диктуемое привычкой, и тогда возникало исходящее от тела сопротивление, сопровождающееся всеми мысленными для меня отговорками и побуждающее прекратить борьбу. Когда усилие было сделано, на сцену выступала нейтрализующая сила и возникало чувство роста сил. Иногда усилия не делалось, тогда возникало чувство слабости в солнечном сплетении.

Когда я принимал участие в одном танце, основанном на так называемой «эннеграмме», что-то стало происходить со мной, с моими чувствами; это было вызвано отчасти музыкой, отчасти позами и движениями. Музыка представляла собой простую повторяющуюся мелодию и гармонию, но построенную таким образом и так прекрасно, что она проникала в самые глубины существа. Я как будто бы что-то понимал, сознавал, участвовал в обряде. Я некоторым образом ощущал значение эннеграммы, закона вечного возвращения, вечного повторения и возможности выхода из него. Постепенно эннеграмма стала для меня живым движущимся символом, вызывающим у меня чувство радости, где бы я на нее ни смотрел; я мог чему-то научиться всякий раз, когда о ней думал. Как можно прочесть в хронографе Марии Стюарт: «В моем конце - мое начало!»

Стояло жаркое июльское утро; лес, по крайней мере та часть, где я работал, могла сойти за тропики. К середине первой половины дня я изнывал от жажды и оставил свою работу, чтобы сходить в дом и выпить чаю. По дороге у большой поляны я натолкнулся на трех русских, которые разговаривали с тревожными выражениями на лицах. При своих скудных познаниях в русском языке я не мог схватить многого, но слышал, как все время повторялось - «Георгий Иванович, Георгий Иванович». Я остановился, и они сказали мне, что Гурджиев попал в аварию; карета скорой помощи должна была доставить его в Приере с минуты на минуту. Мы направились к дому, прошли во двор и достигли ворот как раз в момент прибытия кареты скорой помощи Гурджиева вынесли на носилках, его голова была покрыта повязками; он был без сознания, но бормотал: «Много людей, много людей». Его отнесли наверх в его комнату

Среди нас воцарилось молчание; каждый спокойно и серьезно занимался своим делом. Некоторые плакали, хотя обычные изъятия горя полностью отсутствовали. Состояние Гурджиева было очень серьезным, врачи мало надеялись на его выздоровление; чудом было уже то, что его не убило на месте.

Позднее в тот же день я зашел в гараж в Фонтенбло, чтобы забрать кое-что из его автомобиля, маленького Ситро-эна, который туда отбуксировали. Радиатор был раздавлен, двигатель сместился в сторону, рулевая колонка сломана, жалюзи, дверцы и окна разбиты, передняя ось и крылья погнуты.

Гурджиева нашли лежащим на траве, росшей по обочине дороги из Парижа в Фонтенбло, и под головой у него было автомобильное сиденье. Как он выбрался из машины, выбрался ли он сам или его вынесли, было неясно. Автомобиль врезался в дерево.

Кажется, что за день до своей еженедельной поездки из Парижа в Фонтенбло он вел себя необычно. Он попросил мадам де Гартманн сходить в гараж и сказать механику, чтобы тот тщательно осмотрел автомобиль - особенно болты, гайки, рулевое управление и освещение. Она никогда не видела его таким настойчивым. Также, без всякой причины, он передал ей свои бумаги и уполномочил ее действовать от своего имени. И другой необычный факт: он велел ей возвратиться в Фонтенбло поездом, а в ответ на ее недоуменный взгляд лишь махнул рукой.

Никто не знает, что произошло, так как сам Гурджиев помнит только «толчок и удар» и больше ничего, вплоть до момента, когда он очнулся через несколько дней у себя в комнате - «кусоч сырого мяса на чистой постели», - как он выражался. Его могло ослепить светом встречного автомобиля, или же он мог на мгновение задремать.

То, что такой случай мог произойти с Гурджиевым, было для нас потрясением; некоторые считали его неуживимым, свободным от закона случайности. Одна теософическая дама с пылким воображением таинственно рассказывала о «темных братьях», которые пытались уничтожить работу Гурджиева. Но сам Гурджиев указывал, что если вы находитесь на этой планете, то вы подвержены закону физического случая, причины которого могут лежать далеко в прошлом. Великие учителя знали об этом. Иисус упрекнул своих учеников, когда те приписали смерть людей, погребенных под рухнувшей Силомской башней, их греховным деяниям. Мы видим, или думаем, что-видим, лишь непосредственные причины несчастных случаев.

Тут есть и другой аспект. Все учителя - Будда, Гермес Трисмегист, Магомет, христианские гностики - учили, что в нас примешано нечто нежелательное, и мы можем очиститься только сознательным трудом и добровольным страданием. Это «нечто» есть результат действия органа Кундабуфер и служит причиной нашего забывания, нашего засыпания и приносит с собой массу ненужных трудностей. В Махабхара-ге Вьяса рассказывает истории о богах, героях и дьяволах, вынужденных отрабатывать на этой планете плоды прежних бессознательных (и, следовательно, дурных) поступков: как говорится в русской литургии, «плоды вольного и невольного греха».

В целом жизнь составляет серию неожиданных происшествий, о чем хорошо знают простые люди, например, фермеры и садовники; так, в нашей жизни редко что выходит так, как мы ожидаем, но по большей части случайно. В лучшем случае пропорция бывает пятьдесят на пятьдесят (фифти-фифти).

В Приере стояла тишина; мы разговаривали пониженными голосами; колокол на башенке больше не звонил; в здании студии не было танцев или музыки, и каждый всем своим существом желал Гурджиеву выздоровления. Мадам де Гартманн взяла на себя ведение хозяйства, а доктор Стъернвал и жена Гурджиева ухаживали за больным. Из Лондона приехала м-м Успенская и провела в Приере несколько дней. Но все шло так, как если бы в большой машине сломалась главная пружина и машина продолжала работать по инерции. Сила, двигающая нашу жизнь, исчезла.

Когда доктор Стъернвал сказал нам неделю спустя, что Гурджиев вне опасности, то нам показалось, что будто в замок спящей принцессы вошел принц; все стало возвращаться к жизни. Дети вновь играли в свои шумные игры на площадке, наши голоса восстановили свое нормальное звучание. М-м Галумян возобновила классы движений в студии, и Гартманн играл для нас музыку по вечерам. Начиная с обязательных упражнений, мы проработали все движения и танцы, все, что кто-нибудь мог вспомнить. Никакие движения и шаги не

были записаны, поскольку Гурджиев все носил в голове, и когда мы попытались воспроизвести Посвящение жрицы, фрагмент мистерии, мы обнаружили к своему огорчению, что не можем этого делать. Мы могли вспомнить свои собственные роли, но никто не мог вспомнить всю последовательность. То же самое было и с Большой Семеркой. Именно эти две пьесы произвели на меня такое большое впечатление в Нью-Йорке - два фрагмента объективного искусства. К счастью, у нас была музыка, сочиненная Гартманном под руководством Гурджиева.

Рутинная повседневная работа была гораздо труднее без стимулирующего присутствия Гурджиева; нам, молодым ученикам, требовалось прилагать гораздо больше усилий, чтобы работать внимательно, когда рядом не было никого, кто мог «воткнуть вилку сами знаете куда». Один ученик признался мне, что когда с ним не было Гурджиева, он совсем не мог работать, - правда, следует сказать, что этот ученик был известен как «осел из Приере».

Примерно месяц спустя Гурджиев появился в саду, поддерживаемый своей женой и м-м де Гартманн. На нем было одето его толстое черное пальто и баранья шапка. Голова его была перевязана, а глаза скрыты за темными очками. Его зрение было настолько ослаблено, что он нас не узнал. Вопреки рекомендациям и предупреждениям врачей он совершил громадное усилие, чтобы встать на ноги. Вначале он сделал несколько шагов и затем остановился. Через пятнадцать минут его отвели назад в постель. Но каждый день он оставался на ногах немного дольше и проходил немного дальше. Когда в

октябре палящий зной уступил место ясным и теплым осенним дням, вынесли его кресло и он, сидя в нем, стал давать нам указания разводить под открытым небом большие костры. Обычно он просиживал глядя на пламя с час или больше; считалось, что он набирается сил от огня. Мы все помогали; пылающий огонь и наша активность, по-видимому, помогали ему. Это продолжалось до тех пор, пока мы,

казалось, не вырубил половину парка, поддерживая огонь костров. Затем он однажды остановил нас и стал наблюдать за нашей работой, хотя и не произносил ни слова и, по видимому, никого из нас не узнавал. Трудно было осознать, что несколько недель назад это был сильный, деятельный, полный жизненной энергии человек, который встряхивал нас, пробуждая к жизни. И, все же, можно было ощутить и почувствовать эту неуменившуюся силу его бытия (существа). Вскоре он начал руководить со своего кресла и мы стали работать как прежде, стремясь ощущать и вспоминать себя, работать внимательно и осознать, что если будем работать сознательно, то поможем ему так же, как и себе. Каждый, кто не был занят на кухне, работал вне дома - Стьернвал, Зальцманн, Гартманн, - мужчины, женщины и дети Гурджиев говорил редко и после того несчастного случая ни разу не улыбнулся. Однажды мы вытаскивали из канавы ствол упавшего дерева. Мы с Гартманном работали по колено в воде, а другие ученики - наверху. Внезапно дерево соскользнуло и ударило меня по раненой ноге. Я закричал: «Проклятье!» Все остановилось и уставилось на меня. «Все в порядке, - сказал я, - ничего страшного, просто неприятно». По лицу Гурджиева медленно поползла улыбка; все засмеялись, и всю группу охватило какое-то новое чувство, почти радость. Это совпало с фазой его выздоровления, и с тех пор он начал с нами немного разговаривать.

Мы стали возвращаться к своим занятиям и строить планы на будущее, когда работа пойдет по-прежнему. Но однажды утром нам сообщили, что Гурджиев хочет собрать всех без исключения в студии. Он сидел в своем кресле в центре зала. Мы собрались вокруг него, расселись на полу и стали ждать. Он начал говорить тихим голосом, иногда по-английски, иногда по-русски. Он сказал, что теперь вся работа в Приере подошла к концу. Он собирался ликвидировать Институт в Приере. «Через два дня, - продолжал он, - все должны отсюда уехать, останутся только мои домашние.

Долгое время я жил для других, теперь я начинаю жить для себя. Все теперь прекращается - танцы, музыка, работа. Вы все должны уехать через два дня».

Пока он говорил, лица у нас вытянулись настолько, что, казалось, коснутся груди. Поговорив еще немного по-русски, он жестом отпустил нас. Мы медленно поднялись и вышли наружу, собираясь группами во дворе и спрашивая друг друга, что это значило.

Это было потрясением, как и было задумано. В тот день мы больше не занимались работой, а разговаривали между собой, стараясь понять, в чем дело. «Разве это, — спрашивали мы, — и есть конец всем тем нашим надеждам, которые в нас заронили? Действительно ли всему конец? Действительно ли работа окончена?» Все были заинтригованы — как старшие ученики, так и молодые. «В чем тут причина? - спрашивал у меня один из русских. - Что делать? Мы от всего отказались, приехали сюда, и вот все кончено. Что делать?» Они напоминали персонажей чеховской пьесы. Я знал столько же, сколько и они.

На следующий день большинство русских, некоторые американцы и другие упаковали свои вещи и уехали, чтобы больше никогда не вернуться в Приере. Они восприняли его слова буквально. Уехали некоторые англичанки, но позднее они вернулись. Остальные тоже уехали. Мы отправились в Париж, где остановились в маленьком невзрачном отеле «Юник» на Монпарнасе. Но перед отъездом у нас состоялась беседа с м-м Гартманн с тем результатом, что Гурджиев разрешил американцам вернуться и продолжить свое пребывание. Могли вернуться также и те, кто был «близок» к нему. В тот момент все, исключая его семью и тех, кто за ним ухаживал, на несколько дней уехали.

Когда мы возвратились в Фонтенбло, Приере казалось нам опустевшим. Из нас осталась только треть, включая старших учеников, - те, кто был ближе всего к Гурджиеву. Возобновилась работа в саду и лесу, и каждый вечер Гартманн

играл для нас в студии как музыку Гурджиева, так и русских композиторов. В конце октября Гурджиев вновь гулял самостоятельно, хотя и медленно, и вновь ставил нам задачи.

Мне велели работать с Ольгой Ивановной; мы распиливали двуручной пилой бревна на зиму и складывали дрова в сарае. Она рассказала о жизни на Кавказе с Гурджиевым. В Тифлисе он спросил ее, есть ли у нее желание, настоящее желание. Она сказала: «Я хочу бессмертия». Он сказал: «Что вы сейчас делаете?» — «Я присматриваю за своим домом и прислугой», - ответила она. «Сами вы работаете? Готовите, присматриваете за ребенком?» - «Нет, это делает для меня прислуга». - «Вы ничего не делаете и хотите бессмертия! - сказал он. - Но оно не придет по желанию, но посредством особого рода работы. Для бессмертия вы должны работать, прилагать усилия. Теперь я вам покажу, как надо работать. Сначала отпустите прислугу и начните все делать сама».

«Он, действительно, показал мне, - добавила она, - он показал мне, как надо делать обыденную работу не как прислуга, но работать и, в то же время, применять его метод».

В течение двух недель мы работали пильщиками и каждый день подходил Гурджиев и наблюдал за нами. Он обычно беседовал несколько минут с Ольгой Ивановной, а затем переходил к другой группе. Насколько я мог понять из их беседы, речь шла о ее планах на будущее; позднее она уехала вместе со своей маленькой дочерью Светланой в Америку, где со временем стала миссис Фрэнк Ллойд Райт. На протяжении последующих четырнадцати лет я видел ее всего один раз, да и то только несколько минут. Как и все женщины, которые действительно работали с Гурджиевым, она была замечательной и необыкновенной; она обладала чем-то внутренним, у нее была индивидуальность, и она не сидела сложа руки.

Этот эпизод с пилением дров произвел на меня большое и длительное впечатление из-за того, что случилось в конце и что, в свою очередь, явилось результатом многомесячной

работы. Я стал замечать, что испытываю нечто необычное, выполняя эту физическую работу, нечто, чего я никогда не испытывал за долгие годы своей трудовой жизни. Затем, когда Гурджиев во время своего ежедневного обхода наблюдал, как я ношу дрова и пилю их, что-то во мне сказало: «Я ощущаю себя, я вспоминаю себя». Это ощущение растущего самосознания сопровождалось чувством настоящей радости. Затем он сказал: «Достаточно, я думаю, вы теперь очень хорошо умеете работать с деревом. Я дам вам новую задачу».

Эта ничто не значащая на первый взгляд фраза и то, как она была сказана, сыграла для меня решающую роль. У меня возникло, как говорится, «сознание греховности» — осознание того, что до сих пор моя жизнь была полностью механической и автоматической; теперь же казалось, будто волшебник сказал мне: «Покинь образ машины и прими подобающий тебе образ человека». Это было моим первым посвящением, а слова Гурджиева - сопровождающим его обрядом. Свершилось таинство. В тот день за обедом, оглядывая своих товарищей, я увидел их и себя в новом свете и вспомнил отрывок из истории о Золотом Руне: «Когда аргонавты возвратились на корабль после того, как приняли участие в самофракийских мистериях, они показались Атланте и Мелеагру подобными богам, а не людям, вокруг головы у них сиял легкий нимб света. Но когда они побыли на корабле и надели свои обычные одежды, сияние исчезло - они опять были людьми, но переменившимися».

Однажды м-м де Гартманн сказала нам, что Гурджиев собирается поехать на лечение и что если кто-либо из нас хочет с ним поговорить, то может это сделать сегодня утром. К тому времени из нас, молодых учеников, осталось восемь человек, все американцы. Я очень нервничал, не зная, что спросить, и все же не желая упустить такой случай. Мы сидели на траве под ярким осенним солнцем и ждали. Наконец, он вышел и медленно прошел к своему креслу. Мы вставали и подходили к нему один за другим. Я откладывал

свою очередь настолько возможно, так как в голове у меня было пусто, но когда я поднялся, вопросы пришли мне на ум и, сидя у его ног, я сказал: «М-р Гурджиев, я хотел бы остаться в Приере, но у меня есть договоренность основать свое книжное дело в Америке; кроме того, я хочу жениться, хотя в данный момент у меня и нет никого на примете. И я также хочу помогать другим». - «Все это может быть полезным. - сказал он. - Весьма необходимо зарабатывать деньги на жизнь. Вы отправитесь и начнете свое дело, а потом, возможно, мы войдем в дело вместе. Относительно женитьбы: сперва вы должны отличать между женщиной и женой. Жена — навсегда, женщина - временно. Если вы женитесь сейчас, возможно, брак окажется непродолжительным. Может быть, позже. Кроме того, прежде чем вы сможете помогать другим, приносить другим настоящую пользу, вы должны узнать себя и быть в состоянии помочь себе. Сейчас вы эгоист, думаете всегда о себе. Вы должны научиться быть эгоистом ради хорошей цели, тогда вы сможете стать подлинным альтруистом и помогать другим».

Это было все, но сила, скрытая за этими словами, очистила мой затуманенный мозг и ум от сентиментальности, «легкой эмоции, отягощенной путаницей в мыслях», накопившейся с годами по поводу взаимоотношений полов и «добрых дел». Когда он вернулся в дом отдохнуть, я пошел через лес, размышляя над его словами.

Гурджиев уехал на следующий день и я не видел его до следующего лета. Наступил ноябрь, похолодало. Студия была закрыта, мы расчистили английскую столовую и стали там отрабатывать движения и даже разучили несколько новых обязательных.

Я вернулся в Лондон в конце месяца, чтобы выполнить свои деловые обязательства. Мой старый друг Уолтер Фул-лер, который был тогда литературным редактором еженедельника «Уинли Вестманстер», пригласил некоторых людей послушать мой рассказ о жизни в Приере. Из этого ничего не

вышло, ибо я не смог дать им вразумительную картину тамошней жизни, системы и метода обучения. Они чувствовали, что меня больше не интересует то дело, ради которого мы вместе работали, - социализм, социальные реформы, образование. «А ваши опыты, по-видимому, не сделали вас счастливее», - добавили они. Они продолжали трудиться ради общего блага, говорить другим, что им сделать, но я не вижу, чтобы жизнь человека с тех пор улучшилась, будь то его внутренняя или внешняя жизнь. Большим препятствием для хорошей жизни является высокомерная позиция так называемых «интеллектуалов», с одной стороны, и бюрократов, с другой стороны, независимо от их национальности

или убеждений - тех, кто убеждены, что все знают и хотят наставить других на путь истинный. И они всегда заблуждаются. В некотором смысле мы все таковы и должны оставаться такими, пока не сможем заглянуть внутрь себя и смотреть правде о себе в лицо. Как говорят суфии: «Сколько бы знаний не имел человек, куда он не познал себя и не признался себе, что на самом деле ничего не понимает, все, что он приобрел, будет подобно «ветру в его руках».

Семена были посеяны во мне и стали прорасти, но, как известно каждому садовнику, часто проходит много времени между прорастанием и пусканием побегов, между пусканием побегов и превращением в растение, и еще больше времени до того, как появится дерево с цветами и плодами. Становление нового и развившегося человека - еще более длительный процесс.

НЬЮ-ЙОРК И ФОНТЕНБЛО 1925-1926

В конце ноября 1924 года я вернулся в Нью-Йорк, снял квартиру на Вашингтон Сквер и приступил к осуществлению своей прихоти иметь собственный книжный магазин. Я устроил его на 47 улице (стрит) в старом закопченном каменном здании. Дважды в неделю я ходил в группу Орейджа, которая собиралась на квартире у одного психоаналитика, заинтересованного в этих идеях. К группе присоединилось много людей, и мы переехали в «маленькую галерею» Джейн Хип на углу Пятой Аvenues и 11-й улицы. В конце концов, Мюриэль Дрейнер, одна из блестящих светских женщин Америки, предложила свою квартиру на восточной 40-й улице и наша большая группа продолжала собираться там. У Орейджа были другие группы, собиравшиеся в других местах. Среди членов одной из них были Герберт Кроули, редактор журнала «Нью Рипаблик», и Джон О Хара Кос-грейв, литературный редактор газеты «Нью-Йорк Уорлд». Наша группа состояла из тех, кого в Англии называют интеллектуалами из среднего класса, по большей части молодых людей, преуспевающих в своей обычной жизненной карьере, профессии или бизнесе. Туда также входили один или двое довольно богатых людей. За каждое занятие мы платили по два доллара. Существовали также классы движений и танцев, организованные миссис Говарт и мисс Лиллард, которые провели в Приере два последних года. Классы мы тоже оплачивали по два доллара за урок, а более состоятельные ученики платили больше. Все ясно понимали, что каждый должен платить сообразно своим средствам. Большинство учеников также находили способы доставать деньги для Приере с помощью побочной деятельности помимо своей основной работы. В нашей группе было от пятидесяти до шестидесяти человек.

Номинально занятия у Орейджа начинались в восемь часов. Обычно он входил около девяти, но этот промежуток давал нам возможность спокойно усесться и расслабиться или поговорить с теми, с кем у нас не было возможности встретиться в течение недели

«Ну с, - обычно говорил Орейдж, - вопросы есть?» После паузы кто-нибудь обычно задавал вопрос и он отвечал. Раз начавшись, вопросы текли потоком. Каждый спрашивал в соответствии со своим типом и своим уровнем понимания -или непонимания, - и каждый получал соответствующий ответ. Эмоционально-инстинктивный тип наподобие моего воспринимал все не критично, посредством чувств, и требовал как можно больше сведений. Ментальный тип, наподобие С., должен был получить интеллектуальные объяснения по каждому пункту; он все продолжал и продолжал ставить вопросы, несмотря на чьи-нибудь протесты: «Ради бога, хватит, С.», в то время как Орейдж с бесконечным терпением пытался дать ему возможность почувствовать и ощутить что-либо. Мне он обычно указывал на необходимость больше думать, необходимость применять свой разум; для С. он рекомендовал попробовать больше чувствовать с помощью своих чувств, а не головой. Орейдж, сидящий перед нами в своем кресле, был активной силой, противостоящей пассивной силе нашей группы в целом; из вопросов и ответов возникала, третья сила; результатом была степень понимания, соответствующая тому усилию, на какое каждый был способен.

Мы обычно приходили на занятия усталые после долгого рабочего дня, но к концу вечера в нас рождалось столько энергии, что вместо того, чтобы идти домой, мы переходили в ресторан Чайлда и засиживались там довольно часто до двух часов утра. Орейдж обладал поразительным знанием всяких

вещей и людей. Он знал многое из того, что происходило за кулисами общественных и литературных дел. Он умел также догадываться о том, что происходит за нашим собственным фасадом. Казалось, он знал ответ на каждый вопрос; его ответы были настолько верными, что у многих у нас вошло в привычку обсуждать с ним все - как житейские проблемы, так и психологические. Вначале это сильно помогало, но более слабые люди стали полностью на него полагаться и советовались с ним обо всем. При всем своем знании Орейдж был обыкновенным отзывчивым человеком, наделенным человеческими способностями и недостатками, стремящимся совершенствовать себя. Как он говорил, он сам учился, работая с нами; он нуждался в нас так же, как и мы в нем. Он излагал учение Гурджиева так, как сам его понимал, и стоял по отношению к Гурджиеву на такой ступени, на какой стояли мы по отношению к нему. Мы в нетерпении хотели знать все больше и больше и часто бывали разочарованы тем, что учение не преподносилось на блюде, полном объяснений.

Между Орейджем и некоторыми из нас установились очень тесные эмоциональные и ментальные взаимоотношения, и он обычно представлялся нам «сплошным светом», в котором не было ни единого пятнышка (наши герои должны быть во всем белом). Нельзя было относиться к Орейджу беспристрастно, прежде всего от того, что мы были неспособны относиться беспристрастно ни к кому, и меньше всего к себе. Как он обычно говорил: «Прежде чем вы сможете быть беспристрастным к другим людям, вы должны научиться быть беспристрастными к своему собственному организму - это одна из целей учения Гурджиева». Между учениками в группе существовали, разумеется, различия и борьба, которая вызывала трения, но это лишь способствовало дальнейшему углублению корней и сплачивало нас в своего рода ^ братство. Но к людям легко привязываешься эмоционально и хочешь дать все сразу; и когда другой человек неизбежно делает нечто, что кажется «неправильным», то реакция бывает бурной и негативной и, следовательно, вызывает целый ряд страданий, становясь, таким образом, источником зла «Эмоциональная любовь, будь то к мужчине, женщине или вещи, вызывает свою противоположность», - говорил Орейдж.

Одна ученица, которая временами предавалась жалости к себе, говорила о том, как трудна жизнь, как все и вся против нее настроены; если бы только вещи и люди были иными, жизнь была бы сносной. Она знала, что была червяком, но не знала, что с этим поделать. Орейдж отвечал куплетом из песенки:

Я хотел бы быть слоном и подбирать своим хоботом кокосовые орехи, Но, увы, я не слон и не могу им стать, Я всего-навсего таракан и водяной жук. И могу лишь ползать вокруг да прятаться за сточной трубой.

Ученица рассмеялась и мы тоже Орейдж, как и Гурджи-ев, мог пробуждать в нас чувство юмора и заставить нас смеяться над собой

Время от времени Орейдж задавал нам простые упражнения, «детский сад», как он их называл. Он велел нам выписать в столбик то, что мы считали своими положительными или «хорошими» качествами, а в столбик напротив - свои отрицательные или «плохие» качества, а затем убрать листок и заглянуть в него через год другой Я составил такой список и забыл о нем Прошло, может быть, два или три года, прежде чем я на него наткнулся в своих бумагах и прочел это. Меня поразило, что ни одно из тех качеств, которые я считал своими «хорошими», - а это был довольно длинный список - не существовало в действительности; мои истинные качества были почти в точности противоположны этим «хорошим»

качествам. Я видел действительность - действительность в себе самом - шиворот-навыворот. Я сам был «шиворот-навыворот» и извращенным.

В то время он дал нам и два других упражнения. Одно из них состояло в «обзоре событий за день» - упражнение для памяти, воли и сосредоточения. Идея заключалась в том, что перед отходом ко сну следовало начать медленно считать: 2, 4, 6, 8, 10... - 10, 8, 6, 4, 2 и т.д. вплоть до сотни. Установив этот ритм, попытаться представить себя беспристрастно -встающим с постели, одевающимся, завтракающим, едущим в автобусе на работу, встречающимся с людьми и т.д. вплоть до укладывания в постель - как будто мы смотрим не очень интересный фильм, иначе мы можем отождествлять себя с ним. Не думайте о нем - мысли могут исказить картину. Во время обзора у вас будут периоды забытья и вы перестанете считать Вы должны «склеить пленку» и продолжать считать снова. Вас также может клонить ко сну и, чтобы продолжать, потребуется приложить значительное усилие. И часто, когда вы ляжете в постель, вы забудете это сделать. Как то бывает со всеми настоящими упражнениями, организм состоит про тив вас в заговоре, чтобы заставить вас забыть»

Другим было упражнение на внимание.

«Возьмите свои часы и зафиксируйте взгляд на секундной стрелке; наблюдайте за ней, пока она за минуту совершает полный оборот, и не позволяйте своему взгляду отклониться Когда вы полностью уверитесь, что можете сфокусировать свое внимание в течение одного оборота, вы должны будете приступить к развитию своей способности мышления. Выполнив это и удерживая фокус внимания на маленькой стрелке, считайте про себя от 1 до 10, а затем наоборот Вначале вам это может показаться легким делом, но нужно продолжать, пока оно не станет грудным Продвинувшись до этой точки, продолжайте удерживать свой взгляд на движущейся стрелке и мысленно считать и затем, одновременно, повторяйте про себя какой-нибудь стих. Делайте Это в течение двух-трех минут».

Много позднее задавались более трудные упражнения; но самыми трудными были упражнения, задаваемые Гур-джиевым и выполняемые только под его руководством. Некоторые из них включали сознательное использование воздуха и впечатлений.

На протяжении зимы Орейдж регулярно получал вести от м-м Гартманн. Гурджиев поправлялся. Он купил подержанный просторный автомобиль и вновь разъезжал повсюду с другими, сам ведя машину. Порой он заставлял своих спутников вставать в шесть часов холодным зимним утром и покидать теплую гостиницу. Он обычно вел машину не произнося ни слова часами, пока не останавливался выпить чашку кофе. Он прилагал огромные усилия, чтобы преодолеть сопротивление своего большого планетного тела, которое хотело плыть по течению, лежать и ничего не делать. Кто-то сказал: «Но ведь и обыкновенные

люди проделывали такое -совершали громадные усилия. Посмотрите, что люди делали на войне!» Разница состояла в том, что на войне люди совершают усилия по принуждению.

«Значит, — сказал один ученик из группы, — вы считаете это усилие Гурджиева примером настоящей воли?»

«Да, — ответил Орейдж, - настоящую волю можно определить только как нечто самодовлеющее, необязательное, но желаемое организмом. Усилие, прилагаемое для того, чтобы выполнить желание «я», а не то, чего желает «оно»: Усилия Гурджиева - это усилия слона, наши же - как у муравья».

«Как я смогу приобретать настоящую волю?» — спросил кто-то.

«Вот, к примеру, - сказал Орейдж. - Возьмите какое-нибудь свое желание, безобидное желание, и сделайте усилие, чтобы его удовлетворить. Что-то, что вы хотели сделать давно, и наблюдайте за собой. Это дает почувствовать вкус

настоящей воли. Часто требуется больше усилий, чтобы сделать то, что вы хотите сделать, нежели то, что вы не хотите делать. Наше извращенное пуританство нашептывает нам, что когда мы «отказываем» себе в чем-нибудь, мы делаем угодное богу-дело. Когда средний английский или американский пуританин делает что-то, чего ему действительно хочется, у него часто возникает чувство вины и он должен оправдываться перед собой тем, что это для него «хорошо», особенно если это касается вина или женщин. Удовлетворение безобидных желаний есть средство приобретения настоящей воли, но только не культивируйте их».

В марте Орейдж рассказал нам, что получил рукопись из Приере. Гурджиев написал ее по-армянски; ее перевели на русский язык — м-м Галумян, армянская ученица, а затем на английский язык — русские ученики, говорившие по-английски, вместе с поправками, сделанными какими-то не очень грамотными английскими учениками.

«Я отослал ее назад, — сказал он, - и сообщил им, что в ней нельзя ничего разобрать. Я не имею ни малейшего представления, о чем там речь. Но м-м де Гартманн пишет, что Гурджиев решил написать книгу, в которой он изложит всю совокупность своих идей. Если эта глава является примером, я могу только пожелать, чтобы он этого не делал. Я не улавливаю в ней сути».

Тем не менее, вскоре пришла исправленная версия, которую он нам прочитал. «Это совсем другое дело, — сказал он, — теперь я начинаю чувствовать тут нечто весьма интересное».

Он прочитал нам ее несколько раз, но мы не смогли многое из нее почерпнуть. Однако вскоре в нас что-то стало пробуждаться; и по мере появления новых глав их воздействие на наши чувства усиливалось. Книга называлась «Рассказы Баалзебуба своему внуку» или «Беспристрастная и объективная критика жизни человека». Баалзебуб, путешествующий на космическом корабле вместе со своим спутником

Ахуном и внуком Гассейном, рассказывает о своих наблюдениях над жизнью человека на планете Земля, которые он производил во время своих посещений Земли с планеты Марс. Некоторые из группы сказали, что камнем преткновения является необычный стиль. Орейдж сказал, что она гораздо понятнее, чем «Улисс» Джейса или книга Гертруды Стайн, которые обе недавно появились в Америке в журнале «Литтл Ревью». Один из группы писатель выразил наши мысли.

«Орейдж, — сказал он, — вы сделаете большое дело, если займетесь переложением этого на читабельный английский. Людей оттолкнет сам стиль, а средний читатель вовсе ее не поймет. Большая часть грамматики и пунктуации там попросту безграмотны».

«Я не предполагаю ее переписывать; - сказал он, - на самом деле помимо общей редакции я оставляю ее как есть, вероятно, до момента окончательной отделки, когда бы это ни произошло. Книга обретет свою форму. Она полна идей. Насколько я могу судить, это в действительности есть объективное произведение искусства, литературы высшего порядка; она принадлежит к категории писаний. По-видимому, Гурджиев задумал ее, когда лежал в постели после аварии. Она сознательно настроена таким образом, чтобы производить определенное воздействие на каждого, кто возымеет желание ее прочитать. Всякий, кто попытается ее переписать, исказит ее».

Не могу сказать, что я хорошо разбирался в теоретической части системы Гурджиева; работа поначалу для меня, может быть к счастью, была целиком практической, но даже усилия, предпринятые в попытке понять систему, начали оказывать воздействие на мой ленивый ум, заставляя его работать. Я начал видеть разницу между мышлением с помощью своих чувств и мышлением с помощью своего разума и начал замечать разницу между чувством и ощущением. Я также заметил легкое, но все же различимое возрастание силы в солнечном сплетении - уменьшение того острого

чувства подавленности, от которого прямо-таки скрючиваешься перед неудачей, - наследственной слабости, углубившейся на войне. (Орейдж говорил, что в некоторых восточных учениях солнечное сплетение считается местопребыванием -могущества или настоящей воли). Я стал более компетентно обращаться с ситуациями и людьми.

Ум Орейджа стимулировал умы других людей; он был живым и резко отличался от умов косных «интеллектуалов», с которыми я общался в клубе 1917 года в Лондоне и чьи речи были всего лишь потоком ассоциаций, текущих из их форми-

рующего аппарата. Орейдж чувствовал так же, как и думал. И хотя никто из нас, ни один интеллеktуал, даже мой старый друг С.К.Огден, никогда не мог с ним сравниться, Орейдж мог, как и Гурджиев, легко найти общий язык с простым человеком.

Именно в том 1925 году я впервые осознал сущность «отрицательной эмоции». Когда однажды один ученик из нью-йоркской группы сказал мне по поводу моего отношения к нему: «У вас страшно много отрицательных эмоций», я был возмущен и рассказал об этом Орейджу. Он сказал: «Одной из вещей, за которые я должен благодарить Гурджиева (и Успенского за передачу идеи), является его учение об отрицательных или низших эмоциях. Вы сами весьма охотно поддаетесь отрицательной эмоции. Вы обидчивы, легко ранимы, вы исполнены негодования, вы не можете вынести ни малейшей критики; то же самое относится почти к каждому. Отрицательная эмоция бессознательна и, следовательно, есть зло». Это было для меня потрясением. Я никогда не думал о своем страдании как об «отрицательной эмоции», но как о результате «давления на психику», результате войны, плохого здоровья, вынесенного из окопной жизни. Для меня было большой неожиданностью сознавать, что все это можно резюмировать выражением «отрицательная эмоция». Подготовительная работа, которую я проделал во время своего пребывания в Приере, позволила мне теперь, спустя несколь-

ко месяцев, смотреть в лицо фактам своей негативности (отрицательности). Но познавать умом - это одно, а понимать - совсем другое.

Орейдж сказал: «Если мы передаем свое страдание другим, оно становится «злом», которое, как говорит профессор Сора в книге «Три условности», есть «страдание без созидания». Святые суть потребители страдания; они его поглощают, преобразуют и используют для созидания бытия. Когда мы погружаем в жалости к себе, в негодовании, в безрассудной ненависти к другим, мы становимся каналами, проводящими страдание. Жалость - божественное чувство, жалость к себе - дьявольское. Мы не хотим себе давать отчета в том, что зачастую бываем переполнены чувствительной жалости к себе. Жалость к себе есть расстройство эмоций, сокрушение по поводу своей участи и стремление возложить на родителей, условия и людей вину за собственное скверное состояние; жалость к себе является одним из проявлений отрицательной эмоции, которая внушает другим неприязнь к нам и в которой под маской самоуничтожения, чувства собственной приниженности часто скрывается чрезмерное самоунижение».

«Но разве страдание не бывает полезным?» - спросил я. «Да, бывает. Только вы должны спросить: «Какого рода страдание?» Если мы принимаем свое страдание без роптания или жалоб, то мы, согласно Гурджиеву, либо оплачиваем свой старый долг, либо закладываем основание для своей будущей заслуги».

Выражение «отрицательная эмоция» полезно, так как оно охватывает широкий круг чувств, движущих человеческой деятельностью. Почти все газетные отчеты и «новости» имеют дело с отрицательными эмоциями.

Я должен сказать, что никогда не слышал этого выражения ни в Приере, ни от самого Гурджиева.

Имеется так много негативных чувств, что в английском языке применяются десятки слов и выражений для обозначения их различных видов и оттенков. Возьмем, к примеру, некоторые английские слова, начинающиеся с буквы «У»:

(уныние, удрученность, угнетенность, упадок духа, ужас, отчаяние, отвращение, омерзение, тоска, тревога, скорбный, мрачный, печальный, неутешный, неудовлетворенный, недовольный, неуверенный в себе, разочарование) - можно приводить их целыми страницами; и другие, такие, как (обидчивость, раздражительность, ранимость, злоречивость, негодование), а также все, оканчивающиеся сочетанием «асс о о» или «асас а». Кроме того, имеются основные эмоции, такие как ненависть, зависть, ревность, гнев, которые имеют как положительный аспект, так и отрицательный. «Зависть побуждает к подражанию», - говорил Гурджиев. «Никогда не будьте ненавидеть отвратительное», — говорил Орейдж. Баалзебуб рассказывает о существах этой планеты, которые знают только отрицающую силу, порождающую отрицательные эмоции. Затем имеются различные формы сентиментальности — английское отношение к животным, в котором сентиментальность маскируется под человечность. Интроспекция (самокопание), бесполезные самообвинения, некоторые виды «любви» — отрицательны. Обычная жизнь — общественная и деловая - в значительной степени является вежливой маской, скрывающей бурлящую массу отрицательных эмоций.

Распространенной формой отрицательной эмоции является депрессия (упадок сил). У некоторых это своего рода расстройство, которое наступает периодически, даже регулярно в определенное время в году. Некоторые ищут от него спасения в наркотиках или алкоголе. Причины бывают -самые разнообразные: пища, климат, неудовлетворенное половое влечение или половые излишества, нехватка денег, влияния планет; у некоторых это наследственное. Среди наилучших лекарств можно назвать садоводство и некоторые виды ремесла, а также стирку, уборку подсобных помещений - разного рода физическую работу. Практически безотказным средством является выполнение этих занятий с одновременным вспоминанием себя, а также выполнение работы медленнее или быстрее обычного. Труднее всего сделать первоначальное усилие. Но как говорил отец Гурджиева: «Когда вы подставили под ношу плечо, она становится самой легкой ношей на свете».

Что же такое «отрицательный»? Это то, что лишено положительных качеств. Это минус, отрицание чего-то, то, что отрицает-противник, дьявол, враг. Быть отрицательным значит быть пассивным тогда, когда нужно быть активным. Отрицательность (негативность) есть часть Святого Отрицающего,¹ Святого -Крепкого, которая в нас была искажена и испорчена; то, что в нас стало извращенным. Но когда готовят компост, смешивая в кучу отбросы и мусор, они превращаются в благоуханную почву, из которой вырастают цветы и плоды. То же самое, может быть и с нами.

Апостол Павел, понимавший эту систему в интерпретации, соответствовавшей его времени, сказал: «Смотрите, я покажу вам тайну; мы все не уснем, не переменимся в одно мгновение ока при звуках последнего трубного гласа; ибо труба прозвучит и мертвые восстанут нетленными. Ибо это тленное должно облечься в нетленность, а это смертное -облечься в бессмертие; тогда исполнится реченное в писании». «Смерть поглощена победою». Это не состояние в воображаемом будущем, но психологический процесс, который может иметь место теперь.

В Приере выражалось много отрицательных эмоций. Гурджиев редко упрекал молодых учеников, приходивших в состояние гнева или возмущения; но он обычно говорил несколько слов, и они вдруг останавливались, как бы пробудившись. Он провоцировал в подходящий момент проявление отрицательных эмоций, потому что пока вы не осознаете, что они у вас есть, вы ничего с ними не сможете сделать. Будучи подавленными, они портятся и становятся ядовитыми; выпущенные наружу - становятся разрушительными; такова

жизнь. Только алхимия метода может их преобразовать. Отрицательные эмоции служат сырьем, которое мы можем использовать в- работе над собой. Они, так сказать, пар, который приводит в движение поршень. Энергия, контролируемая в соответствии с методом, благотворна; неконтролируемая энергия - вредоносна.

Воздержание от выражения отрицательных эмоций может принести пользу только тогда, когда оно дополняется усилием, чтобы вспомнить себя. Только в состоянии самовспоминания можно преобразовать отрицательную эмоцию в положительную.

Говоря об отрицающей силе, Гурджиев часто употреблял слово «дьявол». «Вы хотите быть ангелом, — говорил он, — но дьявол также необходим. Ангел может делать одно, дьявол может делать все».

Нижеследующее я позаимствовал из моих бесед с Ф.С.Пиндером:

«Негативность есть «ничто», хотя она и обладает определенной активностью в распространении себя на другие вещи, которые имеют возможность к любой потенциальной активности. Это нечто, что расходует на себя энергию. В исключительно объективном смысле это приемник, пассивное начало (рассеивающий, дисспирующий элемент) на любой космической шкале - с единственным назначением зачатия и предоставления космическим процессам средств преобразования зародыша в Активное начало».

«Причину всех недоразумений следует искать только в женщине» - это язык символов, а не литературный оборот. Следовательно, после размышлений и сопоставлений можно придти к выводу, что мужчина, который является пассивно-активным вместо того, чтобы быть активно-пассивным, есть монстр, «обезьяна». Женщина, которая является активно-пассивной вместо того, чтобы быть пассивно-активной, также монстр, «обезьяна» - суфражистки (феминистки), женщины в брюках, многие интеллектуалки и женщины, занимающи-

ее ч общественной жизнью; они представляют отрицательное качество. В «Фаусте» Гете дьявол говорит: «Я дух, который всегда отрицает», а также: «Вечно женственное завлекает нас»

«Да» - утвердительный или активный ответ; «нет» -отрицание или уступка. Всегда одно «преграждает путь» другому или превосходит другое, подавляет его. Объективно всякое уменьшение силы «да» по отношению к «нет», и наоборот, приводит к психопатии - они должны быть уравнены, и в результате возникает чувство уравновешенности.

Возьмем мыслительный центр - мыслительная часть говорит «да», двигательная часть - «нет», примирительная часть распределяет поровну и сплавляет их в единый ноумен или представление, в потенциально объективную мысль - но взятую не в целом и неполную, поскольку у нас три центра, каждый из которых может работать аналогично; и большое «да», противопоставленное большому «нет», производит большое чувство - когда все три центра работают на полную мощность и в гармонии.

Мы не достигли этого состояния.

Мы все еще должны бороться с отрицательными эмоциями, воздействующими на чувствительные части мыслительного и инстинктивно-двигательного центров.

Возьмем ощущения в инстинктивно-двигательном центре. Они могут быть положительными или отрицательными, утверждающими или отрицающими, приятными или неприятными, помогающими нам на жизненном пути, 'как в случае, когда, пробуя кусок мяса, мы находим его непригодным к употреблению и организм отбрасывает его. То же самое и со свежим и дурным воздухом, холодом и жаром; мы можем использовать эти положительные и отрицательные инстинкты, чтобы прожить с минимум неудобств; и при передвижении — когда мы устаем от ходьбы, мы садимся или возвращаемся назад.

Состояние скуки отрицательно; скука начинается там, где отступает разум, и она воздействует на формирующий аппарат через мыслительный центр и эмоциональный центр.

Всякая эмоция в действительности, так сказать, «поднимает» или «опускает» человека. «Любовь чувствами вызывает свою противоположность»; и мы видим, что необузданное веселье, излишняя доверчивость, избыток радости, дружеских чувств, симпатии и т.д. (которые вообще-то рассматриваются как положительные эмоции) могут легко превратиться в свою противоположность, так как обыкновенно у нас не бывает постоянных или устойчивых эмоций, какие должны быть; да это и не возможно в обычном бодрствующем состоянии сознания, в котором мы все пребываем. Повсюду нас окружают примеры того, как любовь превращается в ненависть и ревность и как из-за этого мы можем потерять объект своей любви.

Постоянные отрицательные эмоции можно видеть повсюду вокруг нас и в нас самих - в проявлениях капризности, раздражительности, тщеславия, эгоизма, себялюбия, самомнения, бахвальства и т.д. и т.п.; они постоянны до тех пор, пока мы не пробудимся и не начнем с ними борьбу; «взбираясь на кручу», и тогда они могут быть постепенно преобразованы.

Гурджиев постоянно и всеми способами напоминал нам, что «дьявол» также необходим», но что мы не должны оставаться пассивными и позволять себе быть рабами своей отрицательной части, своих отрицательных эмоций. Он говорил, что мы не должны становиться рабами нашей пассивной части, которую представляет женщина. Мужчина не должен быть под каблуком у жены или любовницы.

Веррон передает слова Сократа: «Недостатки жены следует либо устранять, либо терпеть. Помогая ей избавиться от недостатка, муж делает ее более приятной, а мирясь с ее недостатком, он сам становится лучше».

Когда Алкивиад, представлявший обычную жизнь, спросил Сократа, почему тот мирится с такой сварливой и злоязычной женщиной, как Ксантиппа, Сократ ответил: «Мирясь с ней дома, я к этому привыкаю и делаю из этого упражнение, что позволяет мне, когда я-бываю»на людях, переносить недоброжелательство и оскорбления с Их стороны».

Часть методики Гурджиева состояла в выявлении и развитии активной части в его учениках мужского пола и пассивной части - в женщинах; она выявляла? мужское в мужчинах и женское в женщинах. Мужчины должны были научиться быть активными в себе, к своим' собственным инерции и слабостям, и быть активными в своих отношениях с другими мужчинами и женщинами; по мере развития истинной активности, активной части мужчины развивалась и его пассивная, творческая часть; и, разумеется, нейтрализующая часть тоже.

Можно сознательно использовать такое качество, как тщеславие, и извлекать из него выгоду. Все, что идет против работы, отрицательно. Негативность - механическое, бессознательное качество, и, следовательно, есть зло.

Один хорошо известный в Лондоне писатель, последователь Адлера, как-то сказал мне: «Одно из поразительных свойств учения Гурджиева на его учеников состоит в том, что мужчины - по крайней мере те, кого я знаю, - становятся более мужественными, а женщины — более женственными».

Весной 1925 года я вернулся в Англию, чтобы закупить книги. Из Англии я направился в Париж, Вену и Берлин также для закупки старых книг и новых изданий. Уладив свои коммерческие дела, я уехал отдыхатьна Антибы, откуда прибыл в Фонтенбло. Гурджиев приветствовал меня: «А, мистер Америка, сперва вы должны принять турецкую баню, чтобы избавиться от американского запаха, потом мы сможем поговорить». - «Но я не американец, я англичанин!» -

«Вы - мистер Америка. Американский запах., Английский запах - все едино, одно хуже другого». И так в течение двух лет он продолжать именовать меня мистер Америка, пока до меня не дошло, что-он хотел мне дать понять, что, с одной стороны, я бессознательно усвоил себе американскую лич ность; с другой стороны, что прежде я, как англичанин, сдерживал свои чувства, а теперь, как американец, принимался выражать их ло всякому поводу. Это было частью показа мне фактов о самом себе так, чтобы я смог достигнуть меры истинной индивидуальности^ которая бы заняла место моей вечно меняющейся личности, индивидуальности, основанной на осознании моего собственного значения.

В это время - в мае 1925 года - Гурджиев почти совсем поправился, хотя его беспокоили, глаза и он должен был больше отдыхать. Он также набирал вес физически; действи тельно он был весомее и больше во всех отношениях в смысле бытия и, все же, парадоксальным образом был легче - он излучал больше «света». Жизнь в Приере следовала своим обычным курсом, хотя и не доставало знакомых лиц. По субботам были турецкие бани и трапезы в английской столовой. В студии снова начались танцы и Гартманн играл нам как музыку для танцев, так и гимны Гурджиева и другие пьесы. Гурджиев опять ставил перед нами задачи в лесу и саду, но сам не принимал значительного участия. Он возоб новил поездки на свою квартиру на бульваре Перейра и встречи в кафе «Де-ля-По». Он водил другой маленький ситроэн. . .

Главной его задачей теперь было написание книги, и все и вся было поставлено на службу его цели завершения «Рассказов Баалзебуа». Он всегда носил с собой запас дешевых ученических тетрадей и

карандашей и писал всюду и в любое время - у себя в комнате, в саду, в кафе в Фонтенбло, и в кафе «Де-ля-По» - в Париже, и во время остановок в своих загородных поездках. Часто, однако, писание стоило ему усилий и он прибегал к разным уловкам, чтобы заставить

свой организм работать. Он, например, брал с собой в кафе двоих или троих из нас в качестве собеседников. Обычно возникал поток идей, и он вынимал карандаш и бумагу и начинал писать пока другие разговаривали или сидели молча. Однажды он попросил меня встретиться с ним в кафе «Де-ля-По» на следующий день в одиннадцать часов. Когда я пришел, он там сидел и смотрел на поток транспорта и пешеходов. Он спросил, что я буду пить. Я сказал: «Армань-як». Он заказал его, мы выпили, и он стал писать. На протяжении двух часов он писал, не говоря ни слова, отрываясь только в промежутках, чтобы заказать кофе или напитки. В час дня он остановился.

«Видите, сказал он, - как много я сделал. Хорошая работа за сегодняшнее утро. А теперь отвезите это в Приере и попросите мадам де Гартманн напечатать это». И это было все. Все время, пока я там сидел, мне казалось, будто я заряжаюсь электричеством, магнетизируюсь энергией, исходящей от Гурджиева, между нами какбудто передавалась какая-то сила. Хотя, придя в кафе, я чувствовал апатию и усталость и просидел два часа без всякого видимого занятия, теперь я был до краев заряжен, как батарея, кипучей энергией. Фактически я делал усилие, чтобы быть внутренне активным - но не пассивным и рассеянным. Я также кое-чему научился: я вспомнил, что мне сказал один риши в Индии — что учитель мог учить ученика не говоря ни слова. Как говорится в китайской поговорке: «Бывает время, когда нужно ничего не делать — но не быть праздным».

В то лето в Приере не было новых людей. Орейдж приехал вскоре после меня, а позднее — еще один или двое учеников из Америки. Все время шел дождь; стояло сырое лето северной Франции, когда все намокает; неделя за неделей — облака, и теплые дожди, и жаркое солнце в редких промежутках - как сырým летом в Англии или на Лонг Айленде в Америке.

В одно дождливое утро мы с Орейджем сидели в русской столовой и беседовали за чашкой чая. Вошел Гурджиев, выглядевший очень элегантно в светло-сером костюме, с тросточкой в руке; он остановился, присел на стол и закурил сигарету. Затем он заговорил об аварии. Он сказал, что у него была привычка, проезжая тот участок дороги из Парижа в Фонтенбло, высовывать руку из окна и срывать яблоко с ряда деревьев, растущих вдоль дороги. В тот раз, когда он так сделал, колесо автомобиля, должно быть, на что-то наскочило, ибо он дальше ничего не помнил. Он сказал, что, должно быть, бессознательно выгацил из машины сиденье и подложил его себе под голову, чтобы кровь не затекала внутрь. Из оставшейся части его рассказа я ничего не понял. Он говорил иносказаниями, передавая что-то Орейджу. После паузы, во время которой он закурил другую сигарету, он продолжил:

«Вы знаете, Орейдж, когда вы что-нибудь даете человеку или делаете что-нибудь для него, то в первый раз он преклонит колени и поцелует вам руку, во второй раз - снимет шляпу, в третий раз - поклонится, в четвертый - выразит подобострастие, в пятый раз - кивнет, в шестой раз - оскорбит вас, а в седьмой раз - возбудит против вас дело за то, что вы даете ему недостаточно». Затем, глядя на меня, он сказал: «Вы, знаете, Орейдж, мы должны платить за все».

Когда он ушел, я спросил Орейджа, что он имел в виду.

«Он, вероятно, выговаривал нам за то, что мы не умеем давать, - сказал он. - Никто из нас, по видимому, еще не научился этому. Возможно, Гурджиев сам должен был учиться тому, как отдавать».

Орейдж всегда одарял людей своей любовью, я же, из боязни, всегда сдерживался. Обращаясь к одному из своих старших учеников, не к Орейджу, Гурджиев сказал однажды: «Вы слишком сильно меня любите. Когда вы покинете меня, вы будете страдать, потому что слишком сильно меня любили».

Размышляя над тем, что сказал Гурджиев, я стал понимать, что за все, даже за спасение, нужно платить. Иисус сказал: «Вы не продвинетесь вперед, пока не заплатите все до последнего гроша». Ведь буквально за все, что мы имеем, кто-то должен был заплатить трудом, потом, или страданием, или какой-либо борьбой. И мы должны научиться оплачивать деньгами свое спасение. Есть старая английская поговорка:

Что хранил я - то пропало,

Что имел я - то потратил,

Что отдал я - то мое.

Когда одного русского спросили, что для него сделал коммунизм, он ответил: «До революции кусок хлеба был для меня просто куском хлеба из лавки. Теперь же, когда я вижу кусок хлеба, я также вижу крестьян, трудящихся на поле в холод, дождь, жару, чтобы вырастить и собрать урожай зерна; я вижу мельницы, перемалывающие его, и пекарей, выпекающих хлеб; я осознаю все нужное для того, чтобы сделать кусок хлеба». Впрочем, для того, чтобы дать вам возможность увидеть и ощутить действительность, нет необходимости в революции.

В начале этого года Гурджиев ввел «науку идиотизма» и ритуал произнесения тостов за идиотов. Вначале это казалось средством оживления трапез и придания им большего интереса. Но вскоре стало понятно, что это представляло собой нечто весьма серьезное и глубокое в изучении себя и других.

Гурджиев применял термин «идиотизм» отчасти в старом греческом и отчасти в средневековом английском смысле. Вплоть до времен Донна идиотизм обозначал речь или язык, свойственный данной стране, особенный характер или дух языка или отклонение его от строгих синтаксических норм. Донн писал в 1631 году: «Язык и идиотизм церкви Божией следует принимать как догмат веры...». В 1440 году Копгрейн писал: «Правы как двенадцать идиотов», - сказал святой Августин. Он разумеет двенадцать апостолов, ибо они были неученые». Иеремия Тейлер говорит о «святых простодуш-

ных идиотах или простых немудрящих людях из мирян»; по-гречески слово «идиот — означает частное лицо или того, кто обладает собственностью. Но Гурджиев вкладывал в этот термин другой и более глубокий смысл. Его понимание человеческой психики было таково, что когда он определял для человека его особую разновидность «идиота», это казалось почти сверхъестественным, ибо давало другим ключ к разгадке поведения данного лица, хотя этому человеку иногда требовалось довольно много времени, чтобы увидеть это самому. Гурджиев говорил, что «наука идиотизма» была зеркалом, в котором человек мог видеть себя. Не каждый имел право быть включенным в одну из категорий, которых насчитывалась двадцать одна. Помимо тостов во время ежедневной работы он мог назвать кого-нибудь идиотом, дураком в противоположном смысле, подразумевая его неразумие.

Хотя в Приере находились и мужчины и женщины, являвшиеся «представителями современного искусства», как их называл Гурджиев, и причем искусства в его высших известных нам проявлениях: в музыке, живописи и графике, пении, баллетристике, я не припомню ни одной дискуссии. Не то чтобы это было запрещено, но просто стало неважным по сравнению с целью нашего пребывания там. В западном крыле дома находилась прекрасная, отделанная дубом библиотека, одна из самых замечательных библиотек, в которых я когда-либо бывал: она не содержала ни одной книги.

Единственной книгой, прочитанной мною в Фонтенбло, была «Бхагавадгита». В Индии я встречался с Анни Безант, рассказавшей мне о Гите и обширном наследии индийской литературы, о чем я никогда не слышал. Позднее Орейдж говорил о чудесах «Махабхараты», великого произведения, одной из многих частей которого является «Бхагавадгита». И все-же, пока я не приехал в Приере и не одолжил копию поэмы, я никогда ее не видел. Это было откровением. Я перечитывал ее снова и снова, и с тех пор она всегда была мне источником утешения и мудрости. Она также служила введе-

нием в «Махабхарате», которую я со временем прочитал от начала до конца по крайней мере дважды.

«Бхагавадгита» пришла ко мне в тот момент, когда мой разум и чувства стали, благодаря системе, развиваться. Разочарование в организованной религии и общепринятой морали привело меня к тому, что я не мог больше читать Библию. Когда, много позднее, освободившись от старых ассоциаций, я был в состоянии ее читать, учение ее вернулось ко мне со всей своей простотой, глубиной и с обновленной силой. Я стал понимать то, что было до тех пор непонятным. Изречения, которые я механически воспринимал сотни раз, стали приобретать подлинный смысл. То же было и с изречениями китайских учителей, например, Лао-Цзы, с суфийской поэзией, с гностическими учениями, с Сократом, Платоном и египтянами. В «Некоторых изречениях Будды» можно найти почти точное описание состояния «самовспоминания» как мы его понимаем. Та мера понимания, которую я был способен извлечь из древней мудрости, явилась одним из результатов системы Гурджиева

Теперь я вижу, что очень многим обязан простой вере моего отца. Будучи молодым человеком, он вышел из английской церкви и обратился в методистскую веру, основанную Джоном Уосли, - религию человека номер один, и это наполнило его жизнь своего рода внутренним счастьем. У него не было никаких сомнений в том, что уэслианская форма религии является наилучшей из всех возможных и что, следуя ей, он когда-нибудь придет к небесным чертогам. Мой отец был добрым и простым человеком.

Продавец книг Елов во «Встречах с замечательными людьми» говорит о том, что людям необходима та или иная вера, что не следует их обращать в другую веру, поскольку та сложилась у них в раннем возрасте. Разрушить в человеке веру, говорил он, большой грех. Если же человек находит что-то, дающее ему больше понимания и внутренней свободы, и добровольно это принимает, тогда - другое дело.

Гурджиев был религиозным человеком, так же, как и Орейдж, - не ортодоксально, а в своей *сущности*. Однажды за завтраком он говорил о том, как были искажены учение и образ Иисуса. В тот день его гостями были две англичанки, рассуждавшие в довольно-таки сентиментальной манере об «Иисусе и его любви». Гурджиев сказал: «Я ненавижу *вашего* Иисуса - бедного еврейского мальчика», - подчеркнув слово «вашего».

Однажды за обедом он сказал: «Важная вещь. Человек не может долго оставаться в одном субъективном состоянии. Очень много может рождаться из субъективного состояния. Вы никогда не можете познать субъективное состояние другого; субъективные состояния у двух людей никогда не совпадают, так как субъективные состояния подобны отпечаткам пальцев, различным для каждого человека. И никто не может объяснить другому свое собственное субъективное состояние. Человек в действительности не знает, почему он злится на вас. Можно сказать - «Он не злится на меня - его *состояние* злится на меня». Помните об этом и никогда не отвечайте внутренне, то есть внутренне

переживая, и не питайте мстительных и злопамятных ассоциаций. Добрая воля может оказывать воздействие на большом расстоянии — злая воля — тоже.

Он писал в саду и подошел к нам, когда некоторые из нас сидели за столами под окнами столовой. Он стал говорить о Тритамазикамно, законе Трех, трех сил, трех принципов. Единственным, что я запомнил из его беседы, была его ссылка на монахов старинной Тулузы. Позднее, при обсуждении этого, один из учеников нарисовал диаграмму символа в тулузском соборе. Его можно увидеть и в некоторых английских церквях.

Когда мы его изучали, мы увидели связь между этой диаграммой и Афанасиевым вероучением. Оно представляет собой трактат, посвященный Закону Трех, - по крайней мере в своей первой части; диаграмма же является символом,

значительно более древним, чем христианство. И вот теперь Афанасиево вероучение приобрело значение, совершенно отличное от того буквального значения, которое я слышал в детстве, — что все, кто в него не верил, в церковном смысле, были фактически обречены страдать в аду. Там было сказано:

И кто бы ни был спасен: прежде всего необходимо, чтобы он придерживался кафолической веры.

Если каковую веру каждый не будет хранить целой и незапятнанной, то несомненно погибнет на веки.

И кафолическая вера состоит в том, что мы почитаем единого Бога в Троице и Троицу в Едином.

Не смешивая лиц и не разделяя сущности.

Ибо есть одно лицо - Отца, другое - Сына, и третье - Святого Духа.

Но божественность Отца, Сына и Святого Духа едина:

Равная слава и величие единоприсно.

Каков Отец, таков и Сын и Дух Святой.

Отец несотворен, Сын несотворен и Святой Дух несотворен.

Отец непостижим, Сын непостижим и Святой Дух непостижим.

Отец предвечный, Сын предвечный и Святой Дух предвечный. И, тем не менее, они не Три Предвечных, но Один Предвечный.

И также нет Трех Непостижимых, ни Трех Несотворенных, но Один Несотворенный и Один непостижимый.

И подобно же: Отец - всемогущий, Сын - Всемогущий и Святой Дух - Всемогущий.

И, тем не менее, нет Трех Всемогущих, но Один Всемогущий.

Так, Отец есть Бог, Сын есть Бог и Святой Дух есть Бог.

И, тем не менее, нет трех богов, но Один Бог.

И, подобно же, Отец есть Господь, Сын есть Господь и Святой Дух есть Господь

Ибо так мы наставлены Христовым Учением: признавать каждое Лицо Само в себе как Бога и Господа.

И также воспрещает нам кафолическая вера говорить: есть три бога или три господа.

Отец не сделан ни от кого: ни сотворен, ни порожден.

Сын - лишь от Отца одного: ни сделан, ни сотворен, ни порожден.

Святой Дух и от Отца и от Сына: ни сделанный, ни сотворенный, ни порожденный, но исходящий.

Так что есть один Отец, но не три Отца, один Сын, но не три Сына, один Святой Дух, но не три Святых Духа?

И в этой Троице никто ни прежде, ни после другого; никто ни больше, ни меньше другого.

Но в целом Три лица вместе единоприсны и равны.

И так же во всех вещах, как выше сказано:

Следует почитать Единство в Троице и Троицу в Единстве.

Здесь на языке церкви ясно сформулирован принцип «Святого Утверждающего», «Святого Отрицающего» и «Святого Примиряющего», который изложен в «Рассказах Баал-зебуба» на языке объективной науки.

Кто бы ни был автор этого вероучения, он понимал Закон Трех, хотя и должен был интерпретировать его на религиозном языке своего времени. Даже само имя Афанасий толкуется как противо-, или на-, смерть.

Закон Трех имеет дело с борьбой, идущей между активной и пассивной силами во вселенной и в нас самих, с борьбой и примирением, в результате чего в нас может нечто кристаллизироваться, преобразоваться, над чем не властна механическая смерть. Смерть утратит свое жало, и могила не восторжествует. Опять-таки, это не только поэзия, но и нечто практическое, психологический процесс.

Один из нас сказал «Я был воспитан в Христианской религии, и меня всегда поражала разница между теми, кто говорил об учении Христа и называл себя христианами, и их

поведением». Гурджиев ответил: «Этот вопрос о Христианстве - большой вопрос. Вообще говоря, есть три рода христиан: те, кто хотят быть христианами; те, кто стремятся быть в состоянии стать христианином; и те, кто ими является. Только третьи могут жить в соответствии с учением Иисуса

Христа как своей сущностью, так и своим разумом. Про-христианином является тот, кто следует заветам Христа только своим разумом; не-христианин, язычник, не может ему следовать разумом или сущностью».

Один из дежуривших на кухне прокрался в столовую послушать беседу, вместо того чтобы выполнять свою задачу. Упрекая его, Гурджиев сказал: «Сейчас ваша задача на кухне. Если вы пренебрегаете жизненными задачами, то вы станете пренебрегать и работой здесь. Вы должны стараться все делать хорошо при любых обстоятельствах. Помощь приходит только к тем, кто помогает самому себе в правильном направлении. Стремясь все делать хорошо, мы поможем работе, учителю и группе». Я не мог уследить за тем, что говорилось дальше, но я услышал: «Вспомните: что я писал в «Баалзебубе»: «Брат, так уж брат. Когда бы я ни делал что-нибудь, я сделаю много».

Я возвратился в Нью-Йорк в ноябре и работал с группами на протяжении зимы и ранней весны. Следующим летом, в 1926 году, я вновь был в Приере. В гостиной установили органолу, и Гартманн каждый день играл музыку Гурджиева. Органное исполнение способствовало ее пониманию по-новому: Гурджиев сочинил этим летом и осенью много новых пьес в аранжировке Гартманна и среди них музыку на пасху и рождество: «Святое Утверждающее», «Святое Отрицающее», «Святое Примиряющее» и «Гимны Истинно Великого Храма». Почти всегда музыка исполнялась в послеобеденные часы и по вечерам. Все, кто мог оставить свою работу, приходили в гостиную и садились послушать. В конце недели, когда слушателей собиралось больше, Гартманн

играл много пьес. Некоторые из них были настолько волнующими, что трудно было сдержаться, и у нас по щекам невольно струились слезы; нужно было всеми силами вспоминать себя, чтобы заставить себя сидеть на месте. Гартманн говорил, что он сам находил некоторые пьесы нестерпимо трудными для исполнения. Одна из пьес состояла из последовательности медленных и торжественных аккордов неземной гармонии, а в верхних голосах как бы слышалось ликующее пение серафимов. Я никогда не слышал ничего подобного этим гимнам Гурджиева, кроме, разве что, некоторых примеров старинной церковной музыки, какие можно услышать в Соборе Парижской Богоматери, -и музыки Баха, которая иногда затрагивает высший эмоциональный центр.

Слушая эту музыку, можно было наблюдать в себе три различных одновременно протекающих процесса: один в ментальном центре, другой - в эмоциональном и третий - в инстинктивном центре.

Вспоминалась м-м Витвицкая, о которой говорит князь Любоведский в книге Гурджиева «Встречи с замечательными людьми». Она путешествовала с группой Гурджиева по Центральной Азии. Они устроили привал возле одного монастыря и услышали звуки доносившейся оттуда музыки, которая вызвала у них большой интерес и глубоко их взволновала. На следующий день, отправляясь в путь, они спросили ее, почему у нее перевязан палец руки. «Это все та проклятая музыка», — сказала она. Воздействие музыки на нее было таким сильным, что она была не в состоянии уснуть. Она изгрызла себе палец, недоумевая по поводу воздействия на нее этой музыки.

Как-то раз в гостиной, после завтрака в английской столовой, читали главу о чистилище из «Рассказов Баалзебу-ба». В ответ на чье-то замечание Гурджиев стал говорить о «глупых ангелах» и сказал, что если человек будет работать над собой и очистит себя от нежелательных элементов, он станет лучше, чем ангел, существом с большим пониманием и опытом. Один из нас, возможно, выпил лишний стакан арманьяка, задал вопрос и стал умоывать по этому поводу. Гурджиев, обращаясь к нему, упрекнул его за отсутствие старания понять; что, по ассоциации, привело; мне на ум отрывок из «Веры Софии». Апостол Андрей говорит Иисусу: «Не гневайся на меня, но будь терпелив и открой мне тайну; она трудна для меня, и я не понимаю». Иисус сказал: «Так спрашивай, и я объясню подробно». - «Удивительно мне, -сказал Андрей, — как; люди в миру и в этом материальном теле, если они выйдут из мира, пройдут через тверди и правителей, владык, богов великих, невидимых и вступят в Царство Света». Иисус сказал сердито: «Доколе я буду препираться с тобой? Разве ты так невежественен, что все еще не понимаешь? Разве тебе не ведомо, что и ты, и ангелы и архангелы, боги и владыки, и правители, и великие, исходящие из света, во всей своей славе, - все сделаны из одной и той же глины, вещества и субстанции — все из той же смеси... но великие создания, очищая себя, не страдали и не подвергались бедствиям... Но вы, вы плевели из всех них, и вы страждете и подвержены невзгодам при воплощении в различные тела мира. И вот ты, Андрей, и все вы, когда своими страданиями вы очиститесь, вознесетесь к Царству Света, и если достигнете области великого Владыки Света, то будете почитаемы среди них, ибо вы отбросы от их материи и, очистившись, превзойдете их».

Это также поможет объяснить тот факт, что Гурджиев постоянно говорил нам, что мы представляем собой дерьмо из дерьма.

Атгар в «Парламенте Птиц» говорит: «Когда душа соединилась с телом, она была частью всего; никогда еще не было такого чудесного талисмана. Душа имеет долю в том, что есть высшего, а тело имеет долю в том, что есть низшего; оно было вылеплено из смеси косной глины и чистого духа. Посредством этого смешения человек стал поразительнейшей из тайн».

Суфийский поэт Джалали говорит: «Если ты достаточно хорош для человека, ты слишком хорош для ангела. Адамов род из бледного праха суть гробницы, которым поклоняются ангелы».

Данте, перед тем как взойти на гору чистилища, узнает, что его лицо должно очиститься от слез, которые он пролил в Аду, и Виргилий оmyвает ему лицо росой. Первым делом кающегося грешника, входящего в чистилище, является бодрость; увидев свой грех и признав его, он должен удалить его из мыслей и не предаваться жалости к себе и самообвинениям, которые суть формы эгоизма (преувеличенного мнения о значении своей личности).

Один ученик, говоря о том, как трудно вызвать у людей интерес к идеям Гурджиева, сослался на «Харона» Лукиана. Харон говорит: «И хотя их жизни недолговечней, чем листья, Гермес, ты видишь, как они борются друг с другом за власть, почести и богатства несмотря на то, что должны оставить все это позади и могут взять с собой на нашу ладью только один обол в уплату за перевоз. Теперь, когда мы пребываем на этих высотах, не сочтешь ли ты добрым делом с моей стороны, если я прокричу им громкое предупреждение и скажу им, чтобы они прервали свои бесполезные труды и стремились бы всегда помнить о предстоящей смерти? Я крикнул бы: «О вы, глупые люди, почему стремитесь вы к этим суетным вещам? Прекратите эти тяготы и мучения. Разве вы собираетесь жить вечно? Эти почести и богатства переходящи, и вы не можете захватить их с собой. Вы уйдете нагими, оставив свои дома и земли другим!» Не думаешь ли ты, что если бы я прокричал это им, то это помогло бы им жить более мудро?»

Гермес: «Разве ты не видишь, к чему привел их ненормальный образ жизни? Даже с помощью бурава ты не смог бы распечатать им умы. Они заткнули себе уши тем воском, который применили Улисс и его товарищи против песен, сирен, и не слышат тебя, хотя ты разорвись от крика. То что у вас в подземном мире делает река Лета, то на Земле делает невежество. Там найдется мало таких, кто не затыкает себе уши, тем самым лишая себя способности понимать истинную сущность вещей».

В одной персидской пословице говорится: «Мудрец понимает глупца, ибо сам когда-то был глупцом, но глупец не поймет мудреца, потому что никогда не был мудрым».

Есть и другая персидская пословица: «Вставай! Вставай! Жить осталось недолго, дорога впереди длинная, а ты погружен в иллюзии».

Гурджиев часто говорил о необходимости исправлять прошлое — не пребывать в нем и предаваться бесплодным самообвинениям, но чувствовать угрызения совести. «Угрызения совести» в среднеанглийском языке передается словами: «Повторные укусы внутреннего знания, понимания». Сравните с соответствующим глаголом французским - кусать вновь — в противоположность самоуспокоению.

Он сказал одному ученику: «прошлые радости бесполезны человеку в настоящем; они подобны прошлогоднему снегу, не оставляющему следа, по которому его можно вспомнить. Реальны только отпечатки, оставленные сознательным трудом и произвольным (добровольным) страданием, и они могут принести пользу в будущем»

По другому поводу он сказал: «Что посеешь, то и пожнешь. Будущее определяется действиями в настоящем. Настоящее, хорошо оно или плохо, есть результат прошлого. Долг человека в том, чтобы в каждый момент настоящего готовиться к будущему и исправлять допущенные ошибки. Это закон судьбы. Благословен... источник всех законов!»

В ответ на чью-то жалобу, что все происходит нелогичным образом, он сказал: «Всякое удовлетворение сопровождается неудовлетворенностью».

Говоря о необходимости помогать друг другу, он сказал: «Мы обыкновенно знаем лучше других, чем те знают себя, следовательно, взаимопомощь необходима и полезна. Но часто самолюбие и гордость не дают нам воспользоваться тем,

что нам говорят о наших недостатках и слабостях, так как мы зачастую отрицаем их или стараемся оправдаться.

Во всех своих действиях мы должны стремиться достигнуть того, что полезно другим и приятно вам самим».

Он часто говорил о «несчастье, которое порой становится счастьем». По этому поводу у Лао-цзы есть такой рассказ: «Один старик жил вместе со СБОИМ сыном в старой заброшенной крепости на холме. Как-то раз лошадь, доставлявшая ему пропитание, заблудилась и не вернулась. К нему пришли соседи и стали утешать его по поводу его неудачи. «Откуда вы знаете, что это неудача?» - спросил он. Несколько дней спустя появилась его лошадь и привела с собой несколько диких лошадей, которых старик с сыном приручили. На этот раз соседи поздравили его с удачей. «Откуда вы знаете, что это удача?» - спросил старик. Случилось так, что, объезжая одну из лошадей, его сын был сброшен на землю и навсегда остался хромым. Его соседи выразили ему сочувствие, вновь говоря об его несчастье. «Откуда вы знаете, что это несчастье?» - спросил он. Прошло некоторое время, и разразилась война; его сына из-за хромоты не могли забрать в солдаты».

Мы говорили между собой об электричестве и магнетизме, или животном магнетизме, и о том, как у некоторых людей бывает больше животного магнетизма, чем у других. Когда один из нас задал по

поводу этого вопрос Гурджиеву, тот ответил: «В человеке есть две субстанции: субстанция активных элементов физического тела и субстанция, состоящая из активных элементов астральной материи. Смешиваясь, эти субстанции образуют третью субстанцию. Эта третья субстанция есть смешанная субстанция; она -собирается в определенных частях человека и образует вокруг него атмосферу, подобно тому, как образуется атмосфера вокруг планеты. Атмосферы вокруг планет непрерывно получают и теряют вещество из-за действия других окружающих планет. Человека окружают другие люди так же, как и планеты окружаются другими планетами. Когда, в известных пределах,

встречаются две атмосферы - и эти атмосферы взаимно симпатические, - между ними происходит контакт, и получаются закономерные результаты — нечто перетекает; количество атмосферы остается тем же, но ее качество меняется. Человек, который работал над собой и обладает пониманием, : может управлять своей атмосферой. Она, подобно электричеству, имеет положительную и отрицательную части, и одну часть можно заставить течь как электрический ток. Во всем есть положительное и отрицательное электричество. В человеке всегда желания и-нежелания- положительны и отрицательны, соответственно. Астральной материи всегда противостоит физическое вещество или материя.'

В древние времена священники - настоящие священники - понимали значение магнетизма и умели излечивать болезни благословением через возложение рук. Некоторые священники возлагали руки на больного, другие могли лечить на коротком расстоянии, другие — на больших расстояниях. Священник был человеком, обладавшим третьей, смешанной субстанцией, и мог использовать ее для лечения других людей.

Священник был магнетизером. Иисус Христос был магнетизером. Больные люди - это люди, у которых недостает этой смешанной субстанции, магнетизма или «жизни». Эту смешанную субстанцию можно увидеть, если она сгущена. Аура, сияние или нимб — реальны. Их до сих пор можно видеть у определенных святых мест и церквей, а иногда вокруг определенных людей. Месмер вновь открыл применение этой субстанции».

Кто-то спросил: «Как мы можем использовать эту субстанцию?»

Гурджиев: «Чтобы уметь ее использовать, вы сперва должны ее иметь в себе. Приобретается она так же, как приобретается внимание — сознательным трудом и произвольным страданием, т.е. делая малые дела произвольно, сознательно. Начните с чего-либо малого, чего вам хочется и

чего сейчас вы не умеете делать. Прилагая это усилие и *делание*, вы приобретете магнетизм».

Гурджиев говорил о том, что нужно учиться играть роли, причем начиная с чего-то весьма малого и простого. Сам он их мастерски исполнял. Перед официальными лицами он, например, мог сыграть роль простого человека, почти -пол ностью лишённого интеллекта; и тем самым их обезоруживал. Однажды в Приере заехали по дороге на конференцию в Женеве два английских психолога, — предположительно для ознакомления с взглядами Гурджиева на различные научные школы. Они были знакомы с Успенским. Гурджиев" устроил в их честь великолепный завтрак, но всякий раз, когда они задавали ему вопрос, он превращал - его в шутку. После завтрака он взял их с собой на прогулку по окрестностям и обратно к зданию студии, отпуская по дороге шутки и ведя себя как комик. Я стоял у дверей; и он спросил меня: «Какой сегодня день?» Я ответил: «Вторник». Он с улыбкой обернулся к ним: «Вот забавно! Он говорит - вторник, а я все время думаю, что сегодня — среда». И он провел их в студию. Оба психолога пришли в замешательство. Когда они уехали, его поведение изменилось. «Теперь, - сказал он, — они оставят меня в покое и не помешают мне в достижении моих целей». Другим качеством Гурджиева была его способность, с одной стороны, делаться почти невидимым и, с другой стороны, выступать подобно одному из риши в блистании излучаемой им энергии. Когда посетители бывали у нас в парке, они порой проходили мимо Гурджиева, едва удостоив его взглядом, как случилось с одним американцем, который говорил мне, каким необычайным человеком должен быть м-р Гурджиев и что он хотел бы с ним встретиться. Как раз в этот момент Гурджиев прошел рядом и вошел в дом. «Это -м-р Гурджиев», — сказал я. «Да ну, - ответил он, - вот так штука! Я разговаривая с ним в парке и подумал, что это садовник».

В обыденной жизни люди играют роли бессознательно. Гурджиев играл их сознательно, и те, кто с ним тесно работали, обычно знали, когда он играет роль.

В «Письме к дервишу» он писал: «Признаком совершенного человека и его особенностью в обыденной жизни должно являться то, что по отношению ко всему, происходящему вне его, он в состоянии подобающим образом в совершенстве внешне исполнять роль, соответствующую данной ситуации, но в то же время не смешивать и не отождествлять себя с ней. В молодости, как вы более- или менее знаете, я, будучи убежден в справедливости этого, очень много работал над собой в целях снискания такого благословения, какое, как я думал, предопределено небом; и после громадных усилий и непрерывного отвергания практически всего, что ценится в обыденной жизни, я наконец достиг состояния, когда нечто извне действительно не могло затронуть меня внутренне; и в том, что касалось актерской игры, я

довел себя до такого совершенства, о котором никогда не мечтали ученые Древнего Вавилона применительно к актерам на сцене».

Гурджиев никогда не пропускал ничего из того, что мы делали или говорили в моменты забытья. Если он присутствовал, когда это происходило, то тут же реагировал; а если ему рассказывали о таком инциденте, то он обычно поджидал благоприятного момента, чтобы поставить вас в унижительное положение в присутствии других. Я высказал кому-то глупое и дерзкое замечание по поводу Гурджиева. Три дня спустя я находился в здании студии, где сидел на роскошных коврах с ним самим, Сьервалом, Гартманном и некоторыми другими. Мы пили кофе. Он сказал мне: «Повторите то, что вы на днях сказали. такому-то и такому-то ». Я тут же осознал свою глупость в момент забытья. Во мне возникло сильнейшее противодействие тому, чтобы признаться в своем безответственном поступке. Он опять, улыбаясь, спросил меня. Но я хранил молчание и страдал. Тогда он сказал: «Если вы это сделаете, то Фома (Гартманн) сыграет вам любую пьесу,

какую вы пожелаете. После некоторой борьбы с собой и, охваченный унижением, повторил свои слова. Гурджиев улыбнулся и сказал: «Что вы хотите?» Я сказал: «Отрывок из гимна эссонов». Он кивнул Гартманну, тот подошел к пианино и сыграл отрывок. Этот инцидент нанес мне такой удар в солнечное сплетение, что я навсегда его запомнил.

Однажды, когда я весь извелся, пытаюсь распутать ситуацию, включавшую меня, Гурджиева и еще трех учениц, я спросил его: «Почему вы позволяете им оставаться здесь, когда они говорят о вас такие вещи, когда они вам противятся всеми способами?»

Он сказал: «Вы не понимаете; они не говорят того, что действительно чувствуют. Мужчины - логичны, женщины - нелогичны. Вы ошибаетесь, потому что ожидаете от женщины, что она будет реагировать подобно мужчине. Мужчины - это мужчины. Женщины - это женщины. И еще одно: иногда необходимо иметь вокруг себя людей, которые вам не нравятся. Если люди всегда приятны, они вам нравятся - никакого побуждения к работе. Эти женщины дают вам очень благоприятную возможность для работы, и я тоже должен делать усилие!»

Как и обычно, Гурджиев был прав. Недопонимание было с моей стороны. Его терпение и его работа сделали из них очень полезных учениц.

В «Пути паломника» Христианин и Верный встречают Болтливую, который начинает с ними обсуждать религиозные таинства. В конце концов Верный говорит Болтливому: «Если человек обладает всем знанием, он, все-таки, может ничем не быть и, таким образом, не быть чадом божьим. Когда Христос сказал ученикам: «Вы знаете все эти вещи?» и они ответили: «Да», он добавил: «Блаженны вы, если вы их делаете». Ибо есть знание, не достигнутое делом. Человек может знать как ангел и, все-таки, не быть христианином... Есть знание, покоящееся на чисто словесной спекуляции, и есть знание, сопровождаемое милостью веры и любви и

которое подвигает человека на исполнение воли божьей, исходящей из глубины его души. «Дай мне, понимание, и я буду подчиняться твоему закону, и, более того, я буду соблюдать его от всей души». (Псалом 119, стих 34)».

Болтливый в гневе покидает их и возвращается назад. Этим летом Гурджиев делал заметки по главам, посвященным Ашиате Шиешашу, и однажды вечером он заговорил с нами, обращаясь преимущественно к Орейджу, о сознательной вере, надежде и любви, в особенности о последней. Потом Гурджиев рано ушел к себе в комнату, как он-часто делал, отдыхать, приглашая иногда людей для беседы. -В этот раз он предложил зайти Орейджу. На следующий день Орейдж сказал мне: «Прочитайте это. Вчера вечером я долгое время беседовал с Гурджиевым, после чего вернулся в свою комнату и записывал до четырех часов утра. Вот результат». Это был черновик статьи «О любви» - о трех видах любви, воздействующей на отношения между мужчиной и женщиной. Это было самым интересным из всего, что мне когда-либо доводилось читать по этому всеобъемлющему предмету, и я перечитывал ее вновь и вновь. Позднее она была опубликована в «Атлан-тик Мынсли». Когда Орейдж возвратился в Англию, он хотел ее там опубликовать, но, поскольку не нашлось подходящего издателя, я оплатил ее издание в Лондоне в виде отдельной книжки. С тех пор она выдержала несколько изданий. Это - жемчужина; впрочем, почти для многих - почти недостижимый идеал.. Эта короткая статья, помимо того, что написано в «Рассказах Баалзубу» и относится к другой категории, является единственным современным опубликованным изложением возможности достижения состояния *сознательной* любви между мужчинами и женщинами. Даже те, кто счастлив в браке, могут из нее кое-чему научиться.

В ответ на вопрос о втором виде пищи, воздухе, Гурджиев сказал: «В воздухе имеются две части - выделяющая и поглощающая. Только поглощающая часть оживляет «я». В настоящем эта поглощающая часть служит только общим

космическим целям. Только когда вы создадите в себе сознательное желание, вы сможете усвоить эту благотворную для вас часть воздуха, которая приходит из первичного источника.

Чтобы быть в состоянии усваивать поглощающую часть воздуха, вам следует стараться осознать свое собственное значение и значение окружающих вас людей. Вы смертны и когда-нибудь умрете. Тот, на кого направлено ваше внимание, является вашим ближним, он тоже умрет. Оба вы - ничтожества? В настоящем большая-часть вашего страдания, есть «страдание вотще», оно приходит от чувства гнева, ревности и негодования на других». Если вы всегда будете подходить к фактам в плане осознания неизбежности смерти других и своей собственной смерти; то у вас появится чувство жалости к другим, и вы будете к ним справедливы, так как их проявления, не нравящиеся вам, вызываются только тем, что вы или кто-то другой наступили им на мозоли, или же тем, что ваши мозоли болезненно чувствительны. В настоящем вы не можете этого видеть. Попробуйте поставить себя на место других - они имеют такое же значение, как и вы; они страдают так же, как и вы; и, подобно вам, они умрут. Только если вы всегда будете стараться ощутить указанное значение, пока у вас это не войдет в привычку, когда бы ваше внимание не остановилось на другом человеке, только в таком случае вы сможете усваивать благотворную часть воздуха и обладать истинным «я». У каждого человека есть желания и стремления, которые ему дороги и с которыми он расстанется при смерти.

Из осознания значения вашего ближнего, когда на него направлено ваше внимание, и того, что он умрет, у вас возникнут к нему жалость и сострадание, и вы, в конце концов, его полюбите; если вы будете делать постоянно, то настоящая, сознательная вера также возникнет в какой-то части вас и распространится на другие части, и у вас появится возможность познания истинного счастья, поскольку из этой

веры возникнет объективная надежда - надежда на основе возобновления ».

Гурджиев, как обычно, работал каждый день над «Рассказами Баалзевуба», переписывая и пересматривая свои заметки, работая, как обычно, в различных кафе и в Приере - иногда в доме, иногда в саду; иногда в окружении людей, иногда в одиночестве. Когда главы читались после обеда в столовой, он следил за выражением наших лиц. Он начал набрасывать главу об Америке, и, если к нам заезжал американский посетитель, он устраивал читку частей из данной главы и всегда в определенных местах начинал смеяться. Мы также присоединялись к смеху, хотя большинство из нас не могли в точности определить, над чем он смеялся. Я подозреваю, что над нами.

Однажды в библиотеке без книг он сказал: «Орейдж, почему англичане и, особенно, американцы говорят: «Все в порядке» (Олл райт), даже когда далеко не все в порядке?» Орейдж ответил: «Да, когда все идет вкривь и вкось, мы говорим: «Олл райт» - все правильно, что мы делаем».

Зальцманн посчитал это весьма забавным и принялся вышучивать выражение «Олл райт». А Гурджиев сказал: «Я использую это в своей главе об Америке. Когда «все не в порядке», тогда — «все в порядке!»

Когда читалась глава, он часто просил чтеца сделать паузу, и тогда чтец обычно ставил в этом месте запятую. Отсюда - порою странная пунктуация в английском переводе.

Он часто, спрашивал относительно какого-либо отрывка или главы: «Что вы *чувствуете* при чтении этого?» Ударение делалось на слове «чувствуете», и вопрос никогда не звучал: «Что вы думаете об этом?»

Часто возникали споры об употреблении правильного слова. Выслушав доводы англоязычных слушателей, Гурджиев порой, быстро проведя рукой по усам, делал затем жест, который должен был означать: «Даже для меня англий-

ский язык отрицает все правила логического выражения», (абзац переведен сокращенно).

Странные имена в Баалзевубе являются комбинациями слов или корней или частей слов из разных языков; это символы, побуждающие читателя к обдумыванию и размышлению.

Между объективными идеями и нуждами повседневной жизни, поддерживалось постоянное равновесие. Возьмем, например, потребность в деньгах; требовалось много денег для продолжения работы. Некоторым было трудно понять, что деньги, с точки зрения Гурджиева, предназначались для работы. Люди многое раскрывали в себе по их отношению к деньгам и по тому, как они их отдавали. В отношении Гурджиева судить было трудно, поскольку с деньгами, как и с другими вещами, он никогда не поступал так, как другие. Когда люди прилагали усилия, чтобы достать для него денег, то порой с удивлением обнаруживали, что он мог их потратить на устройство большой вечеринки или поездки; хотя он никогда, за исключением редких случаев покупки одежды, не тратил их на себя.

Его распоряжение деньгами, как я говорил, часто определялось отношением дающего. Одна ученица из Нью-Йорка, довольно скупая, но состоятельная женщина, дала ему чек примерно на пятьдесят долларов, но выписанный на франки, чтобы сумма казалась большой. Вечером того же дня после ужина он сидел в гостиной рядом с миссис Х. и попросил привести туда всех детей. Начиная с самых младших, он распределил между ними франки, в сумме составившие в точности пятьсот. Другим ученикам, которые давали ему деньги, Гурджиев возвращал их со словами: «Держите их при себе. Сейчас они вам нужны. Может быть, позже у вас будут деньги, чтобы давать». Он всегда помогал людям, которые действительно нуждались в деньгах.

«Вы наивны по отношению к деньгам, — сказал он мне, — да и большинство людей тоже. Но вы также и нищий, не

только в деньгах, но и во всем. Пока вы остаетесь наивным, всякий обведет вас вокруг пальца. Если человек кажется вам «славным», вы будете давать деньги под влиянием чувства, а потом пожалеете об этом. То же самое и с вашим бизнесом; Если вы по слабости уступчивы с людьми, то они не станут вас уважать, а проведут вас — в денежном бизнесе и в других вещах. Вы должны научиться быть, как это говорится (по-английски) - хитрым? - но для хорошей цели и правильным образом».

Он постоянно напоминал нам, что мы все должны делать хорошо, что мы должны всегда быть готовыми приспособиться к меняющимся обстоятельствам, быть находчивыми и уметь всегда обернуть препятствие или помеху себе на пользу - рассматривать жизнь как гимнастический зал, где можно использовать усилия для развития воли, сознания и индивидуальности, - учиться быть не ординарными, а экстраординарными.

«Экстраординарный человек, - сказал он, — справедлив и снисходителен к слабостям других; он зависит от ресурсов своего собственного ума, которые он приобрел своими собственными усилиями».

Как я говорил, когда он со мной разговаривал, я чувствовал себя способным делать. Но всегда нужно было бороться с инертностью организма, с его желанием не напрягаться, а говорить, вместо того чтобы делать, с тенденцией быть захваченным потоком внешней жизни и плыть по течению. Это ведь так легко. В жизни, как только прекращается усилие, начинается движение вниз. Это известно с давних пор.

Когда Эней зывал к богам перед тем, как опуститься в подземный мир, прорицательница ответила ему: «Отпрыск божественной крови, троянец, анзиков сын, спуск к Аверну не труден. Каждую ночь и каждый день двери мрачного Плутона распахнуты настезь. Но возвратиться по пройден-

ному пути и подняться наверх - вот в чем задача, вот в чем работа».

Для этого необходима Золотая Ветвь, Метод.

Поздней осенью.1926 года я вновь был в Нью-Йорке. В декабре мне сделали предложение относительно моего книжного дела; через несколько недель оно было продано и перешло, в другие руки. Я с некоторым удивлением вспоминал, что менее-чем четыре года назад я опасался, что, заинтересовавшись идеями Гурджиева, я не смогу выполнить проект, казавшийся мне столь желанным; а теперь я отказал-' ся от него не только без сожаления, но даже с облегчением. Я видел теперь, что с самого детства я настолько идентифицировал себя с книгами, что почти боготворил их. Я был библиолатристом, библиоманом, библиофилом, библиопо-листом и даже библиофаистом. Теперь мной овладело чувство благодарности за то, что меня излечили от книжной болезни. Мне приходили на ум слова, сказанные мне Гурджи-евым прошлым летом в поезде из Парижа в Фонтенбло.' Мы с другим человеком оживленно разговаривали о первых изданиях и редких книгах. Гурджиев послушал, а потом сказал мне: «Говорю вам, придет время, когда в Англии не продадут ни одной книги. Если вы все еще Желаете торговать книгами, то вам лучше продавать порнографические книги, чем то, что вы сейчас-продаете».

Один наивный молодой человек, ехавший с нами, воспринял это совершенно буквально и позднее распространял слух, что Гурджиев сказал, что недалеко, то время, когда в* Англии не будут продаваться книги, и посоветовал одному из учеников продавать порнографические книги ради наживы. Разумеется, сказанное Гурджиевым предназначалось мне одному. Это было одним из характерных для него, намеренно утрированных оборотов речи, имевших целью встряхнуть меня, чтобы я осознал свою идентификацию с книгами как вещами в себе. Впрочем, я начал обнаруживать в ходе

занятий своим бизнесом и моих контактов в лондонском клубе Первых Изданий наличие взаимосвязи между идентификации с книгами - коллекционированием книг, собиранием книг, кражей книг - и половыми извращениями. Идентификация с книгами, даже кража книг, есть лишь одно из многих проявлений отклонения половой энергии от ее истинного назначения, то есть нормальных отношений между полами и ее использования для внутреннего развития. Тем не менее, мужчина может продолжать иметь обычные половые отношения с женщинами и в то же время быть слишком пассивным, особенно если в нем сильна женская, творческая часть. Как я уже говорил, Гурджиев и его ученики развивали мужественность в мужчинах и женственность в женщинах. Его методы лечения психических расстройств были неортодоксальными и подчас крутыми, но результаты получались замечательные; те, у кого были гомосексуальные наклонности, становились мужественными, а лесбиянки становились, как он выражался, женщинами - матерями.

На выручку от продажи книжного дела я купил коровник и несколько акров земли в штате Коннектикут и построил там дом, — более подходящее для меня занятие, чем книготорговля. Вскоре после этого я женился. Моя жена была в Приере в первые два года существования института, так что мы уехали за границу и провели там большую часть лета. Я думаю, Гурджиев был удивлен и явно обрадован, увидев нас. Он стал говорить окружающим, что мы сотворили чудо, осуществили

квадратуру круга; как он выражался, круглый идиот женился на квадратном идиоте. За его шуткой крылся глубокий смысл и богатый материал для размышлений.

Этим летом было очень интересно. Приехали Орейдж и некоторые члены нью-йоркской группы, и Гурджиев уделял все свое свободное от написания книги время работе над нами, как индивидуальной, так и коллективной. В этих немногих месяцах уместились годы деятельности и впечатлений. Я мало запомнил из сказанных им слов, но я помню то сильное впечатление, которое он производил, — то, как он манипулировал нами, заставлял нас врасплох, его реплики в сторону во время трапез. Его метод произвел со временем перемены во всех нас, включая Орейджа. Мы каждый день встречались, обсуждая, что Гурджиев сказал и что он имел в виду. Результаты проявились для меня сами на следующий год, о чем я расскажу в надлежащем месте.

„ Каждую субботу соблюдался ритуал турецкой бани и обеда и ужины в английской столовой. В гостиной читали пересмотренные главы «Баалзебуба» и каждый день там звучала музыка.- Вместо дождливого прошлогоднего лета неделями стояла жаркая солнечная погода.

В Приере было несколько пар молодоженов. Однажды, когда мы ожидали в гостиной кофе, одна из недавно вышедших замуж молодых женщин сделала знак своему супругу и недвусмысленно указала на свободное место рядом с собой, и тот, будучи идеальным американским мужем, послушно встал и сел рядом с ней. Гурджиев косо посмотрел не на нее, а на него и после паузы заговорил о том, что мужчина не должен быть рабом женщины; он также говорил о невысоком положении женщин в Америке по сравнению с более старыми странами из-за того, что мужчины перестали брать на себя ответственность. Он добавил: «Если вы - первый, то ваша жена — вторая. Но если ваша жена — первая, то вы должны быть нулем, чтобы ваш очаг был в целостности и сохранности». Затем он попросил принести ему какие-то бумаги и велел одному из нас прочитать вслух оттуда следующее: «Греческий мудрец Сократ был последователем этого метода (метода, которому учил Гурджиев) и в целях получения потрясений, вызывающих интенсивное проявление в нем внутренней борьбы; он даже подыскал себе соответствующую жену, и, женившись на ней, он заставлял себя переносить внешне терпеливо и до конца своей жизни постоянную брань и придирки от своей Ксантиппы». у

Кто-то сказал, что Гурджиев часто старался вызвать дурные чувства между мужьями и женами. Это было не так. Он старался заставить их понять, какими должны быть настоящие отношения между мужем и женой. Я не знаю ни одного примера супружеской пары, которая была бы .разве дена при посредстве Гурджиева, но зато я знаю многих, кто сблизился при его посредстве. Его способы воздействия на людей всегда были требовательными и ставили в тупик из-за своей необычности, но когда речь шла о понимании человека психики, Гурджиев всегда был прав. Когда непосредственные обстоятельства, казалось, указывали, что он не прав, дальнейшее развитие событий подтверждало его правоту.

Этим летом в широких масштабах была организована физическая работа. По просеке, ведущей сквозь парк от каменоломни у южных ворот, была проложена узкоколейка. Мы тоннами перевозили крупные камни и сбрасывали их вдоль рельсов, где потом дробили их на булыжник для будущей дороги. Однажды во время работы меня охватило сильное чувство, побуждавшее меня немедленно вернуться в Лондон. Оно было таким настоятельным, что я не пытался ему сопротивляться, а пошел в дом и объяснил, что должен съездить в Лондон по неотложному делу. Я сразу уехал и прибыл в Лондон ночью в тот же день. Было слишком поздно навещать моего дорогого друга Уолтера Фуллера, что я обычно делал, когда приезжал в Лондон, так что я отправился в Харпенден'переночевать у своих родителей. Когда я наутро открыл «Тайме», то увидел там помещенную заметку о безвременной кончине Фуллера и посвященный ему пространный некролог, ибо он был хорошо известен в литературных и журналистских кругах и являлся в то время редактором «Рэйдис Тайме». Несколько дней я не мог прийти в себя от горя. Когда я возвратился после похорон в Фонтенбло, Гурджиев был очень добр ко мне. Он брал меня всюду с собой и однажды заговорил о том, как важно не давать воли своему горю. Поступать так нехорошо по отношению к себе и, возможно, нехорошо по отношению к тому, кого уже нет. Нельзя устранить чувство настоящего горя, которое очень ^отличается от того псевдо-горя, которому люди зачастую потворствуют. Но нужно'стараться не. отождествлять" себя со страданием, а использовать его; поступая так, можно помочь себе и другим.

Гурджиев чисто просил меня посидеть с ним в кафе, пока он писал книгу о «Баалзебубе». В то время :я дтался. воссоздать-историю своих'странствий по свету. Однажды я вынул бумагу и карандаш и'принялся писать. Он остановился, посмотрел на меня и'сказал: «А, вы тоже пишете!» - и спросил, что я пишу." Я:'сказал -.ему. Он положил свой карандаш, провел по усам и сказал: «Если вы сейчас станете писать, люди скажут, что вы больной человек. Вам лучше подождать, возможно, потом вы сможете написать». Я отложил бумагу в сторону. Но писательский зуд был силен, и я постепенно закончил рукопись: Она никуда не годилась и, соответственно, была отвергнута издателем. Прошли годы, прежде чем от меня что-то приняли в печать.

Гурджиев часто устраивал сцены, чтобы дать нам встряску. Как-то раз Орейдж сказал Гурджиеву, что пробудет в Приере два месяца, поскольку по своим личным причинам он обещал некоторым людям в Нью-Йорке возвратиться к концу этого периода. Когда приблизилось время отъезда, Гурджиев попытался уговорить его остаться, так как нуждался в его помощи, чтобы просмотреть английскую версию главы об Америке, над которой тогда работал. Ему также нравилось иметь рядом с собой Орейджа, так как мало кто знал, как шутить и веселиться с ним, не переходя границы между учителем и учеником. У Орейджа был более подвижный ум, чем у Гурджиева, и находиться вместе с ними обоими было лучше, чем присутствовать на театральной постановке. Орейдж — всегда действовал стимулирующим образом, и, поскольку Гурджиев обычно видел его только на протяжении двух

месяцев в году, он использовал каждую представившуюся минуту, чтобы иметь его рядом с собой и учить его, - даже когда они шутили. Кажется, что Гурджиев думал или делал вид, что думал, что ему удалось уговорить Орейджа остаться. В воскресенье, накануне отъезда Орейджа, Гурджиев организовал большую группу для поездки в Париж. После завтрака во дворе выстроились семь автомобилей и все ждали сигнала к отправке. Когда Гурджиев выходил из своей комнаты, одна женщина сказала ему, что Орейдж отплывает на пароходе на следующий день. Он спустился во двор и стал кричать на Орейджа за то, что тот оставлял свою работу в Приере и возвращался к этим ничтожествам в Нью-Йорке. Воздух был заряжен электричеством. Орейдж ничего не сказал, а затем, с побелевшим лицом, вытащил из машины Гурджиева свой чемодан и ушел к себе в комнату. Через несколько минут Гурджиев последовал за ним, и немного позже они вышли оба, спокойные и сдержанные, и сели в машину. Вереница автомобилей тронулась с места и после остановки у кафе прибыла в Париж и направилась к любимому ресторану Гурджиева «Экревис» или, как мы его называли, «Мадам Лангуста», на ужин. Нас было двадцать человек. Мы все остановились в маленькой гостинице рядом с квартирой Гурджиева и беседовали в комнате Орейджа до самого утра. Он сказал, что раз он дал свое сущностное обещание вернуться в Нью-Йорк, то был обязан сдержать его. Личностное обещание можно отменить в случае необходимости, сущностное - никогда.

Однажды я встретил в Париже своего нью-йоркского знакомого, который завел разговор о возможностях издания современной литературы. Когда я проявил некоторый интерес, он предложил представить меня своему приятелю, который подумывал об издательском деле, а мы договорились встретиться на следующий день в кафе «Селект» на Монпар-насе. Пришел его приятель; это был Алистер Кроули. Заказали напитки, за которые я, разумеется, заплатил, и мы

приступили к беседе. У Кроули был магнетизм и тот вид обаяния, которым обладают многие шарлатаны; в нем была также некоторая внушительность, производившая определенное впечатление. Его манеры были по-отечески благожелательными, и несколькими годами ранее я мог бы подпасть под его влияние. Теперь же я видел и ощущал, что не имею с ним ничего общего. Он поговорил в общих чертах об издании книг, - а затем перешел на свой жаргон черной магии. «Чтобы добиться в чем-нибудь успеха, - сказал он, - у вас должно быть определенное сочетание. Здесь у вас должен быть Мастер, здесь - Медведь, здесь - Дракон, - треугольник, который принесет плоды...» и т.п. и т.д. Когда он замолчал, я сказал: «... Да, но нужно иметь деньги. Прав ли я, предполагая, что у вас есть необходимый капитал?» «У меня? - спросил он. - Нет, ни франка». «И у меня тоже нет», - сказала я.

Зная, что я был в Приере, он попросил меня достать туда приглашение. Но я не хотел брать на себя ответственность за приглашение такого человека. Тем не менее, к моему удивлению, через несколько дней он появился там, и его угостили чаем в гостиной. Там были дети, и он сказал одному из мальчиков что-то про своего сына, которого он учил быть чертом. Гурджиев поднялся и что-то сказал мальчику, который с этого момента не обращал ни малейшего внимания на Кроули. Гурджиев немного побеседовал с Кроули, все время пристально за ним наблюдая. Я получил сильное впечатление, как от двух магов, черного и белого, - один был сильный, могущественный и полный света, другой также могущественный, но тяжеловесный, мрачный и невежественный. Впрочем, слово «черный» - слишком сильный эпитет для Кроули; он никогда не понимал значения настоящей черной магии и, все же, под его «чары» попали сотни людей. Он был умен. Но, как говорит Гурджиев, «глуп тот, кто умен».

Орейдж сказал об этом: «Увы, бедный Кроули, я хорошо знал его. Мы встретились в обществе психических исследова-

ний, когда я там исполнял обязанности секретаря. Как-то раз, в разговоре он спросил: «Кстати, какой у вас номер?» Ни в малейшей степени не зная, что он имел в виду, я сказал первое пришедшее мне в голову: «Двенадцать». «Боже милостивый, у вас действительно двенадцать? — ответил он. — У меня только семь».

Этим летом у меня возникла идея, что если бы мой учитель Гурджиев сказал мне некую вещь, небольшой секрет, то я бы понял его. Подобно персонажу из волшебной сказки, которому дается три желания и он чувствует, что для него все возможно, но не знает, о чем просить, и его желания расходуются впустую. Мне казалось, что Орейдж и особенно Гурджиев были способны сказать мне нечто, что прояснило бы все, видимое мною до сих пор как бы «сквозь темное стекло», и я нашел, что

эту идею разделяли и другие. В Приере была одна молодая супружеская пара из нью-йоркской группы. Они дважды прощались и дважды возвращались. Когда они вернулись в третий раз, я удивленно спросил: «Почему вы вернулись?» Они сказали: «Гурджиев просил нас, и мы чувствовали каждый раз, что он нам скажет, что же мы хотим знать, и что, может быть, он скажет нам на этот раз». «А что вы хотите знать?» - спросил я. «Этого мы, к сожалению, не знаем; мы только знаем, что хотим знать»

Я поговорил об этом с Гартмаином, а он, должно быть, сказал Гурджиеву, потому что через день или два нам прочитали черновой вариант главы из второй серии - «Профессор Скридлов». В этом отрывке отец Джованни говорит о различии между знанием и пониманием «Понимание, -говорит он, — есть сущность того, что получают из целенаправленно приобретенной информации и собственного жизненного опыта, тогда как знание есть лишь автоматическое запоминание слов в определенной последовательности. Знание можно передавать от одного человека другому, но в сотни раз легче верблюду пройти через игольное ушко, чем комунибудь передать другому свое понимание, сформированное собственными усилиями. Он сказал, что если бы даже он захотел передать часть своего собственного понимания своему возлюбленному брату, то был бы не в состоянии этого сделать». Мы хотели обладать пониманием, на которое не имели права; нам еще предстояло осознать, что понимание приобретается только своими собственными усилиями под руководством учителя.

В этом году осень очень рано пришла в Фонтенбло-на-Авоне, и уже в конце сентября в наших комнатах нужно было топить камин. По вечерам в гостиной ярко пылали поленья, в то время как Гурджиев беседовал или Гартманн играл. Мы продолжали заниматься танцами в студии, хотя публичных представлений не было

Жизнь в Приере была образцом патриархальной жизни. Гурджиев — вместе со своей женой, матерью, братом и сестрой с их семьями, детьми и племянниками и племянницами, учениками и друзьями - был великим патриархом. Отмечались именины и дни рождения. Это была жизнь настоящего мужчины, идеал для нас, мужчин; как сказал Орейдж⁴ «Мы все бы хотели жить как Гурджиев, но у нас для этого ни характера, ни знания» Гурджиев подчеркивал важность поддержания хороших отношений со своими кровными родственниками, особенно с отцом и матерью. Жена - другое дело, она — не родственница по крови; у человека может быть несколько жен, но только одна мать или один отец; плохие родственные отношения могут даже влиять на его здоровье. Он сказал мне: «Ваш отец для вас подобен богу, и вы через отца можете стать подобным богу». Один афоризм на стене студии гласил: «Признаком хорошего человека является то, что он любит своего отца и свою мать»

В главе «Мой отец», во второй серии, он рассказывает, что его отец говорил о правилах, в соответствии с которыми, если их придерживаться до восемнадцатилетнего возраста, молодые люди могут достичь внутренней свободы и приготовить себя к счастливой старости Правила эти следующие-во-первых, любить своих родителей Во-вторых, быть целомудренным. В-третьих, быть внешне учтивым со всеми без различий, будь то богачи или бедняки, друзья или враги, носители власти или рабы, и к какой бы религии они не принадлежали, - но быть внутренне свободным и никогда не доверять никому и ничему. В-четвертых, любить работу ради нее самой, а не ради выгоды

КОММЕНТАРИИ ОРЕЙДЖА К БААЛЗЕБУБУ

Мы вернулись в Нью-Йорк к концу 1927 года и возобновили нашу групповую работу. В продолжение зимы Орейдж сделал обзор нашего изучения Рассказов Баалзебуба за последующие три года. Я скопировал записи его бесед и собрал заметки и фрагменты других материалов Позже, когда Орейдж переехал в Лондон на постоянное жительство, я обсудил с ним материалы последних трех или четырех лет и исправил их. Представленный комментарий, состоящий из сотни страниц записей, лишь малая его часть. Хотя я и пытался расположить заметки последовательно, они не являются строго хронологическими. В разное время он обращался к одним и тем же местам, часто с разных точек зрения, поэтому могут быть и некоторые повторения; и, хотя некоторая часть заметок может показаться фрагментарной, все они связаны.

Орейдж говорил: «Некоторые из вас все еще критикуют плохую грамматику и пунктуацию и спрашивают, почему я ничего не сделаю с этим. Хорошо. Хотя после первого написания смысл в каждой главе был, Гурджиев постоянно переписывал и исправлял их. Как вы знаете, он писал на армянском, затем это переводилось на русский, а затем русскими на литературный английский; и все это проходило через руки одного или двух американских и английских учеников в Приере, только весьма грубо умеющих пользоваться словом. Все, что я мог сделать в настоящее время, это выправить английский, когда смысл неясен. Хотя я говорил о каждой главе с Гурджиевым и обсуждал с ним их смысл, он никогда не объяснял их значение. Его задача состояла в том чтобы написать книгу, наша - в том, чтобы сделать усилие понять ее. Стиль и смысл -Гурджиева. Самое удивительное в том, что несмотря на сложность перевода, смысл и стиль прошли через него так хорошо. Можно сказать, что английский язык более гибок, чем французский, в нем возможна игра словами, так что английский перевод лучше сохранил качества оригинала».

Орейдж предостерегал нас от попыток объяснять новым ученикам значение, как мы понимали его, вещей в "Баалзе- бубе»; можно было только намекать на него. С теми, кто был на том же уровне понимания, дискуссии были полезны. За последующую неделю он рассмотрел несколько глав; мы, со своей стороны, пытались помочь ему. И так *как* мы были более или менее на том же уровне понимания, беседы были действительно очень полезны. То, что следовало из его комментариев, лишь только абрис, так сказать, рассказов Баалзебуба Хусейну - намек на богатство и глубину мудрости. Каждый читатель понимает согласно своему собственному внутреннему развитию; вначале это похоже на бутон, затем он раскрывается подобно цветку.

«Предисловие книги, - говорил Орейдж, - подобно увертюре к опере - идеи развиваются и проясняют свой смысл не прямым утверждением, а параболой. Предисловие озаглавлено «Вызов мысли». Книга открывается посвящением всем трем центрам, целому, но, в особенности, Святому Духу. Книгу нужно читать реальным сердцем, с эмоциональным пониманием. Нормальные люди начали бы любое серьезное предприятие с обращения к целому, но на этой отдаленной лунатической планете мы всегда делаем это лишь частично. Жест Гурджиева - его рука на его сердце, т.е. на солнечном плексусе, который является для нас сердцем, т.к. у нас нет Святого Духа, нет нейтрализующей силы, *мы* слепы по отношению к третьей силе. У него нет желания писать; он вынуждает себя писать волей, которая безразлично относи-

тельно личным склонностям; и это - позиция, в которой каждый из нас обязан постичь Метод. Книга - объективное произведение искусства. Объективное искусство состоит из сознательных вариаций оригинала согласно плану художника или писателя, стремящихся оказать определенное впечатление на свою аудиторию. Искусство, которое мы знаем, так же естественно, как песня или гнездо птички. Гнездо иволги кажется нам более совершенным, чем гнездо бекаса; - но мы не приписываем сознательной ценности птице. Также; и с Джоном Мильтоном и Микельанджело; «песню Мильтона — это звуки коноплянки»; Гурджиев не пользуется «языком интеллигенции - идеи книги не представлены в наших обычных мысленных образах. Наша интеллектуальная жизнь основана на случайных ассоциациях, ставших более или менее фиксированными. Только когда они сломаны, можно начать мыслить свободно. Наши ассоциации механичны; все может быть разрушено использованием одного слова, связанного с другой группой ассоциаций. В серьезной дискуссии, например, кто-то, уронив вульгарное слово, может разрушить труд всей группы.

Гурджиев спросил: «На каком языке мне надо писать?» Он начал с русского, но не смог им долго пользоваться, так как русский представляет собой смесь сущностного и личностного (языка); русский философствует некоторое время, затем переходит на болтовню, анекдоты. Английский полезен для практических целей, но недостаточен для медитации и размышлений о «Целом». Психология русского и английского подобна солянке, студню, в котором есть все, кроме сущностного «вы» и реального (подлинного) «я». Они могут говорить истину о самих себе.

«Армянский есть сущность — армянский нашего детства, когда мы говорили от сущности. Когда мы выросли, мы изучили и «русский и английский». Но мы не смогли выразить современные идеи на языке сущности. Остается греческий: но снова, греческий сегодня не похож на гречес-

кий нашего детства, когда вырастают, поведение становится другим. Для сознательной, личности поведение есть язык».

«Многие написанные книги, даже литературные работы, представляют собой проявления патологических состояний; например, раковый стиль, туберкулезный стиль, сифилитический стиль».

«Можете ли вы, как литературный критик, объяснить различие между стилем, который есть слова, и стилем, который есть слова плюс содержание? Песнь Деборы в Ветхом Завете есть-пример последнего. Но хотя написанное и выражает всю полноту сердца, это еще не объективное искусство, потому что его содержание зависит от случайных ассоциаций».

«Рассказы Баалзебуба» - книга, разрушающая существующие ценности; она заставляет серьезного читателя пере оценить все ценности, и для искренней личности это разрушение. Как говорил Гурджиев, это может освободить вас от пристрастия к вашей любимой пище - ваших любимых теорий, например, или от форм искусства, которым вам случалось следовать. Она подобна перцу, возмущающему ваши ментальные эмоциональные ассоциации, вашу энергию». Что касается меня, то "я осознал теперь, что два года я пытался использовать эти идеи, пытался ассимилировать их со своим собственным набором ценностей; надеясь обогатиться ценностями, в то-же время не разрушая старых. Я думал, итоговые; идеи углубят и расширят перспективу старых и роваврируют их содержание. Но теперь "я чувствую, что действительные рамки работы - это разрушение в себе старых ценностей. В этой работе почти для каждого приходит время, когда он спрашивает самого себя: «Если я потеряю старые ценности, даст ли это побуждение и окажусь ли я способным перейти к новым ценностям другого порядка?»

«Далее в этой книге имеется намек на то, что вселенная разумна (и управляется разумно и со знанием) и что есть

много признаков, указывающих на то, что жизнь на нашей планете ненормальна, и что человек, совершив определенные усилия, может стать нормальным. Баалзебуб был сослан. Что есть в нас такое, что было сослано? Мы отождествляемся с солнечным сплетением, с чувствами. Солнечное сплетение — это дезорганизованный и оторванный центр. Результатом непрерывной работы была бы концентрация эмоций для определенной цели вместо подъема и падения чувств, вместо расточительной борьбы конфликтующих желаний».

«Баалзебуб создал наблюдательный пункт (обсерваторию); но лишь после многократных попыток и улучшений. Мы должны работать над собой очень долго, прежде чем сможем правильно смотреть на себя.

«Одним из основных упреков методу и системе является обвинение его в эгоистичности и безлюбности. Иисус говорил: «Не думайте о себе». Баалзебуб говорит: «Думайте только о самом себе (правильным образом, конечно), ибо лишь тогда вы сможете думать о других». У гностиков имеется высказывание Иисуса: «Следуя за мной, вы потеряете меня. Следуя за собой, вы найдете и меня и себя». Гностики ввели в христианство метод, который мы изучали; но когда «христианские» вожди юной церкви стали могущественны, они изгнали гностиков и стали преледовать их.

«Карнак — армянское слово, и оно связано с греческой идеей тела как гробницы души.

«Рассказы Баалзебуба адресованы мертвому, спящему в могиле телу. Книга — это есть слова, произносимые «Я»! То, что будет "понято из нее? будет действовать. В книге нет ничего, чего бы я не знал; но, все еще, не пробудился и не понял это.

«Вы знаете мантру: «Ярче солнца, чище неба, тоньше эфира — это «истинное я» внутри моего сердца. Я есть то «истинное Я», то «истинное Я» есть Я». Можно сказать, что юный Хассейн — южное «Я», что юный Хассейн есть «истинное Я» внутри нас.

«Относительно системы космических аппаратов можно сказать, что система Гурджиева - это психологическая система, требующая активной работы ученика. Она заменит старую пассивную систему веры, любви и надежды. Что такое цилиндр? Герметически закупоренный бочонок - закрытый печатью Гермеса, обучавшего этому методу, который есть путь хитрого человека Чем плотнее субстанция - туман и газ отрицательных эмоций, тем лучше идет корабль, если вы знаете, как их использовать. В старых религиозных системах вы оставались внутри церкви и механически переносились на механические небеса. В этой системе все достигается собственными усилиями Это путь пилигрима, полный трудностей и борьбы, но, как ни парадоксально, более быстрый и верный, чем легкие системы, импортированные в Европу из Азии.

«Глава шестая, являющаяся параболой, также представляет собой карикатуру. Фактически многие главы являются карикатурами в религиозном смысле. Карикатурной здесь является картина некоторых аспектов человеческой жизни на этой планете, преувеличенная таким определенным образом, чтобы привлечь к ней внимание, вызвать размышления и, таким образом, достичь истины. Это сатира на различные религиозные культы, секты, ритуалы, мистерии, системы дыхания и так далее - всего, претендующего на то, чтобы дать вечность. Рационализм приходит и ломает им башку Но рационализм в равной степени отрицательный.

«Будьте сознательными относительно истинного «Бытие-Долга». Это небытие занность перед обществом и не «выполнение долга». С одной стороны, это касается направления и использования нашего тела как машины, реализации ее возможностей. Наше тело есть многоцелевая машина, но обычно психика использует тело слишком узко. Это аморально. Если мы обычно работаем с одним или двумя центрами, как одно- или двухмозговое существо; это объективно аморально для потенциально трехмозгового существа. Когда мы

начинаем спрашивать самих себя с укором, подобно Хассейну, «Как могу я заплатить за свое существование и за все, что другие сделали для меня?», то мы начинаем становиться сознательными в отношении истинного бытия-долга. Каждое трехмозговое существо на некоторой стадии — не обязательно только в этой работе - спрашивает себя: «Каков смысл и цель существования? Зачем я здесь? Почему я родился в этой семье, в этих условиях? Что я должен делать?»

«Баалзебуб сказал Хассейну, чтобы тот не думал об этом слишком много. Он еще молод и должен учиться. Позже он узнает, что делать. Мы молоды в работе и, подобно Хассейну, должны учиться готовить самих себя - читать книгу. Хотя ключи к ответам все здесь, но, как говорит Гурджиев, они еще далеко от дверей.

«Тот, кто слишком ленив изучать все это, позднее не сможет использовать свои знания на практике». Страдать в аду - это знать и понимать то, что мы должны делать, и быть в то же время неспособными это делать. Но помните: «Непринужденный интерес», и остерегайтесь непродуманных упражнений. Мы являемся блудным сыном - или что-то вроде этого в нас есть. Кстати, эта история исходит от гностиков. В гимне «Об Одевании Славы» сын идет искать украденную одежду, но попадает в механическую жизнь и забывает о своей цели. Он впадает в сон; почти превратившись в свинью, он пробуждается, вспоминает свою цель и возвращается к отцу.

«Гурджиев говорил, что совершенный человек выше ангелов, идея заключается в том, что совершенный человек в некоторой степени есть клетка в уме Бога. Ангелы - это Его эмоции. Одна из трагедий космоса заключается в том, что человек, вместо того чтобы находиться под солнечным влиянием, попал под лунное влияние, а потому является лунатиком. Есть легенда, что это есть Нелепа или Лунатическая планета. Джордж Бернард Шоу, сказавший, что эта планета есть сумасшедший дом Вселенной, имел это в виду. Он взял

это от Лукиана, тот-от греков, греки -от египтян, а египтяне - от древних вавилонцев и шумеров

«Но все же жизнь яд этой планеты пагубной имеет свою компенсацию. Страдая от преимущества находиться в невыгодном положении быть человеком, мы имеем возможность, совершенствуя себя, стать выше ангелов. На небесах больше радости по поводу одного человека, ставшего совершенным своими собственными усилиями, чем от девяносто девяти естественно вовлеченных ангелов

«Гурджиев пишет в Баллзебубе: «Никогда не поймет страданий другого тот, кто не пережил его сам, пусть даже он имеет божественный Разум или природу настоящего Дьявола».

«Это касается истинного, а не обычного механического страдания.

«Во многих странах и религиях существуют легенды о случае, происшедшем непредвиденно со стороны высших сил, при котором откололся большой кусок Земли и стал Луной. Гурджиев говорит, что тогда были два осколка: и меньший стал Кимеспаем, «никогда не позволяющим спать спокойно». Случай, происшедший с планетой, повторяется в нас самих. На некоторой стадии психического развития это происходит в нас самих. В определенном возрасте в нас происходят психологические изменения - два центра расщепляются. Мы должны раскрыть, что это за осколки. Мы подобны расчлененному Озирису. С помощью Метода мы можем вспомнить себя; вновь собрать себя, стать целым. Что это за комета, врезающаяся в нас в определенном возрасте?

«Архангелы Альгаматант и Сакаки, подобно всем другим упомянутым ангелам и действующим лицам, являются персонифицированными разумами, сравнимыми с патриархами и царями (княжествами и силами), упоминаемыми в Библии. Это высшие космические индивидуальности, помощники Его Бесконечности в управлении Вселенной, в заботах о различных солнечных системах, но, очевидно, они

не полностью разумны и всезнающи, иначе они предвидели бы возможность космической катастрофы. Только Его Бесконечность есть всемудрый, всезнающий и вселюбящий; и его истинное имя, несмотря на тысячи имен индусов и сотни имен мусульман, не может быть известно и произнесено обычным человеком.

«Нам известна Луна, эзотерическое имя которой Лундер-перза, о которой Пови писал: «Эта бледная преде твительница, Луна, причина всех наших бед», но Аяулиос нам неизвестен. Если рационалист, психолог, художник, писатель или реформатор чувствует в себе самом зов к совершенствованию, он не обращает внимания на него, хотя он исцелил бы его лучшим искусством, лучшей литературой, лучшими условиями жизни. Они спят тысячи лет, и реальные угрызения совести, следующие за невыполнением бытия-долга, не имеют значения для них.

«Только греческие мифы полны аналогий относительно метода саморазвития, самосовершенствования - постоянной необходимости сознательного труда и намеренного страдания: Труды Геркулеса, поиски Золотого Руна, Улисс, Персей и Горгона, Ариадна (и нить, по которой находится путь из Лабиринта Жизни), война греков с троянцами за Елену - что представляет (собой) Елена в этой системе? А также Махаб-харата, под влиянием которой греки создали свои мифы, более тщательно разработали свои идеи.

«Чтение книги есть упражнение в поддержании внимания, а также в образном понимании. Для понимания необходимо усилие всех трех центров. Отрывочные усилия не создадут целого. Как долго могу я удерживать свое внимание? Это зависит от многого; можно воспользоваться преимуществом тех периодов, когда внимание поддерживается повествованием.

«Обратите внимание на оформление рассказа. Это род , диалога между Баалзебубом, актуализированным, идеальным, объективно сознательным человеком, чьи функции

прекратились, и который теперь лишь критик, утверждения которого беспристрастны, конструктивны и непредубеждены - и молодым неразвитым существом, имеющим тягу к пониманию.

«Баалзебуб беспристрастно и непредвзято обзревает и рассматривает тело космоса (как мы обязаны рассматривать свой организм). Он намекает, что вселенная имеет цель и что он понимает ее. Солнечные системы, планеты, существа, жизнь человека, вся органическая жизнь имеют практические, а не теоретические или мистические функции; и различные части мегалокосмоса, включая человека, или выполняют, или не выполняют свои функции».

Был задан вопрос относительно Иисуса, и Орейдж ответил, что Иисус обучался в школах, включая (школы) Ессеев. Вначале он исцелял больных, но это было только малой частью его работы. Вместо запутанных конструкций, созданных еврейскими жрецами, он пришел дать людям простой метод; систему - корабля, двигатель которого, так сказать, имел лишь несколько движущих частей.

Орейдж продолжил: «Своеобразие жизни на этой планете есть результат случая. Наша Луна есть результат; она не развивалась естественным образом, как спутники других планет, а возникла преждевременно. Как следствие этого, был организован особый вид жизни, таким образом, чтобы могли развиваться особые излучения и вибрации и поддерживать Луну и Анулис. Существа на этой планете должны были использоваться ради этой цели; но если бы они осознали это, то смогли бы отказаться продолжать свое существование. В человека был вложен орган, Кундабуфер, который должен был заставить их видеть реальность как бы шиворот-навыворот. Стало так, словно нечто излучалось в атмосферу планеты. Как только возможность нарушения космической гармонии прошла, орган был удален, но следствия (его присутствия) остались; и люди, за немногими исключениями, с этого времени жили в состоянии иллюзии, сна.

«Как мы объясним то, что если мы, считающие себя разумными, беспристрастно и искренне рассмотрим свое поведение в конце каждого дня, обнаружим, что ведем себя подобно идиотам, трусам, негодям - что мы запутываемся в своих сетях, куда бы мы ни шли? Если бы мы столь беспристрастно рассмотрели поведение другого, мы бы прокляли его, как мы обычно и делаем. Однако относительно себя мы остаемся неподвижными и даже самодовольными. Мы столь самодовольны и не критичны, что считаем самоочевидным, что выполняем свои функции, никогда не осознавая того, что мы и жизнь вообще становятся все более механичными. Вопрос, отчего мы таковы, каковы мы есть, для чего мы живем, для чего тело, каковы ценности, которыми мы живем, никогда не возникал перед нами как нечто, что следует прочувствовать и продумать, как он предстает, например, перед творцом Книги Бытия, сказавшим мифологически, но с пониманием, что падение - деградация и механичность - произошло из-за наших уступок инстинктивному центру, пассивной отрицающей части. Как сказал Баалзевуб: «Ваше излюбленное, к несчастью, знать лишь отрицающую часть».

«Мы, люди, были помещены в эдемский сад, и от нас ожидали, что мы будем заботиться о нем. Мы впали в сон, прекратили делать усилия и были выдворены* Но, поскольку с самого начала мы не были полностью ответственны, Его Бесконечность со времен Адама одного за другим шлет своих посланников - патриархов, пророков и учителей, дабы дать метод, посредством которого мы могли бы проснуться и освободиться от последствий механичности, введенной Кун-дабуфером

«Почему нам не удастся использовать или сохранить сокровища каждой предшествующей цивилизации - науку и искусство Египта, философию и религию Индии, мудрость Халдеи, систему личных взаимоотношений древнего Китая? Почему мы не «наследники всех веков?» Откуда это стремление разрушать старое? Почему вместо того, чтобы стать на плечи прошлого, мы должны начинать вновь и вновь приходить к состоянию, во многих науках и искусствах более низкому, чем в древности? Почему мы верим и надеемся на «прогресс», когда все вокруг нас является доказательством того, что мы вырождаемся и работаем ден^T и ночь, чтобы произвести силы, которые разрушат даже то, что мы уже построили?

*) • «Ответ есть - это Кундабуфер — наше отсутствие воли, наша неспособность сделать любое усилие, чтобы работать над собой. Но это слишком малая вещь для наших «реформаторов».

«Психика постоянно находится под влиянием массового внушения; это одинаково в любом человеке, будь то белый, коричневый, черный, красный или желтый. Возьмем понимание слова «герой». Баалзевуб говорит Хассейну, что герой это тот, кто сознательно подвергает себя труду на благо Творения. В этом смысле сам Гурджиев - герой. Он тридцать лет провел в путешествиях по Центральной Азии, Ближнему и Дальнему Востоку, испытывал невероятные трудности, чтобы удовлетворить свою невероятную тягу к знанию и пониманию и найти и обучиться методу, посредством которого люди могут совершенствовать себя.

«Еще совсем недавно на планете Земля «героем» был тот, кто наиболее легко попадал под массовый гипноз войны и разрушал жизни многих людей. Древние приписывали безумие человека во время войны богам и девам (в Махабхарате и Энеиде, например). В прежние времена война могла быть необходимой для целей природы, но теперь, согласно Баалзе-бубу, война стала «ужасом ужасов» в великой Вселенной и препятствием божественному плану. Теперь лишь человек и его внушаемость ответственны за иллюзию «великолепия и святости войны».

«Первый спуск произошел во времена Атлантиды. Существовала ли Атлантида, сейчас не представляет для нас

интереса; но то, что Атлантида существует в нас (самых), представляет огромный психологический интерес. Атлантида была похоронена в недрах планеты. Одной из наших задач является отыскать затопленную Атлантиду, закрытое Объективное Сознание».

«Мы должны продолжать, будучи в интеллектуально-эмоциональном состоянии, делать попытки установить точку зрения относительно человеческой расы. Интеллектуальная позиция легка, но не ведет достаточно далеко; сегодня она есть, а завтра она уходит. Но если мы будем изучать что-то в интеллектуально-эмоциональном состоянии и обсуждать это практически, то установим трехкратное (трехчленное, тройное) состояние, в котором возможно осознать истину, и это может сохраняться.

«Эта книга - история происхождения человека и объективное описание его. Факты не новы; они в нас, в состоянии хаоса и деорганизации; они не в нашем *сознавши*. Как говорил Гурджиев: «Мы пытаемся не открыть что-то новое, а раскрыть потерянное». Некоторые параболы в Новом Завете относятся к этому.

«Как упражнение, попытайтесь представить в одном обобщении пять основных человеческих рас, обитающих на Земле. Каждая имела свою историю. В какой последовательности они появились? Каковы их расовые характеристики, их состояние эволюции и дегенерации? Каковы общие для них всех объективные характеристики, появившиеся вследствие бывшего существования органа Кундабуфера? Например, каждый мужчина и каждая женщина любой из пяти рас обладают тщеславием, эгоизмом, гордостью, самолюбием, и т.п. И все же в нас остались некоторые объективные стандарты, хотя зачастую и глубоко зарытые, которые оставляют эти свойства прискорбными. «Что мы понимаем, например, под эгоизмом? С одной стороны, это вера в то, что организм, в котором я нахожусь, превосходит другие, так что я меряю других посредством своих симпатий или неприязней, не их нуждами, но своим предпочтением; и я дерзко критикую других за малую оплошность в то время как сам виноват в грубейших промахах. Эгоизм это Я, Я, Я. Вы можете вспомнить анекдот в «Беседе птиц». «Господь как-то сказал Моисею: «Пойди и принеси слово совета от Сатаны». Моисей пошел к Иблису и попросил слово совета. Иблис ответил: «Всегда помни одну простую истину: никогда не говори «Я» и ты никогда не окажешься подобным мне».

«А тщеславие, то, ради чего мы пожерствуем всем, но лишь бы его не задеть. А жалость к себе, являющаяся дьявольской, хотя истинная жалость божественна. Это некоторые характеристики, которые мы разделяем вместе со всеми людьми. Почему? Согласно Баалзебубу, это из-за того, что мы — биологические продукты ненормальной планеты, — мы нормально ненормальны. Это дефекты характера и они аномальны по отношению к реальной сущности.

«Великие религиозные учителя никогда не были реформаторами в смысле Шоу (Шоу никогда не понимал Христа); они пытались изменить или преобразовать не данную культуру, а химию человеческой психики таким образом, чтобы человек мог думать, чувствовать и действовать нормально. В то же самое время все великие изменения, обновившие и оживившие дух человека - все большое искусство, музыка, литература, архитектура, - исходили от малой группы сознательных людей, работавших согласно внутренним учениям великих учителей. Вся внешне организованная религия любого рода происходит от искажения высказываний великих учителей; это часть процесса идущего вниз закона Октава, который, будучи сознательным в своем происхождении, становится механичным, когда достигает нас - инволюция. Эволюция в нас есть результат сознательного труда и намеренного страдания, борьбы против идущего вниз потока. «Первый спуск Баалзебуба произошел из за молодого и неопытного родственника, попавшего в сложное положение с королем Апполисом (проведите параллель с Кришной в Махабхарате). С одной точки зрения содержание первого спуска - это предупреждение против реформатора, подверженного чувству сделать так, чтобы каждая вещь у людей шла правильно — реформатора, видящего людей работающими и страдающими ради целей, не имеющих отношения к их собственным нуждам. Некоторые вещи он сам видит ясно и полагает, что знает что необходимо делать, и он ошибается именно в этом месте. Поэтому, если он достигает успеха в реформах в одном поколении, эти реформы становятся обузой для следующих поколений. Баалзебуб предупреждает Хассей-на относительно ориентации на некоторое сентиментальное мнение о человеческой расе. Он говорит ему, что эти «слизняки» имеют двойную природу. В одном настроении они говорят так, как если бы их язык был смазан маслом (букв.: словно масло не растает в их рту); в другом они поступают подобно чудовищам и совершают такие вещи, что дикие звери ужаснулись бы этому. Ни одна из других религий не ответственна в столь сильной степени за взаимное истребление, как христианство, и это очень сильно дискредитировало принципы любви в умах многих серьезно мыслящих людей. Все же принцип любви при отыскании реального знания незаменим. Люди постоянно пишут и говорят о любви, и все же у них нет и проблеска реальной, т.е. сознательной любви. Афоризм в Доме Учеников гласит: «Практикуйте сознательную любовь вначале на животных, они более чувствительны и отзывчивы».

«Баалзебуб спустился с планеты Марс. Как нам следует понимать это? Арес, греческий Марс, первоначально был богом игр и спорта; спорта не в нашем понимании, а спорта как борьбы за тренировку и поддержание тела в состоянии, пригодном для службы. Со временем, как это всегда случается, идея Ареса выродилась в символ Марса как бога войны и кровопролития. В некотором

аспекте мы можем сказать о тех с планеты Марс, как сказал Гупа (Носрое) - как занятых «божественной войной», «божественной борьбой».

«Нам следует всегда помнить слова Гурджиева о Баалз бубе (Рассказы Баалзебуба) «Есть три версии книги - внешняя, внутренняя и сокровенная: т.е. каждое законченное утверждение в книге имеет семь аспектов; в одном аспекте нам нужно подумать о том, что сказано относительно обсерватории на Марсе, из которой Баалзебуб мог детально и критически рассматривать жизнь человека на Земле. Нам необходимо научиться принять это беспристрастное отношение к нашему собственному организму».

Орейдж постоянно говорил о том, чтобы мы не пытались изменить что-нибудь в самих себе без инструкции Гурджиева или кого-либо из старших учеников. Если мы пытаемся что-либо изменить не работая согласно методу, могут появиться еще худшие проявления. Он цитировал Беллока:

«За няньку крепче держись всегда,
И тебя никогда не схватит беда».

Орейдж сказал: «Если организм будет подчищен и приукрашен некоторыми псевдоокультурными или оживляющими методами - если он будет очищен от отрицательных эмоций, вместо преобразования их с помощью Метода, — могут войти семь дьяволов, худших, чем первый. Одной из необычных вещей в Методе является то, что при его использовании, изменение к нормальному состоянию совершается косвенно. Через самоощущение, самовспоминание, самонаблюдение в организме происходят изменения, подобные изменениям, происходящим в химии при введении катализатора. С другой стороны, это подобно тому, как если бы трое детей, братьев, Ссорились и боролись друг с другом в комнате. Дверь медленно открывается, и отец заглядывает в комнату. Он ничего не делает и не говорит - только наблюдает. Ссора утихает, и каждый ребенок продолжает делать то, что он делал».

Один из вопросов в новой группе касался увеличения работоспособности.

Вопрос: «Улучшит ли работа по этому Методу мою способность писать?»

Орейдж: «Да».

Вопрос: «Прямо сразу?»

Орейдж: «На это невозможно ответить. Но, конечно, со временем это придет».

Вопрос: «Но это может помешать моей работе на время. Допустим, я не могу ждать?»

Орейдж: «Тогда не начинайте работать по этому Методу»

Это привело к дискуссии по поводу того, что Гурджиев часто говорил о стремлении все делать хорошо. «Если вы начнете делать хорошо малые вещи, вы сможете сделать хорошо вещи большие - а позднее вы сможете работать хорошо над самим собой. Малые вещи, такие как варка пищи, мытье пола, стирка, также должны выполняться с вниманием».

Гурджиев и Орейдж, когда они обучали, а мы изучали высокие идеи вроде космических законов, могли спустить нас вниз к малым повседневным вещам и связать эти вещи и с высокими идеями. Они никогда не переставали указывать на важность сознательного исполнения малых вещей, так как только тогда мы могли *понять* малейшие вещи относительно великих законов. Ибо можно *знать* все формирующим аппаратом, но не *понимать* ничего. Как говорится в пословице '«Все, что ни узнаешь, пытайся понять»».

Понимание - это одна из наиболее сложных вещей, которые следует понять. Как часто говорил Гурджиев: «Вы не понимаете, что означает понимание».

В «Беседе Птиц» Удод, рассказывая птицам о Третьей долине, говорит: «После долины, о которой я говорил, находится другая - Долина Понимания, не имеющая ни начала, ни конца. Нет пути равному этому пути. Понимание для каждого путешественника постоянно; знание же временно. Душа подобна телу находится в состоянии прогресса или

упадка; и духовный путь раскрывается только до степени преодоления путешественником своих ошибок и слабостей, своего сна и своей инерции, и каждый приближается к цели согласно своим усилиям... Есть много путей перехода этой долины, и все птицы полетят не одинаково. Понимание может быть достигнуто различным образом - одни найдут Михраба, другие - идола. Когда Солнце Понимания осветит эту дорогу, каждый воспримет свет согласно своим заслугам, и он найдет степень, предназначенную ему в понимании истины. Когда мистерия сущности творений раскроется ему ясно, горн этого мира станет цветущим садом... Но необходимо иметь глубокое и продолжительное желание стать таким, какими должны быть, чтобы пересечь эту тяжелую долину... Для вас, спящих! Сколь долго останетесь вы такими, каковы есть, подобно ослу без поводка?»

Автор добавляет: «В Китае есть человек, который непрестанно собирает камни. Он роняет огромные слезинки, и, когда слезинки падают на землю, они превращаются в камни, которые он снова собирает. Если бы облака могли плакать слезами, подобными этим, это было бы достойно печали и сожаления. Реальное знание получает истинный искатель. Но обычное знание становится извращенным (искаженным) формальным умом; оно затвердевает подобно камню».

Кто-то спросил Орейджа, каково различие между саморазвитием (самоулучшением) и самосовершенствованием. Он ответил: «Саморазвитие - это «организация (упорядочение)» того, что уже существует. Самосовершенствование — это актуализация еще не развитых возможностей».

«Как я сказал, один из наших великих недостатков в том, что мы ничему не учимся из прошлого. Мы не только ничему не учимся, но образование и большая часть того, что называется информацией, сговорились заставить нас поверить, что мудрость прошлого в сравнении с тем, что мы знаем, есть лишь результат, как сказал Гурджиев, «самодовольной глупости древних варваров». Наша цивилизация не построена на основе предшествующих цивилизаций; наука же в действительности есть лишь повторение, хотя она считает, что открывает вещи впервые. Баалзебуб ссылаясь по меньшей мере на две цивилизации предшествующего исторического времени, в которых электрические изобретения были доведены по крайней мере до того же состояния, что и в наше время. Гурджиев говорил, «что однажды он участвовал в экспедиции в пустыню Гоби. В одном месте в одиннадцати метрах (12 ярдах) под землей они нашли остатки города -ниже шли и шли другие его слои. Другие археологи находили подобные условия на местах Трои и Иерихона Люди, живущие там сейчас, не имеют традиций и даже легенд об этих потерянных городах. Это заставляет смотреть на Египет как на вчера. Когда я был мальчиком, нас учили, что огромные земляные работы в Англии являются остатками от римских лагерей. Сейчас уже известно, что они остались от цивилизаций более древних, когда Рим был молодым, и что огромные каменные кольца Авебэри на тысячи лет старше Стоунхеджа. Общепринятые факты истории являются жизнью людей, рассматриваемой через кривое зеркало Гиббон в своей книге «Упадок и падение Римской Империи» говорит, что «история» является в основном записью преступлений.

«Сейчас научный подход вытеснил религиозный. Иной набор предрассудков занял место предыдущего. Ученые заняты анатомированием тела Вселенной; они заняты вопросом «как», а не «почему». Наука видит все механично, с помощью двигательно инстинктивного центра; у нее нет ответа для человека в кризисной ситуации Я говорю об обычных ученых, которые владеют набором информации, частичных знаний, не подтвержденных личным опытом, которые часто опровергаются другими «учеными».

«Объективная наука ставит своей целью исследование смысла и цели существования - открытие не все большего и большего количества вещей, но истины, реального соотношения вещей»

Некто спросил < Как вы определите суеверие?>

«Суеверие, - отдал он, - есть эмоциональная позиция по отношению ко лжи»

Обсуждая главу о Времени, Орейдж сказал, что Гурджиевское положение, чш «Время есть Уникальная Субъективность», есть ключ ко всему, что было когда-либо написано или сказано на эту тему

Баалзебуб говорит" «Время само по себе не может быть понято и не понимается разумом или чувством любых внешних и внутренних бытие функций Необходимо отметить, что в Великой Вселенной все без исключения явления, когда бы они ни возникали и появлялись, есть просто последовательные «законопослушные» части некоторых целых явлений, происходящих из «Наисвятейшего Солнца Абсолюта», и, следовательно, все космические явления, как бы они ни происходили, отражают «объективное», а эти законопослушные части актуализированы в каждом аспекте, и даже в смысле их инволюции и эволюции, согласно основному космическому закону, священному Гептапарашиню Только время не имеет объективного значения, поскольку не является результатом деления (части) какого-либо определенного космического явления Оно ни из чего не исходит, но смешивается всегда с каждой вещью и становится самодостаточной независимостью; и поэтому во всей Вселенной только оно одно может быть названо и превознесено как «Идеально-Единственное-Субъективное-Явление». Только Время (или, как его иногда называют, «Геропасе») не имеет источника, от которого зависело бы его возникновение; но оно, подобно Божественной любви, течет всегда независимо в самом себе и пропорционально смешивается со всеми явлениями в данном месте и в данном проявлении нашей Великой Вселенной»

«Мы подобны часам с тремя пружинами, - продолжал Орейдж, - которые заведены наследственностью и средой, окружающей нас в детстве расчет всех трех рассчитан на три или четыре сотни лет Гурджиев говорил, что вначале наши

организмы были рассчитаны на 1500 лет - возраст патриархов не только миф. Что же мешает использовать завод пружины до конца? Ответ гласит ненормальная жизнь человека-его психическая жизнь, его эмоциональная жизнь, его интеллектуальная жизнь Ретюлятор наших часов не работает должным образом; он начинает идти ошибочно в ответственный возраст Почему время детства и молодости кажется столь длинным, а остаток жизни кажется идет так быстро и так короток? Время есть возможность переживания, числа переживаний, заключенных в данном центре, и эти переживания могут быть последовательными, продолжительными и мгновенными. «Время» нашей жизни зависит от

скорости, с которой истощаются эти потенциальные возможности Вы знаете афоризм в Доме Учения: «Человек имеет ограниченное число переживаний - экономя их, он удлиняет свою жизнь».

Баалзевуб говорит о короткой продолжительности жизни существа в капле воды по сравнению с нашей Аналогично этому, если бы мы могли с этой комнатой уменьшиться до размеров теннисного мяча, мы не узнали бы об этом Может такое случилось с муравьями и произошло миллионы лет назад; большие существа дегенерировали и стали опасны для космического порядка, и Природа уменьшила их Время и жизнь сегодня могут казаться им такими же, как и раньше Возможно, что если дегенерация человека будет продолжать изобретать все более фантастические средства разрушения и человек будет продолжать загрязнять реки и отравлять землю химикалиями и отходами, - природа может сделать с ним то, что она сделала с муравьями и пчелами

Когда мы переживаем случающееся с нами, то не можем использовать это сознательно, пока не научимся контролировать физическую и эмоциональную энергию, выходящую наружу в моменты столкновения с внезапными неожиданными обстоятельствами Например, некто прочел что-то в газете или услышал что-либо, сразу же он становится отождествлен,

он сильно переживает, и данная эмоциональная и ментальная энергии пропадают; а он укорачивает свое время. То же самое относительно людей, которые могут за минуты или часы раскручивать столько, сколько требует нормального раскручивания за годы.

«Время есть бесконечная абсолютная потенциальность всего опыта».

На вопрос, заданный относительно кривизны пространства, Орейдж ответил: «Мы можем понять что-нибудь относительно этого, изучая действие закона октав в самих себе. Поскольку пространство также подчиняется закону отклонения линии силы, линия, вышедшая из какой-либо точки пространства, вернется назад. Пространство также следует воспринимать в октавах, и поэтому оно искривлено.

«Есть три измерения пространства и времени: последовательность - линия; одновременность - плоскость; видение трех или более последовательностей - вечность. Вечность есть наблюдение всех возможностей ряда одновременно. Профессор Эддингтон, говоря о себе самом как о четырехмерном черве, находится на грани концепции трехмерного времени. В действительности, он только двухмерен в своей концепции; третье измерение входит, если вы видите все ваше прошлое, настоящее и будущее одновременно. Гурджиев называет нас «баранами» — мы движемся по некоторой одномерной линии.

«Возвращение есть сфера. Линии широты делают круги

- их октава от экватора; и существа имеют долговечность соответственно их широте времени; ближайшие к полюсу -самую короткую. Линии долготы — пространственны; долготы

- это реинкарнация в пространстве, широта - возвращение во времени. Не войдя глубоко в эту теорию, вы не сможете это сейчас ясно понять; умы ваши теперь неспособны схватить эти идеи. Мы намерены развить ум до степени, при которой эти идеи будут для нас так же относительно легки, как сейчас идеи двух измерений.

Кто-то спросил: «Вы исключаете людей, по-видимому могущих предсказывать будущее или читать прошлое?»

Орейдж: «Я никогда не встречал тех, кто мог бы это делать. Когда я работал в Обществе Психических Исследований, то никогда не видел и не слышал о подобных случаях. Возможности могут быть видны, но широта и долготы не могут быть определены для актуализации. В данном случае, я никогда не соприкасался с каким-либо сверхъестественным явлением, которое не могло бы быть объяснено естественными причинами.

«Одна из целей книги Гурджиева - индуцировать отчаяние в хорошо тренированных умах относительно их типа мышления».

Баалзевуб представляет собой идеального нормального человека. Его функции на этой планете прекратились. Позади него цельность человеческих переживаний. Он критично настроен к человеческой природе. Он объективен, беспристрастен и непредубежден. Он возмущен, но сострадателен и благожелателен. Он использует свою ссылку, чтобы вести сознательное существование и не жалеет усилий для актуализации своих возможностей. Он тот, чем может быть. В своих беседах он говорит, что мы можем стать тем, чем обязаны быть.

«Баалзевуб видит человеческие существа живущими в условиях, за которые они сами отвечают; условия, не «стано-влящие» трехцентровыхсуществ. «Становящие» означает здесь и «подходящие» и те, которые дали бы им возможность «стать», «быть». Потому что система образования, познания космоса (осознания), в котором они живут, исчезла из их психики так же, как мы знаем о флоре и фауне природы и о цивилизации, в которой мы существуем, так и трехцентро-вым существам следовало бы знать о функциях космоса -солнца в отношении к планетам, Земли - к Луне. Это было бы прямым личным знанием, не только слышанным где-то. Нормальное трехцентровое существо должно понимать кос-

мические явления, какой радиации, эмянции, напряжениям оно подвергается Будучи ненормальными, мы не осведомлены об этом или видим все искаженно. Почему? Сам Гурджиев есть зеркпю для каждого из нас, которое отражает реальность. Книга представляет этот род зеркала.

Кундабу-фер - это также зеркало, но искажающее зеркало, в котором мы видим реальность шиворот-навыворот. Образование есть результат последствий органа Кундбуфер. Платон говорил, что его Республика может возникнуть, только если он образует ее вместе с новорожденными детьми, но все они получают образование от взрослых, которыми калечатся. Платон, конечно, был философ, в то время как Сократ был учителем метода, так же как и философом. Многие люди сегодня имеют понимание, которое выше их поведения; они свободны от суеверий относительно религии, науки, морали, политики, но продолжают быть невежественными относительно своих детей. Они видят глупость образовательной системы, но продолжают приносить своих детей ей в жертву».

«Согласно Баалзебубу, наше Солнце *не светят и не греет*. Оставляя в стороне психологические импликации этого факта, какое личное знание имеем мы о тепле и свете, приходящих на нашу планету? Относительно совсем недавно весь авторитет церкви учил, что Солнце - это маленький огненный шар, обращающийся вокруг Земли, дающий нам свет и тепло, и почти все верили этому. Теперь ученые утверждают, что Солнце - это огромный раскаленный шар, пламя которого выбрасывается на тысячи километров в атмосферу, и опять же почти каждый верит этому. Откуда они знают это? Баалзебуб говорит, что Солнце - холодное и ледяное и что свет и тепло появляются из-за угрызений совести. Это то, что следует чувствовать в присутствии существа, развившегося до более высокого состояния сознания, чем собственное -желание быть тем, чем следует быть. (Священное Аеисиуса есть вздох объективного сожаления, проп.).

«Наша планета, Земля, есть позор нашей солнечной системы. Это гадкий утенок, недоразвитый карлик, зверь страшных сказок, в которых сохранились отрывки истинного учения, и поэтому не следует подозревать, что это еретическая пропаганда Идея в том, что если человек сможет стать нормальным, эта планета сможет вернуть свое доброе имя в солнечной системе. Трубадуры также провозглашали эту идею; они были посланцами эзотерической школы.

«Вся Вселенная существует и поддерживается Трогаав-тоэгократической системой - взаимным питанием. Я, сам, ем, Я питаюсь тремя видами пищи: обычной пищей, воздухом и впечатлениями. Мы питаемся друг другом, о некоторых людях можно сказать «он или она ест меня, после того, как я поговорил с ним (с ней), я чувствую себя изнуренным». Другие являются вампирами, они высасывают вас насухо -если вы достаточно глупы, чтобы позволить им это. Пища, которую я ем, превращается в субстанции, становящиеся клеточками моего тела. Я есть то, что ем и перевариваю, -буквально, я есть съеденное мною.

Вселенная - это чудесное существо, питающееся, чтобы жить. Каждая часть физической вселенной есть результат питания Великого Я. Великого Я Есмь, которое есть Бог». Эта идея может быть найдена в мифах. Ранние христиане думали, что Иисус отрезал часть своей плоти, и что ученики ели ее и пили его кровь. Согласно Гурджию, нечто подобное действительно произошло. Много обрядов и церемоний связано с этой идеей (Святая Община, например) и, конечно, искажено. В обрядах каннибалов и в поедании половых органов - источника творчества и мужественности - мы имеем пример полного искажения.

«Мое тело ест. Где же «я»?»

Гурджиев говорил, что необходимо изучить различие между «Я» и «Оно». Что же такое «Я»? Мы не считаем очевидным, что Индивидуальность, Сознание и Воля суть триада или треугольник, из которого сострит «Я». Но со

временем по мере работы мы можем иметь нечто, не являющееся лишь организмом. Рождение «Я» и его развитие были предметом аллегорических учений во всех религиях, этому обучали в мистериях. Это играет огромную роль в Истории Иисуса. Если одно из твоих «Я» погрешило против тебя, вырви его.

«Если у тебя одно «Я», то все твоё тело будет полное света.

«Успокой себя, и ты узнаешь, что «Я» есть Бог.

«Я Есмь то, что Я Есмь.

«Я» подчиняется Закону Трех.

«Оно» подчиняется закону Семи.

«Если у нас есть метафизическая основа, то учение Гурджиева понять намного легче. Нам следует уметь различать между потенциальным и актуальным. Прочтите «Три Соглашения», Сора.

Обсуждая главу об искусстве, Орейдж сказал, что во времена Пифагора художники разговаривали во время своей работы, чтобы не дать себе эмоционально отождествиться со своей задачей.

Он продолжал: «Есть две категории искусства, субъективное и объективное - подсознательное и сознательное».

«Искусство вызывает ряд эмоций, которые природа хотела бы, но не может произвести. Степень, до которой художник сознателен в этом, определяет его важность с нашей точки зрения. Художник должен находиться в духе Природы, в законах Природы. Понимание математических принципов

Природы не есть понимание ее динамики. Понимание художника отличается от научного описания ее путей. Ученые не могут воспринимать Природу, художнику следует быть способным делать это.

«Субъективный художник занимается искусством ради личного развития. Цель объективного художника - производить определенное и рассчитанное влияние на людей; его собственная личная цель может быть включена в это.

«Искусство есть способ передачи эмоций. Субъективное искусство удовлетворяет художника, объективное искусство действует на воспринимающего так, как было рассчитано художником.

«Объективное искусство основано на понятых принципах закона семи в архитектуре, живописи, скульптуре, музыке, литературе, танцах, драме. Раскин в своих Семи Светильниках был на пути к этому, но сбился. Хокусай сказал, что когда он умрет, он надеется присоединиться к той группе художников Природы, которая рисует светом и которая создает цветы. У Блейка было видение истинного творения:

О, тигр, чьи глаза
Ярко светятся в ночи леса,
Чьи бессмертные руки и глаза
Смогли создать столь страшную симметрию?

«Современное использование слова «творчество» неуместно в большинстве случаев. Современное искусство всего лишь случайно. Мы говорим о цыганах, типичных субъективных художниках, выражающих лишь случайно. Мы говорим о цыганах, типичных субъективных художниках, выражающих лишь самих себя. Многие художники имеют эстетические, но не человеческие эмоции. Мы можем сказать: «Следуя искусству, следуйте разуму». Настоящий художник - это (антенна Природы) щупальце природы; грядущая впереди себя посылает своих художников. В Доме Учения есть афоризм: «Не любите искусство своими чувствами».

«Объективное искусство приводит к состоянию неотождествления. Величайшее искусство - это создание совершенного человеческого существа в самом себе.

«В главе «Архиабсурд» Баалзебуб говорит, что мы используем первую и третью святые силы; он говорит: «Для покрытия их собственного присутствия имеются лишь только, кристаллизации второй части Вездесущего Окиданоха, Святой Отрицающей; поэтому большинство из них остаются в

присутствиях, состоящих лишь из планетарного тела, и, таким образом, для самих себя разрушаются навсегда»

"И, наконец, с нами случается так, что почти вся человеческая активность не удовлетворяет законные нужды планетарного тела, а лишь потрафляет его желаниям и слабостям. Возьмем, Уолл-Стрит, Роял Иксчейндж, магазины на Пятой Авеню и Бонд-Стрит, подумайте о миллионах, заняты производством вещей для удовлетворения капризов и тщеславия женщин, миллионах, занятых производством оружия и бомб, спортом, производством искусственных удобрений, отравляющих реки, изобретающих лекарства для лечения ряда болезней. Подумайте о тысячах гектаров леса, вырабатывающихся ежемесячно для получения бумаги, на которой пишется и печатается болтовня журналистов и литераторов; об энергии, идущей на производство самолетов и машин; когда темп жизни ускоряется и жизнь становится все более и более сложной, люди все меньше и меньше различают то, что является их собственным. Вся эта энергия и напряжение, бесполезные для самого существа, отбираются Природой ради ее собственных целей

«Одна из величайших иллюзий, возникших из-за появления органа Кундабуфер, состоит в том, что стремление к счастью как самоцель само по себе считается хорошим. Если у нас есть реальная (истинная) цель, то счастье приходит само по себе, как побочный продукт».

«Хотя мы можем знать теории, мы не можем понять что-либо относительно Вселенной, пока мы не установим соответствие в самих себе.

Гурджиев предостерегал нас от использования воображения, поскольку мы пользуемся главным образом в фантазиях. Но книга дает нам возможность правильно использовать его; одно из упражнений в использовании воображения заключается в частом смещении от частного к всеобщему (космическому) и наоборот.

«Если мы поймем что-либо о работе активной, пассивной и нейтрализующей силы в самих себе, мы сможем кое-что понять и о законе Трех во Вселенной, то же самое относится и к Закону Семи. Есть ли у вас какая-нибудь реализация работы этих двух законов (процессы которой идут во время) в самих себе? Если нет, то это будет лишь знание и, как таковое, может исчезнуть.

«Девяносто пять процентов нашей цивилизации касается инстинктивно двигательного центра, планетарного тела; три процента — реальной культуры, эмоций; один процент с «Почему»? - реального ума. Инстинктивно-двигательный центр, которому следует быть пассивной частью, стал в нашей цивилизации активной, положительной. Мы - перевернутые люди, вывернутые шиворот-навыворот».

«Пифагор учил этой системе и методу, но записей его учения не осталось, за исключением некоторых фрагментов одной, по-видимому вспомогательной, группы. Книги, написанные о нем, почти полностью состоят из предположений. Но его учение имело огромное влияние.

Платоновский Тимей содержит космогонию Пифагора. Некоторые из Гурджиевских танцев и движений основаны на фрагментах пифагорейского учения - «Посвящение жрецов, фрагмент мистерии», например. Когда Аристотель начал ряд своих книг о метафизике, он намеревался обсудить пространство, время, мысль и силу в свете учения, воспринятого от Пифагора; но, по-видимому, он так и не преуспел в этом».

«Странность существ на этой планете обязана особым условиям; эти существа уникальны, особенно благодаря природе их искаженного разума. Почему я думаю, что большинство людей, которых я вижу, дураки? Почему они думают, что я дурак, и жалеют меня? И почему оба мы правы? Почему в спокойные минуты мы обнаруживаем существенную бессмысленность людей? Почему так легко видеть ошибки других и столь трудно видеть их у себя? Это было известно

всегда; читайте Сократа, читайте историю Сакунталы в Махабхарате.

«Эта бессмысленность считается стоящими у власти существами само собой разумеющейся и используется в их делах с теми, кого они называют «широкими массами» или «народом». Почему нам так сложно вести себя разумно, когда мы сталкиваемся с телом народа? Каждый понимает, что семьдесят пять процентов законов и постановлений глупы, и пытается избегнуть их. И все же редко кто протестует».

«Тепло и свет - это угрызения совести материи. Когда мы находимся в состоянии самовспоминания, элементы в нашем теле переживают угрызения совести, не чувство собственной неполноценности, а род сожаления о том, что мы есть, соединенное с желанием, и свет нисходит на нас; мы можем рассматривать что-то в самих себе, спрятанное в темноте.

«Иногда в современной физике говорится, что мы есть результат электричества. Три силы соединены в одной -Окиданокхе, электрическая положительная и отрицательная и нейтрализующая. Гурджиев говорил, что две предыдущие цивилизации погибли из-за слишком механического использования электричества; наша может стать третьей. Из-за этого в высшей мере механического использования возникает недостаток психологического использования - и, следовательно, безвольность, отсутствие цели у людей. Образование глубоко заражено. В наше время образование прекращается тогда, когда в древние времена оно только начиналось, то есть между восемнадцатью и двадцатью одним годом, идеалистическим периодом, когда молодежь ждет чего-то, что бы ни было больше смысла жизни, чем, как это видно, проявляется в жизни всех окружающих нас. В этот идеалистический период жизнь полна электричества, но не того, кто показал бы молодежи, что делать с ним. Результат тот, что большинство идеал истов-становится циниками, больными, или прибегают к наркотикам, или же ищут выхода в сексе; они падают в свой инстинктивно-двигательный центр».

«В главе «Почему человек - не человек» мы читаем, что из-за «непредусмотрительности» со стороны Высокого индивидуума с Землей столкнулась комета и два куска были оторваны. Органически мы являемся продуктами планеты и мы повторяем ее органические недостатки. Два центра были отколоты — и наша природа стала расколотой. Сакаки прибыл на Землю для расследования и установил, что необходимо, чтобы земля и вся жизнь на ней снабжали оба спутника субстанцией, называемой Аскокин. Это могло быть обеспечено только потом, усилием - физическим, эмоциональным и умственным. Каждый организм, каждый атом должны были нести это бремя. Сакаки опасался, что люди на этой планете, бывшие, может быть, не слишком умственно развитыми, восстанут и откажутся иметь детей; поэтому в них был вживлен орган Кудабуфер, следствием этого было то, что они стали «видеть реальность «шиворот-навыворот», принимать эфемерное за реальное: и сразу же они стали делать то, чего не было ни на одной планете, - они начали уничтожать жизни друг друга, и природа получила помощь, которая ей была необходима. Как только это оказалось безопасным, Его Бесконечность удалил орган, но последствия его остались. Человек продолжал оставаться в этом состоянии сна; и, начиная с эпохи позднего Вавилона, восемь тысяч лет назад, он медленно дегенерировал. Нам случилось жить в период, когда процесс дегенерации ускорился, - даже с восемнадцатого столетия он стал намного быстрее.

«Почему сказал Бог: «В поте лица своего ты будешь есть хлеб?» Зачем этот труд, необходимость пота? Почему так жесток Бог? Согласно Баалзевбу, это не жестокость, а космическая необходимость. Никто не может избежать этого, каждый должен платить. Но Его Бесконечность почти с основания мира посылает своих представителей на Землю и продолжает посылать их учить людей, как платить Природе и в то же время работать над самим собой и использовать часть усилий для своих собственных целей. Его посланцы учат

людей Методу, которым Он Сам преодолел безжалостного Геропасса.,Он дал им своего только что рожденного сына, так что они сами могут стать Сынами Бога и помочь Ему в Его божественных делах. Этот Метод в различных формах изучили все великие учителя. Теперь мы имеем возможность платить сознательно, так что даже само проклятие может стать блаженством Платон, изучивший метод у Сократа и систему у жрецов Египта, сказал' «Бич Божий - это наши возможности».

«Ваше Я - не ваше, за него нужно заплатить», - сказал Св. Павел.

«Наша природа двойственна, «Я» и «Оно», но мы только смутно осознаем это состояние. Как мы есть, тело не помогает сознанию. Когда мы научимся разделять «Я» от «Оно», то сможем пользоваться телом. В движениях и танцах Гурджи-ева мы так и используем тело - мы вынуждены делать усилия сознательно. Почему тело не отражает ум? Почему нет соответствия между телом и сознанием? Почему мы чужие в своем теле? Св. Павел сказал: «Вещи, которые делают, не хочу делать; те, что не хочу делать, делаю».

«Ненормальность включает не только человеческую, но и всю природу: «Все творение стонет и мучается, ожидая проявления Сына Божьего». Земля страдает ради некоторых космических целей. Если мы сами встречаем неудачи с жалобами и жалостью к себе, то страдаем от этого больше и заставляем страдать других. Если мы встречаем их сознательно, то можем сделать усилие повернуть их для своих целей, к нашей высочайшей пользе. Страдать молча недостаточно; это может создать чувство обиды. Сознательное усилие дает понимание. Баалзебуб сам должен был дойти до седьмого пота, чтобы *повясть* то, что он уже *звал*».

Кто-то задал обычный вопрос: «Когда я здесь в группе слушаю вас, то ощущаю всеми своими чувствами, что все это верно; тут я чувствую, что могу делать, и впредь буду жить согласно учению. Но внутри себя я знаю, что когда уйду с

собрания, все старые слабости вернутся обратно Я все забуду и буду жить теми же старыми путями, повторяясь и повторяясь, пока снова не приду в группу».

«Из тона вашего голоса, - ответил Орейдж, - очевидно, что вы находитесь в опасности отдаться отчаянию - восьмому смертному греху. В работе это равнозначно тому, чтобы все начинать снова и снова. Каждый раз вы делаете усилие, вы знакомитесь немного больше с духовными мускулами. Подобно ребенку, учащемуся ходить, вы начинаете снова и снова; эта работа бесконечно более сложна. Но результаты гарантированы. Нужно помнить, что влияние органа Кундабуфер действует на нас подобно опиуму; поэтому наши трудности состоят в совершении реальных усилий. Это сделало нас лунатиками; и хотя этот орган находится только в рудиментарном состоянии теперь, результат его все еще есть. Вообще говоря, мы родились нормальными, а безумными стали из-за влияния наших родителей, желавших сделать нас другими, из-за образования в широком смысле слова - являющегося врагом человеческой расы».

«Какое реальное значение жертвы? Баалзебуб говорит, что с помощью ее можно творить великие дела. Великие учителя и герои жертвовали самих себя человечеству. В некоторых случаях они действительно шли на смерть, жертвуя собой. Иисус, например. И, согласно Баалзебубу, Иуда (бывший наиболее близким и доверенным учеником Иисуса), пожертвовавший себя ради блага других учеников и для грядущих поколений.

Я сказал: «Мне всегда казалось, что есть что-то ошибочное или что-то искаженное в эволюционной теории, утверждающей, что ритуалы жертв и плодородия были началом религиозных идей примитивных народов. Но было как раз наоборот. Идея Бога или Героя, умирающего во имя блага человечества, стала искаженной, смешалась с искаженными религиозными идеями; Бог стал воплощаться в Короля, Король приносился в жертву. Говорят, что смерть Вильяма

Руфуса, например, была ритуальной жертвой старой (нехристианской) религии. Имеется много примеров жертв царя или жреца, не говоря уже об обычных людях, приносимых для блага народа».

Орейдж ответил: «Многое есть в том, что вы сказали. Возможно также, что в древние века жрецы понимали то, что в некоторые периоды необходимо было иметь большое количество смертельных случаев; отсюда и огромное число животных, пожертвованных древнеиндийским, семитическим и греческим народами. В Махабхарате говорится, что боги питаются жертвами. Но что жертвовать?»

«С одной стороны, можно принять избиение существ во время Третьего спуска, как избиение невинных инстинктивных желаний. С другой стороны, согласно одному из семи аспектов, три центра культуры есть три формы йоги, причем каждая из них разрушительна для единства целого. Третий спуск есть спуск в инстинктивно-двигательный центр, где невинные желания жертвуются пуританами, монахами, аскетами всех направлений, подавляющими естественные физические нужды, инстинкты и желания.

«Объективно инстинктивные обязанности это: быть хорошими отцом-матерью, братом-сестрой, сыном-дочерью, и гражданином-гражданкой. Аскетическая йога, в широком смысле, делает эти достоинства невозможными.

«Все это зиждется на взаимном питании, Трогаавтоэгок-рате. В христианской религии идея жертвы выродилась в отказ от вещей, которые нам нравятся Это достигло крайности у пуритан, следовавших законам, запрещающим ганцы, мирское пение, праздники, игры и, главным образом, секс — ибо люди наслаждались этим. Пуритане, наиболее нетерпимые люди, верят, что если вещь неприятна, то она должна быть хороша для вас. В этом смысле мы извращенные (перевернутые) пуритане - мы жертвуем любую вещь кроме наших механических страданий. Но если мы хотим продвинуться в этой работе, то нужнопожертвовать этим механичес-

ким страданием — чувством обиды, раздражительностью, унынием, жалостью к себе, сентиментальностью — всем, что представляет наша личность. Предсмертные страдания личности - это мучения рождающегося - «Я». Ангелус Силезиус сказал: «Я сам должен стать девою Марией и дать жизнь

Богу».

Мы делаем усилия размышляя, ощущая, созерцая, чтобы понять эти идеи, и после того, как понимание достигнуто, у нас возникает ощущение света. Это истинный свет Евангелий, который мы воспринимаем через «милосердие нашего Бога; озарение свыше снизошло на нас, чтобы дать свет сидящим в темноте». Свет понимания: «Привет тебе, радостный Свет, из Его чистой славы сошедший». Святые и поэты всегда знали его. Когда понять не удается, чувство невозможности производит эмоцию. И возглас: «Почему я не могу понять?» Мы похожи на змею, кусающую свой собственный хвост в отращении к самой себе. Но стремлением к пониманию мы развиваем реальный ум; для этого нужно, чтобы все центры работали вместе».

Извечная субстанция едина. Но это единство в трех: утверждающая, отрицающая, примиряющая, или «положительная, отрицательная, нейтрализующая. Сможете вы различить три силы? Например, в атоме водорода протон положителен, электрон отрицателен, состояние электрона в поле протона, создающее энергию, - нейтрализующая. Это высоко-кометафическая концепция. У нас три мозга, каждый из которых проявляет форму электричества. Нормальное существо - это единство, которому соответствуют эти три. Природа развила мозг планетарного тела почти до совершенства (хотя мы и загрязнили его), но оставила нам самим развивать мозг эмоционального и ментального центров. Как таковые, мы ненормальны. «Да» — в уме, «нет» - в теле, примирение — в эмоциях. Тело знает «как» вещей, ум знает «что» вещей; эмоции плюс ум с телом, понимают «почему» вещей. Ученые заинтересованы в «как», но не в «почему». Любое новое

изобретение, без учета вреда, который оно может принести человечеству, рассматривается как «святое» массажи - современное суеверие, что знание имеет смысл в самом себе, таким образом оправдывается. Афоризм в Доме Учения гласит: «Возьмите знание Запада и понимание-Востока, затем ищите. Знание без понимания есть корень всякого зла».

«Понимание и «я» суть одно. Быть способным находиться вне самого себя - первоначальное значение экстаза. Восточные поэты-мистики использовали в качестве аналогии эротическую любовь. В кульминационный момент сексуальной любви они наблюдали чувство нахождения вне самого себя, неотожествления; не как большинство людей, по словам Гурджиева «трепещущих в самозабвении» Природа не помогает нам развивать второе и третье тело. Она снабжает нас субстанциями, а мы, используя Метод, можем трансму-тировать эти субстанции в материал для высших тел».

«Во «Втором Спуске» история поглощенной Атлантиды может быть сравнена с объективным сознанием, похороненным в глубине нас, поглощенным в личности. Объективное Сознание есть функция нормального существа; оно является представителем Бога в сущности Кто такой Иоан Креститель? Это объективное сознание, кричащее в пустыне тела, забитое внешней жизнью».

«Баалзевуб использовал суеверие существ этой планеты для осуществления своих целей. Мы в этой работе, должны быть настороже даже против своих учителей. Разум обычного человека столь фантастичен, что учителя должны прибегать к хитрости и даже лгать ради хороших целей. Гурджиев постоянно обманывал нас, чтобы заставить пользоваться разумом. Он написал афоризм в Доме Учения: «Если у вас от природы нет критического ума, то ваше пребывание здесь бесполезно». Мы принимаем, что Иисус учил Евангелию любви для нашего блага. Может быть, было бы лучше для нашего блага, если бы мы смогли понять его; и еще, может быть, если бы научились различать между тремя главными

видами любви (хотя их всего семь) и изучили, как практиковать сознательную любовь. И если бы мы откопали закрытое объективное сознание, то получили бы надежного руководителя. Иисус несомненно знал о крайних эффектах (согласно закону отклонения линий силы, закону октав), о вредных результатах механической любви, которая подобно всему несознательному есть зло. Согласно греческим текстам Иисус сам использовал два различных слова, когда говорил о сознательной и несознательной любви».

«Одна из главных целей человека состоит в том, чтобы развить из субстанции, называемой *сущность*, особый род разума - объективный разум, который создаст ему центр тяжести всей жизни. Человек, достигший объективного разума, может помочь выплатить долг Творению. «Природе, -сказал Гурджиев, - нужны эти относительно свободные существа». Когда мы разовьем сознание, волю и индивидуальность, мы займем место одной из мозговых ячеек Вселенной. Разум обычного человека есть разум знания; разум развитого человека есть разум понимания. Инстинктивный разум мы разделяем с животными, но имеем более высший его тип. Ассоциативный разум функционирует согласно словесным ассоциациям. Об объективном разуме в настоящем мы знаем слишком мало; и еще, он может быть развит только

практикой бытие-долг-обязанности. Объективный разум есть противоположность голого интеллектуализма, голых философских спекуляций, которые порождают только чудовищ.

«Бернард Шоу однажды сказал мне, что когда ему было двадцать пять, он реализовал цели Природы в отношении развития мозга. Но Шоу работал, главным образом, со своим ментальным центром, и он стал реформатором, а не учителем».

«В Третьем Спуске имеются также наметки, направленные против самооправдания сентиментальных индусов и современных англичан в их отношении к животным - отрицательные эмоции сентиментальности, маскирующиеся под гуманность».

«Что такое опиум, о котором Баалзебуб говорит в рассказе о своем третьем полете к планете Земля? Каково его действие? Опиум заставляет людей изобретать ценности, делает невозможным для них видеть реальность, мешает им руководствоваться своими собственными инстинктами и переживаниями. Возьмите современную роль рекламы и свяжите ее с количеством вещей, которые мы делаем, которые мы получаем, которые мы желаем, всего, что не приводит нас к бытие-удовлетворению; прибавьте к этому колебания моды. В Махабхарате есть много ссылок на бесконечность желаний человека, направленных на эфемерные вещи; однако чем больше он получает, тем больше требуется для удовлетворения. Бесплезность желаний человека подобна выщемуся лютику, который, если его не вырвать, задушит цветущий сад. Жевание опиума начинается в детстве, когда мы еще серьезно принимаем своих родителей и нянек. Большинство людей являются predeterminedными жертвами продавцов. Это продолжается всю жизнь. Если кто-то скажет мне большую истину, показывающую что-то во мне, мое тщеславие и самолюбие страдают. Я обижен этим. Если кто-то польстит мне, хотя это и может быть плохо для меня, я стану его другом на всю жизнь. Как много людей рассматривают знаменитости как «великих людей», знаменитости, являющиеся в частной жизни поверхностными, тщеславными и раздражительными. Массы боготворят диктаторов и считают их «великими людьми», тех, кто в действительности погружен в тщеславие, гордость, самолюбие и эгоизм до безумия. Мы восхищаемся деловыми людьми. Герберт Уэллс, например, будучи молодым, читал книги С.Х. Хинтона, полные странных идей. Хинтон был математиком, изложившим свои идеи в форме историй - научных романов; но он был посредственный писатель. Уэллс был хорошим дельцом, предпринимателем. Он развил некоторые из идей Хинтона в «Машине Времени»

и других книгах и сделал себе имя и деньги. Хинтон же остался в тени.

«Люди могут воспринять истину лишь в форме мифов и историй. Другая книга Гурджиева, над которой он сейчас работает, «Истории замечательных людей», которых он встретил, является шедевром коротких историй в повествовательной форме - историй, содержащих фрагменты истины. Кстати, Гурджиев в молодости изучал индийскую философию, и позже читал книги мадам Блаватской, и когда он путешествовал по Индии и Тибету, то открыл, что девять из десяти ее ссылок не основывались на личном знании. Он говорил, что ему стоило нескольких лет проверить это. В Тибете он был не иностранным агентом; он устроился сборщиком податей с монастырем для Далай-Ламы и был способен в этой роли проникнуть в любой монастырь. Он открыл примеры ненормального развития «высшего продвижения», как называют «магические силы», но он говорит, что нашел мало, за исключением некоторого в определенных танцах и церемониях, того, что может быть описано как объективное знание. Большая часть сил, развитых некоторыми монахами, была отклонением от нормального и интересна, но не необходима для метода саморазвития людей западного мира, тех, что он имел в виду. Но жизнь тибетцев была намного менее испорчена и гораздо ближе к нормальной жизни, чем, возможно, в любом месте планеты в наши дни. Она в меньшей мере была подвержена вырождающему влиянию западной цивилизации, с одной стороны, и разрушающему влиянию коммунизма, с другой, чем в любой другой стране. Но недалеко то время, когда «море грязи», как называл Гурджиев эти две силы, поглотят жизнь тибетцев, как задушили они старую жизнь на всей планете.

«Во время путешествия в Тибет Баалзебуб описывает, как он и его компания должны были окружить себя ночью кострами, чтобы уберечься от диких зверей. Когда мы в состоянии самовспоминания, то находимся в безопасности от

атак отрицающих эмоций Когда мы спим с открытыми глазами, «ночью», они атакуют нас Будда учил методу. Он обучал своих учеников? как переносить неприятные проявления в других, но постепенно они сошли с пути и, в конце концов, достигли пределов интеллектуализма, когда «жизнь» уже невозможна На Западе также есть люди, интеллектуально знающие каждую вещь относительно буддизма, но ничего не понимающие в своем «бытии». Будда, подобно Пифагору и Иисусу, был практиком, а не только оратором

«Нам нужно приложить главу об обезьянах к самим себе. Мы являемся родом обезьяны, карикатурой на нормальных людей, существо. Есть случаи - спекулятивная философия - имеющие дело со словами и концепциями; жречество, имеющее дело с символами, которые оно давно забыло; финансисты, забывшие цель денег и относящиеся к ним как только к товару. Они работают с одним центром.

Посмотрите также на писания метафизиков - интеллектуальный центр пытается заниматься самим собой. Интеллектуализм есть только слова и не оказывает влияние на эмоциональный центр.

«Баалзебуб взял некоторых обезьян на Марс, чтобы увидеть, возможно ли сделать из них человеческие существа. Можем ли мы, обезьяны, работая по Методу, стать людьми, нормальными человеческими существами?»

«Во время нашего существования, пока мы вырастаем, сущность (в которой потенциально присутствует объективное сознание), задавливается, и остается только личность, в которой три центра становятся разделенными. Можно быть высоко развитым в одном центре, рудиментарно в другом, и быть атрофированным в третьем. До рождения эмбрион физиологически повторяет историю рода; после рождения, согласно Гурджиеву, мы повторяем историю планеты; два центра раскалываются, объективное сознание уходит вглубь, появляется пустыня, эмоциональная пустыня. Ментальный центр, который должен быть активным, отцом, не ищет больше инстинктивный центр, который должен быть пассив-

ным, матерью; и тогда вместо того, чтобы произвести прими ряющий результат, представленный ребенком - эмоциональ ным центром, ментальный центр становится, как это бывает, гомосексуальным; приятное возбуждение вместо нормально го совокупления, слова и слова — ментальная мастурбация Обезьяны - это существа, чья активность не находится в согласии с объективным разумом.

«Йоги - это другой тип - самоабстрагированные, заня тые только ментальными процессами».

«Ни один из нас здесь не работает с тремя центрами одновременно; мы также в основном заняты словами. В этом смысле мы механичны, а поэтому греховны, отделившись от славы Божьей. Огромная сила и бытие Гурджиева являются результатом его жизни и работы одновременно в трех центрах. Это реальная работа В Институте в Фонтенбло нам показали как работать с тремя центрами. Движения и танцы здесь в Нью-Йорке являются средством для этого»

«В Египте Баалзебуб ввел себя в некоторое «бытие состояние», называемое «Сурптакалкнян-созерцание», в ко тором было возможно читать мысленные формы, называемые «Коркаптилнянные мысленные нити», оставленные прежними существами, достигшими объективного разума. Но они могли быть прочитаны и поняты только теми, кто достиг необходимой степени объективного разума, подобно Гурджиеву, например, некоторые другие, подобно святым и мистикам, могли читать их, но только случайно и частично; и они никогда полностью не понимали. Некоторые патологические типы могут вырвать оттуда отдельные части и делать из них бурду. Эта идея может пролить свет на явления, подобные автоматическому письму, ясновидению, откровению

«Когда Мэйбл Коллинз написала автоматическим письмом «Свет на Пути», Блаватская сказала, что это был перевод очень редкой книги, неизвестной на Западе. Но теософы не имели Метода; и их учение, лишённое дисциплины метода,

стало разжиженным подобно известному куриному бульону профессора Кишмехова.

«В «бытии-состоянии, называемом Сурптакалкнян-со-зерцание», Баалзебуб узнал о Белкутаси, основателе Общества Акхалданов. Однажды Белкутаси осознал глупую ошибку, которую он совершил, и, вместо того чтобы оправдать себя и выкинуть ее из ума, он начал рассматривать всю свою прошлую жизнь серьезно и беспристрастно. В результате своих размышлений он обнаружил, что этот инцидент не более глуп, чем другие действия в его жизни; но, став более ясными, они казались еще хуже.

«Как часто вы и я делаете вещи настолько глупые, что если бы они были обнаружены, то похоронили бы в руинах нечто ценное?»

«Балкутаси, беспристрастно рассмотрев свою жизнь, отрыл, что не было соответствия между тем, что он желал бы делать, и тем, что он делал; всегда были противоречия между его желаниями и теориями и действительными делами. Он пришел к заключению, что является, должно быть, дураком особого рода и что невозможно, чтобы его друзья и знакомые были так же глупы, как он, так как они казалось были хорошо сбалансированы. Затем он обратился к своим друзьям, признав свою глупость и попросив их сказать ему все в лицо. Его искренность обезоружила их, и они начали сознавать, что они тоже вели бессмысленную жизнь. Они образовали научное общество для исследования значения и цели существования и стали искать лекарство для исцеления существ, обладающих тремя центрами-, каждый из которых говорил на своем языке Они начали как небольшая группа — не для «признания своих грехов» в оргии эмоций, а для того, чтобы говорить в ней о своих ошибках и слабостях и пытаться беспристрастно разобраться в них. Рассмотрев свою прошлую жизнь и настоящее поведение, они сформулировали результаты для группы. Позже они подразделились на пять групп.

«Вы следите за смыслом этого? Начинаете ли вы понимать, как нам нужно применить это к самим себе?»

«Одна из этих групп занималась математикой в ее широчайшем смысле. Гурджиев говорил, что жизнь основана на математике, все величие искусства и музыки имеет в своей основе математику. Мысли имеют вес и скорость, чувства — интенсивность, мускульные движения - напряжение. Можем ли мы объяснить и наблюдать разницу между этим весом, интенсивностью и напряжением? Чтобы сделать

это, необходимо ввести в психологию меру. Современная психология есть лишь физиология. Это может измерить и взвесить в себе и отличить по этому признаку две мысли? Например, Гурджиев говорит: «Время - это Уникальная Субъективность». Сравните это с томами Александра в Пространстве, Времени и Божестве и т.д. Александр говорит: «Время есть отец пространства»; и в этом больше принятого, чем понятого; это так причудливо, что с 'ним нечего делать. Фраза Гурджиева много весомее, и она сразу оказывает сильное впечатление. В индийской философии часто говорится: «Время - это я». Это подобно Гурджиевской фразе, но иного веса.

«Эмоции. Американцы иногда говорят: «Я без ума от этого», хотя при этом имеется лишь очень маленькая степень интереса. Те, у кого эмоции реальны, не пользуются превосходными степенями для посредственных чувств. Те, у кого бывают истинные эмоции, если даже говорят о сильном опыте, будут, если они могут мыслить более интенсивный опыт, пользоваться сравнительными степенями.

«Можете ли вы различать между степенями стресса? Разницу, скажем, между стрессами весом в семь и девять фунтов?

«Мы должны пытаться видеть, проявления, возникающие из нашего восприятия. Мы получаем восприятия и проявляем их результаты.

«Другая группа исследовала скорость вибраций. Как мы можем сознательным трудом и намеренным страданием по вышать скорость вибраций.

«Четвертая группа изучала физику и химию. Среди других вещей они рассматривали изменения, произведенные в них самих прохождением восприятий.

«Пятая группа изучала явления, происходящие внутри их самих в результате работы трех центров

«После изучения явлений, включенных в эти пять кате горий, они открыли, что необходимо кое-что еще, и решили послать делегацию, чтобы обнаружить более продвинутых студентов, чем они сами. Они направились в Африку. Африка в этом контексте представляет род карикатуры на организм; но где инстинктивно-двигательный центр, эмоциональный и ментальный? В этой главе есть также описание древнеегипетской системы и метода саморазвития, самосовершенствования и объяснение системы Баалзубуба. Эта система была удивительно приспособлена к людям того времени, так как и система Баалзубуба к людям нашего времени.

«Наша эмоциональная система - это климат или разнообразие климатов. Можете ли вы описать изменение ветров вашего настроения? Можете ли вы измениться от низкого подавленного состояния к ясному светлому дню? Ответ в настоящее время гласит: «нет». Пока мы остаемся такими, какие есть, мы зависим от каждой встреченной личности, каждого события, пищи, которую едим, мы - игрушка любого дующего ветра.

«Древнеегипетские жрецы имели сознательную цель. Обучая своих учеников, как изменить субстанции отрицательные в самих себе в положительные, они производили также изменения во внешней жизни Египта использованием примеров объективного искусства. Греки называли их «Мастерами Снов» - не жертвами. Сфинкс, например, есть копия оригинала, существовавшего в древней Халдее. В оригинале фигуры три части были соединены; четвертая изолирована янтарем. Египетский сфинкс означал вопрос «Почему?» У него не было крыльев; ибо сущность, стимулирующая вдохновение, отсутствовала (была потеряна)

«Расцвет греческой культуры был косвенным результатом том контакта философов с египетскими школами. Как прр красно ухоженные сады не возникают случайно, но появля ются из за рода сознательной любви со стороны садовников, так и расцвет истинной культуры любой цивилизации происходит из-за работы нескольких сознательных личностей Пифагор, Сократ и Солон среди других учились в Египте

«Если мы обдумаем рассказы Баалзубуба и сформулиру ем их в своих собственных терминах, то разум должен будет служить одной из его функций - для укорочения периода, необходимого для саморазвития; снабжать нас средством делать его короче, чем достижение цели путем метода проб и ошибок чувств.

«Пятый спуск Баалзубуба связан с тем, что он заметил с Марса укорочение жизни человека. Он спустился на Землю для исследования. В тогда современном ему Вавилоне нача лась дегенерация психики человека. До этого концепция науки в Вавилоне основывалась на развитии нормальных возможностей человека; само собой подразумевалось, что одна из обязанностей жизни состоит в развитии второго и третьего центров, или тел - так же как само собой подразу мевается обычное образование в наши дни. Жизнь древнего Вавилона была организована для этого; искусство, литература и другие занятия были подчинены этому. Но когда интуиция и потенциал ослабели, свое место заняли механи ческие цели; объективные ученые были вытеснены «учеными новой формации», у которых не было интуиции, но которые изумительно владели механической техникой. Аккумулиро валось всевозможного рода знание, понимание же ослабело Новые ученые стали заниматься, как я бы сказал, анатомированием тела Вселенной; разрешением вопроса «Как», а не «Почему» - видеть все через часть двигательного-инстинктив

ного центра. Как это произошло там, так получилось и теперь, но еще более интенсивно. Человек, бывший мечом, был скручен в знак вопроса.

«Можем ли мы в этой жизни развить наши эмоциональные и ментальные возможности, стать Платоном или Нура и что в нас временами было нормальным. В этом падении от интуиции и понимания к рационализму наступает деградация религии и вторжение пагубной идеи добра и зла.

«Каково наше мировоззрение? Есть ли космос результат чистой случайности? Управляется ли он всемогущим и благоволящим Существом? Завишу ли я от благосклонности Провидения? Не является ли мир чем-то вроде колонии для преступников или «Долиной Слез»? Или, могу ли я рассматривать мир как школу, в которую я послан, чтобы приобрести определенное понимание, род гимназии, в которой я могу развить свои потенциальные возможности?

«Мы должны пытаться установить для себя свое понимание жизни».

«Первое чтение «Рассказов Баалзебуба» должно быть очень мучительным для некоторых из вас; они подобны египетским иероглифам. С научной точки зрения это абсурд. И все же, постоянное чтение отодвигает темный занавес, за которым, казалось бы, ничего нет.

«Во время Пятого Полета к Земле Гамолинадир представляет высшую форму обычного разума, принимая во внимание то, что он ничего не знает о состоянии после смерти. Случайно, когда я говорил об этой главе Гурджиеву, он сказал, что он не литератор, но он собрал материал в Баалзебубе, из которого поэты и писатели сделают эпос.

«Бессмысленно пытаться достигнуть буквального понимания Баалзебуба; это - миф, а миф есть аллегорическое чудовище для шокирования ума, так же как и художественный символ шокирует воображение. Постоянное чтение книги иногда кажется притупляет ум, но, парадоксально, оно пробуждает понимание.

«Гамолинадир читает статью о «Неустойчивости Человеческого Разума». Он первоклассный ученый, бывший во всех школах, включая египетскую. Подобно другим он предполагает, что ум, как и рука, был естественно развит эволюцией в соответствии с потребностями; но вся эта наука и тренировка не помогли ему разрешить даже один из вопросов, относящихся к следующему: «Что происходит после смерти?» Он написал на эту тему книгу, которой все восхищались. Он допускал, что согласно теориям других исследователей, в одном состоянии восприятия человек есть только тело; в другом состоянии, что он есть только ум; в третьем, что человек представляет собой бессмертную душу, попадающую в назначенное ей место после смерти. Он говорит своей ученой аудитории, что у него нет личного опыта этого вопроса, и что он ничего в нем не понимает, и поэтому просит каждого, у кого есть метод или средство к знанию, которое он пытается получить, сказать ему об этом. Никто не отвечает. Тогда, полностью лишившись иллюзий, он, рыдая, выходит из зала с тем, чтобы никогда не возвращаться. Он уезжает на свою ферму, чтобы выращивать Чунгари - бытие-пищу. Таким образом он входит в эзотерическую школу, где можно научиться работать над собой.

Его состояние - наше состояние».

«В этом месте Орейдж рассказал нам, что как издатель «Нью-Эйдж» он прочел все на Западе и Востоке, что касается религии, философии, психологии и науки; он дважды прочел Махабхарату; он был другом художников, музыкантов, ученых, психологов; он встречался с каждым в интеллектуальном мире и был знаком с каждой теорией, религиозией, научной, теософической, психологической, экономической и политической, - и, несмотря на все это, он обнаружил, что при всем этом знании он почти ничего не понимает относительно смысла и цели существования, или относительно того, что происходит при смерти. Когда он встретил Гурджиева, он сразу понял, что это его учитель; и в возрасте пятидесяти лет,

разочарованный обычной жизнью, он бросил все, чтобы пойти и работать в Приере в Фонтенбло. «Гамолинадир, — добавил он, - есть карикатура современного разочарованного мыслителя, чье рассуждение недостаточно для объективного заключения».

«Словесное мышление, - продолжал Орейдж, - основано на опыте слова; формальном мышлении - мышлении формами — в гурджиевском значении основано на опыте посредством чувств. Человек, читавший о верблюдах, но никогда не видевший ни одного, может долго рассуждать о верблюдах, но что стоит его мнение о том или ином типе верблюда по сравнению с мнением человека, выращивающего их? В нашем обществе необходимы оба рода мышления, ибо существование общества зависит от людей, держащихся вместе, а это зависит от общения посредством слов — которые, для этой цели, являются символами; они подобны знакам, бумажным деньгам, в отношении золотого запаса. Эта бумага-имеет хождение, но не имеет цены, или, скорее, имеет символическую цену. Рассуждение посредством слов, подобно бумажным деньгам, в сильной степени подвержено инфляции. Нам следует иметь полную ясность относительно достоинств и недостатков словесного мышления, ибо на нем основано столь много из того, что называется образованием, преподаванием и популяризацией; но оно не подкреплено действенным опытом.

«Словесное мышление - это работа одного лишь интеллектуального центра. Никто из присутствующих здесь еще не заметил, что наше стремление к излишнему использованию слов вызвано недостаточным функционированием мыслительного центра на его собственном месте. Мыслительный центр имеет энергию для объективного мышления, но из-за использования не по назначению эта энергия идет на словесное мышление. Эта энергия есть вид сексуальной энергии, и наше словоизлияние происходит из-за злоупотребления сек-

суальной энергией, которая должна идти на развитие объективного разума. Изучите главу об обезьянах

«Мы не можем понять объективного рассудка в свете рассудка субъективного. Объективный рассудок (ум) означает конец субъективного рассудка, затем начинается совершенно иной опыт.

«Постоянное изучение и чтение Баалзуба может привести к изменению позиции, после чего мы начинаем понимать, - и рассуждать на ином плане. Конец субъективного рассудка, как в случае Гамалинадира, есть полное отчаяние. К счастью, у нас есть Метод, посредством которого может быть развито объективное мышление».

«Эмоции и идеи существуют постоянно так же, как и физические объекты, но объекты распадаются быстрее, чем идеи. Что осталось от физических объектов, созданных, например, древнееврейским народом? Ничего, но их религиозные идеи все еще существуют и все еще жизненны - хотя мы и не знаем, как использовать эту жизненность. То же самое относительно идей древней Индии, сохранных в Махабхарате. Что осталось от физических объектов, созданных теми же индусами? Ничего, кроме развалин похороненных в земле городов. И все же идеи Махабхараты будут вливать жизнь в нашу литературу еще сотни лет спустя.

«Словесное мышление опасно, ибо слова суть разновидность, сущность явлений, созданных людьми и способных создать вид опыта. Лозунги, подобные: «Вся власть рабочим» и «Свобода», возбуждают человеческие эмоции и наполняют их живой фантазией. Когда же они получают свою известную свободу, они немедленно начинают отбирать власть и свободу у тех, кто с ними не согласен.

«Спекулятивное мышление отдельно от своего словесного выражения не представляет никакой ценности. Гурджиев ставит его ниже всего, ибо оно не ведет ни к формальному, ни к объективному мышлению.

«Нам следует делать постоянные усилия, чтобы приобрести способности различать «растительные», «животные» и «человеческие» идеи, которые являются идеями различных планов. Идеи и эмоции имеют свое место на шкале. Есть эмоции, расширяющие бытие, есть эмоции, сужающие его. Это вопрос скорости вибраций. Оживляющие идеи и эмоции имеют высокую скорость вибраций».

Некто спросил: «Что такое интеллектуальный тип? Не является ли Гамлет примером?»

Орейдж: «Нет, Гамлет это ничего «неслышащий» интро-верт (человек, сосредоточенный на своем внутреннем мире). Центры связаны между собой магнетической связью, которая, будучи разорвана, приводит ко сну, давая таким образом возможность центрам отдохнуть от симпатических вибраций. Магнетическая связь между гамлетовскими центрами была изношена до такой степени (стола столь тонкой), что он практически спал все время. Его реальной жалобой было: «Почему, когда мой интеллектуальный центр так возбужден, я не могу чувствовать ужаса этого кровосмешения и убийства и почему я не могу действовать?»

«Каждый раз, когда мы совершаем усилие обратить наше внимание внутрь к самим себе, к тому, что мы делаем, вспомнить самих себя, центры соединяются».

«Законы ассоциаций имеют приложение к практическим делам. Например, относительно веса мысли: если за тяжелой мыслью последует легкая, эффект первой разрушается. Значительный интервал между ними, однако, оставил бы первую нетронутой. Кроме того, вы можете привести слушателя в плохое настроение согласно его центру тяжести. Искусство психолога должно состоять в понимании и использовании этих законов и законов вибраций».

«Как было сказано, человек должен тратить половину или по крайней мере треть своей жизни на размышление. Хелкдонис также относится к усвоению пищи, как и размышления к впечатлениям».

Один из нас сказал: «Человек должен делать усилие, чтобы разрешить борьбу между утверждением и отрицанием, или, иначе, впечатления не коснутся сущности, а останутся лишь в качестве запаса информации?»

Орейдж: «Да, иными словами, размышление есть нейтрализующая сила мысли. Без нее организм остался бы лишь с положительным и отрицательным вкладом. Размышление есть взвешивание идей. Размышление должно включать ясность».

Вопрос: «Чем размышление отличается от медитации и созерцания?»

Орейдж: «На шкале мышления есть отметки, Соль -концентрация, Ля - медитация, Си - созерцание. Но каждая все еще процесс мысли, в который может войти эмоциональное; и оно должно присутствовать в размышлении, которое мотивируется эмоциональным центром, личным отношением к предмету размышления. Размышление - это сущностное мышление. Если нет эмоций, размышление становится

взвешиванием; размышление - это установление ценностей взвешиванием; иначе оно есть прояснение и логика».

Вопрос. «Как вы различаете импульсивное действие от действия, обязанного размышлению?»

Орейдж: «В размышлении взвешиваются склонности и нежелания в противоположность мышлению, в котором взвешиваются идеи и понятия. Содержание эмоционального центра - симпатии и антипатии - суть единицы веса в отношении большего или меньшего бытия.

Размышление - это ассимиляция третьей пищи. Вместе с псалмопевцем мы можем сказать: «Когда я смотрю на небеса, Луну и звезды, которые ты расположил там», я спрашиваю «Что есть человек, о котором заботишься ты, и сын человеческий, которою отметил ты?» Это вопрошание после созерцания: «Что есть Я?» - переход от ноты Си -октавы мышления - к До - октавы размышления. Размышление это - мышление с эмоциональным центром (его мысли-

тельным подцентром), который есть месторасположение сущности. Говорят, что этот подцентр есть наиболее развитый из всех подцентров

«Предположим, что наше состояние бытия зависит от нашей способности служить Творцу, что наше будущее бытие, наша жизнь, зависят от создания нами ценностей, соответствующих идеям Творца Незнание целей - смысла и цели существования — этих объективных ценностей есть материал для размышления Индивидуальный вопрос, существуем ли мы по воле Существа, производит желаемые ценности. Этот вопрос не интеллектуален, ибо мое *бытие* зависит от моего понимания.

«В книге постоянно проводится различие между существованием и бытием. Ценности, определяемые согласно симпатиям и антипатиям, инфантильны; исчисление ценностей согласно критерию благосостояния планетарного тела есть существование; хорошее или болезненное состояние Моего бытия одновременно с существованием и, в то же самое время, продолжительно. Размышление - это активное стремление к бытию, то напряжение в бытии, которое связано с непрерывностью бытия «Оно» может мыслить, но «Я» может только размышлять. Тонкая машина, или тело, к концу существования может найти «бытие» съезжившимся почти в ничто.

«Когда вы рассмотрите то, что бытие Создателя зависит от роста и развития бытия его творений, вы увидите, что Он не может быть враждебен к любому усилию, которое мы совершаем для расширения своего бытия. Состояние бытия динамично, оно движется к осуществлению самого себя. Субъективная позиция по отношению к этому вопросу определяется размышлением. Спрашивают: «Какой мой статус не только как Трогаавтоэократической машины, но и в отношении космоса?» Может быть, когда мы подойдем к концу нашего планетарного существования, нас спросят:- «Каково теперь ваше состояние бытия по сравнению с тем, бывшим тогда, когда вы только вошли в этот промежуток существо-

вания? Возможно, нас принудят перенести другой ряд планетарного существования, заслуживающего степени наших заслуг, - возможно существование в животном царстве.

«Намеренное мышление» есть мышление с целью, с вниманием Оно предполагает контроль; не просто мышление по ассоциации; контроль низшего мыслительного центра высшим мыслительным центром; формирующего аппарата -посредством «Я».

«Обычный ум постоянно отвлекается, возбуждается поступающими впечатлениями, и его содержание уже там.

«Парабола, с точки зрения Гурджиева, есть (правда) истина по меньшей мере для двух, а обычно для трех центров, со смешанным значением Парабола — это язык, разговор мифических персонажей, являющихся сознательными представителями полностью развитых существ. Вы знаете, как мы приписываем более чем просто словесное значение словам относительно развитых существ - «Вкладывайте в них больше (смысла)» Например, существует миф о Гурджиеве, что он не мог чего-либо попросить за обедом без того, чтобы некоторые ученики не подумали, что его вопрос параболичен и что он хочет чего-то иного.

«В своей октавной форме парабола проходит от аллегории через параболу, с включением своего значения, до тех пор, пока не становится непреложной истиной, способной к переходу в семь форм. В параболе факты одного плана сопоставлены с фактами другого плана. В общем, книга Гурджиева есть мифологическая парабола. Когда он пишет о рассеянии рас, он пишет о центрах; хотя это более чем форма аллегории.

«Чудеса, описанные в Библии, очевидно, происходили не так, как о них думают. Некоторые из них, по-видимому, были проявлениями законов высшего космоса в низшем. Некоторые из истории чудес написаны столь правдоподобно, словно они происходили на самом деле. Подлинная парабола должна читаться с пониманием; ее внутреннее значение

лежит не на поверхности и не на том же самом уровне, что и грубый рассказ. Ум, воспринимающий написанный текст, есть интеллект, не способный к пониманию. Но ум размышляющий может понять.

«Значения слов изменяются столь сильно, что даже термины Евангелий стали нам непонятны - хлеб, рыба, верхняя комната и т.д. суть технические термины, которых мы сейчас не понимаем. Точный

смысл не имеет значения в параболе, за исключением того, что, поскольку они существуют в нашем языке, то подразумеваемое значение должно быть всегда понято.

«Возникает вопрос, как можем мы найти ключ к параболе. Какое значение могла бы иметь книга Гурджиева без Метода! Не то что некоторые люди, никогда не работавшие в группе, не получают многого из книги; но то, что без практического опыта Метода, более глубокое ее значение не может быть понято. Что есть Библия без ключей? Я утверждаю, что подразделение Библии на Старый и Новый Заветы имеет параболическое значение. Старый (Ветхий) Завет есть триада - до, ре, ми; затем - шок от появления воплощенной Вселенной, после чего рассказ продолжается от истории Иисуса к истории Христа, рожденного в интервале. Таким образом, Ветхий Завет должен быть параболической историей развития человека через три низших центра, а Новый Завет - через три высших центра, с наличием, конечно, соответствия между ними. Св.Павел перевел некоторые из ветхозаветных историй в значении Нового Завета, историю Агари, например Иисус относится к Ветхому Адаму и Новому Адаму Обещание обозначает потенциальность, и очень немногие люди, как сказано в Ветхом Завете, имеют обещание (прощение) Ветхий Завет есть историческая параболла; Новый Завет — психологическая параболла. При отсутствии ключа интерпретация многого в книге Гурджиева - так же как и в Библии - может быть воспринята как бессмыслица.

«В Новом Завете сказано, что практикующие этот Метод получают сокровища как нового, так и ветхого. Он увеличивает внутренние умственные возможности для одних вещей и должен дать вам еще большие возможности памяти для использования в работе».

Вопрос. «Является ли теория Эйнштейна параболой?»

Орейдж. «Нет, это код, а не язык. В параболе используются общепринятые термины».

Вопрос. «Что вы скажете относительно пророческих книг Блейка?»

Орейдж. «Они - сложная аллегория и поэтическое воображение».

Вопрос. «А что относительно Кольца Вагнера?»

Орейдж. «Это аллегория. Вагнер начал как аморалист, но не смог придерживаться этого - он стал христианином, в высшей степени сентиментальным, прекраснотеленным и слабым Суинберн - инфантильный атеист, подобно Хелли, «в крови, но не согнувшись»; правдоподобно, но не космично

«Если во время чтения поэзии вы продумаете, что было бы сказано, а что подразумевалось в прозе, вы получите двойное удовлетворение Музыка также имеет это двойное содержание. Но большая часть музыки, так же как и поэзии, лишь напыщенность. Если вы сведете Вагнера к прозе, вы обнаружите, что он невозможно банален. Бах и Палестрина имеют кое-что сказать, Бетховен - лишь иногда. К несчастью, мы в отношении к музыке все равно что большинство детей к поэзии, - если звучит хорошо, значит - хорошо».

Вопрос. «Имеем ли мы право ожидать интеллектуального анализа музыки?»

Орейдж. «Это то же самое, когда поэт говорит, хотя ему нечего сказать своей поэзией».

«Точно так же я теперь говорю о восприятии содержания музыки отдельно от ее звуковой формы - нам нужно уметь читать парабола, игнорируя то, что они говорят явно, и возвращаясь к реальному содержанию «в прозе». Парабола

исходит от всеобщего утверждения, именно поэтому мы не способны писать их, или настоящие сказки, содержащие в себе космическую истину».

Задали вопрос относительно разницы между мышлением и «бытием-мышлением».

Орейдж: «По-видимому, некоторое время термин «бытие-мышление» был общеизвестен и использовался как «субъективный» и «объективный», он восходит в глубь веков не далее как к Колериджу, взявшему его в Германии, хотя он имеет латинское происхождение».

«Два рода умственного процесса, о которых говорится в прологе книги, становятся двумя динамичными реками эпилога».

«Хассейн говорит: «Веди это мышление во мне». Ум — всегда «мышление», и если мы берем его в руки и направляем мышление, то это есть активное бытие-мышление; это результат освоенного опыта, ставшего неотъемлемой частью нашего бытия. «В бытии-мышлении» мы совершаем умственный процесс с материалом, который, поскольку он является частью опыта, имеет эмоциональный элемент. Вместо того, чтобы оперировать словами и их ассоциациями, что делает возможным словесную логику, мы должны пользоваться опытом и ассоциациями, связанными с ним, все это делает возможным бытие-логику».

«Размышляя, я ассоциирую больше с взвешиванием ассоциаций. Активный бытие-умственный-процесс используется в таком мантраме, как: «Я желаю вспомнить самого себя». Когда с каждым словом вы связываете наиболее живое представление (переживание, опыт), связанное с этим словом; и лишь тогда вы находитесь в состоянии желания вспомнить самого себя».

«Формальное понимание — понимание формы — осуществляется бытие-мышлением (умственным процессом)».

«Гурджиев часто говорил, что ценность бытие-умственного процесса в активном рассмотрении всего опыта, какого бы предмета вы не касались».

«В словесном рассуждении мы заменяем реальный опыт ассоциациями. Мы не можем даже исследовать характер объективной истины и характер (особенности) техники ее достижения.

«Мы пришли к заключению, что имеем два вида рассуждения, формальное (т.е. с помощью форм) и ассоциативное, и различие делается без ссылок на объективный -рассудок. Нельзя развить объективный рассудок до тех пор, пока центр тяжести остается у нас в ассоциативном мышлении; мы должны идти от формального к объективному. Материал, основанный на языке жестов, поз, тона голоса, выражения лица и движений, есть материал формального мышления, и метод Гурджиева основан на перемещении центра тяжести к формальному, а затем - объективному мышлению с использованием этого материала».

Я спросил: «Приведет ли постоянное чтение «Баалзебу-ба» со временем к этому состоянию?»

Орейдж ответил: «Да, но если вы работаете по методу в это же самое время, вы достигнете этого намного быстрее. Никто не может передать или объяснить вам опыт объективного мышления; можно показать путь, но работать должны вы сами».

«Мы должны пытаться делать различие между ощущением и чувством, чувством и мышлением — тремя основными видами состояний. Люди воображают, что знают различие, но они постоянно смешивают ощущение с чувством. Начните с составления списка эмоциональных состояний. Как много разновидностей гнева, например, возмущение, токи раздражительности, ярости, бешенства, жёлчности. Личность в состоянии самовспоминания может наблюдать и быть осведомленной об этих различных состояниях, хотя, возможно, и не быть способной определять их в терминах. Вавилонские

ученые «новой формации» образовали «словесную аргументацию» и положили конец поискам «бытия»; тренированную интуицию они заменили словесной мыслью. Мы вступаем в мир образованными, но попадаем под коррупцию слов. Знание больше не является результатом бытия-опыта», а является лишь кристаллизованными понятиями».

«В Вавилоне было две школы морали - дуалистическая и идеалистическая, и материалистическая или атеистическая. Первая предполагала, что в мире существуют два принципа - добра и зла. В самом себе мы обнаруживаем тенденцию классифицировать вещи подобным образом не только в отношении самих себя, но абсолютно. Для каждого вида естественно классифицировать вещи по отношению к своим нуждам и потребностям. «Эта трава хороша для меня», -говорит лошадь; «Это бренди хорошо», - говорит человек; но это не подразумевает характеристику объекта самого по себе. Если я скажу: «Это хорошо в самом себе (само по себе)», я выражу свое личное отношение. Это двойное использование слова «добро» (как хорошо) есть причина большинства наших конфузов (путаниц, неразберихи); и это ложное применение личностных ценностей мы называем моралью. Хотя Гурджи-ев сказал, что во Вселенной имеется объективное зло, ничто, что мы знаем не может быть универсально хорошим или плохим. Несмотря на то, что нам это известно, никто из нас не может удержаться от использования слов «добро» и «зло» (хорошо и плохо), и от чувства, что мы имеем на это некоторое право; это результат образовательной системы, возникшей еще во времена Вавилона. Субъективная мораль приходит тогда, когда начинает разрушаться объективная мораль

«Вторая школа, материалистическая, пришла к заключению, что нет духа, нет бытия, нет «души». Для современного бихевиориста, социалиста, интеллектуала человек - это только разновидность животного, воспринимающего впечатление и выделяющего поведение; они заняты внешним поче-деш ем, утонченной психологией. Система Гурджиева соглас-

на с тем, что человек есть машина; но эта система начинается там, где кончают бихевиористы. Человек имеет возможность стать живой душой, способен достичь объективного рассудка (разума)».

«В Баалзебубе одним из намеков является концепция нормального человеческого существа. Мы не можем мыслить нормальным человеческим существом среднего человеческого индивидуума. Это различие между средним и человеческим очень важно. В книге дается определение нормального человека, но для того, чтобы понять это, необходимо долгое время размышлять. Гурджиев часто говорил: «То, что я говорю сейчас, вы поймете через год или два, а может быть, и через десять лет», хотя его утверждение и было ясным.

«В нормальном мире молодой человек (или девушка) в возрасте примерно двадцати одного года начали бы обнаруживать в себе, совершенно естественно, развитие того состояния сознания, которое мы называем самосознанием в истинном значении термина; он стал бы осознавать себя, свое тело в смысле психологического обладания им; это случилось бы естественно и сопровождалось бы появлением определенных интересов. В возрасте около тридцати лет наступила бы другая фаза, в которой он осознал бы мир, в котором он живет, эту планету и другие планеты, и его отношение к ним. Это происходило бы с индивидуальными отличиями, но характер фаз был бы тем же самым. Он стал бы - как говорил Гурджиев — не «Молодым человеком в кавычках, с приятной внешностью и подозрительной внутренностью», но молодым человеком, сознающим себя, цель жизни, ее место и свои функции в ней.

«Но на этой планете из-за ненормальной жизни на ней эти фазы происходят с различными молодыми людьми более или менее хаотично и сопровождаются периодами взрывов и отчаяния. Ничто не идет так, как ему следовало бы логически идти.

«Биалзебуб поставил перед собой задачу раскрыть, почему так произошло. Как я сказал он просмотрел историю планеты (так же как для нас полезно просматривать историю своей индивидуальной жизни) и нашел, что с Землей произошла катастрофа; она раскололась, два осколка улетели в пространство — Луна и Анеулиос. Каждый из нас повторяет в самом себе этот раскол, но последствия, хотя и были серьезными, не были фатальны, поскольку Его Бесконечность дал нам возможность повернуть это несчастье к нашей пользе.

«Наше падшее состояние обязано следствиями результатов органа Кундабуфер. Теперь орган рудиментарен, но социологическая традиция продолжает давать последствия. В качестве условия нормального развития эта традиция должна быть раскрыта.

«Невозможно достичь внутреннего гармоничного само развития через социальные идеи - через синтез знания, имеющегося у нас. Все это бесполезно при отсутствии развития сущности, биологического зародыша

«Именно здесь происхождение идеи вновь рожденного существа - не в ходячем религиозном или оккультном смысле, но в смысле возвращения в биологическое состояние, в котором мы были до воздействия обществом. Здесь начинается Метод Гурджиева, практический метод самоощущения, самовспоминания, самонаблюдения - для внутреннего саморазвития».

«Сущность есть истина о самом себе в противоположность социальному и ожидаемому мнению о себе. Сущность - истина безотносительная ко времени, месту и чувствам каждого. Это то, в чем хотелось бы признаться, если бы от этого признания истины не было бы последствий. Это истина перед Богом. Личность есть истина перед человеком - перед миром, обусловленная вопросом: «Что будут думать люди?»

«Необходимо знать, что вы реально желаете. Когда вы раскрываете свое реальное желание (вечное возвращение

изменится), изменятся внешние обстоятельства и станут более подходить вашим желаниям. Дикое животное живет согласно сущности; в этом человек ниже животных. У домашних животных сущностные импульсы искажены.

«Социальность извратила нас; мы были пойманы ею такими молодыми, что стало почти невозможно различить между природным сущностным состоянием и нашим социальным, личностным состоянием. «Дивилизованный» человек не может достичь объективной истины; через обычные социологические условия нет возможности внутреннего индивидуального развития.

«Общество выбирает то, что должно быть развито из наших врожденных, сущностных возможностей. Я наследовало инструмент Я, как душа, будет развиваться согласно своей способности использовать возможности инструмента. Но с раннего детства окружение стимулирует развитие лишь части возможностей; и, возможно на всю свою жизнь, Я идентифицируется лишь с этой частью

«В то же самое время каждая личность находится в согласии с сущностью, хотя только с частью сущности. Если, так сказать, я есть фортепьяно, на котором играют лишь джазовые мелодии, я всю свою жизнь буду думать, что я есть джазовый инструмент, или если идентифицировался, например, с карьерой адвоката, я использую лишь часть своих возможностей. Но можно играть роль «как будто» вы идентифицированы с ней, и в то же время нет. Условия могут заставить вас играть одну роль всю жизнь, но, поскольку вы не идентифицируете себя с ней, сущность будет развиваться.

«В древней драме актеры стояли за кулисами. На сцене начиналась игра. Стоявшие за кулисами были обязаны в любой момент выйти на сцену, не имея понятия о роли, которую они должны были играть.

«Человек, живущий в сущности, может делать казалось бы противоречащие друг другу вещи, но все они соотносятся

с сущностью. Для того, чтобы быть способным жить согласно сущности, мы должны также развивать разум (рассудок)».

Вопрос: «Если мы будем действовать сущностно, не будем ли мы действовать негуманно?»

Ответ: «Не обязательно. Раскрытая сущность не обязательно бесчеловечна. Сущности часто лучше, чем мы их представляем. Нет ни одного из гурджиевских правил Объективной морали, которому бы сущность инстинктивно не подчинялась. Для большинства людей Луна - это дьявольское влияние и через орган Кундабуфер влияет на трехцентровые сущности. Это, словно сущность, прибыв от солнца и планет, достигнув Земли, схватывает простуду.

«В одном аспекте личность есть страх сущности. Говорят, что одна из Медичи, обучавшаяся (тренировавшаяся) в школе платоников, жила пятнадцать лет в монастыре и стала настоятельницей, затем она вернулась ко двору; она была способна играть роль до тех пор, пока ее разум диктовал это. Если мы имеем средства и знание, то сможем проследить сотни подобных случаев в Европе на протяжении средних веков и ренессанса.

«Гурджиев говорил, что сущность «желает», а личность «хочет». Поскольку я есть трехцентровая сущность, представляющая собой крошечную копию мира, Бога, в своей сущности я не могу иметь

того же желания, что и он. Я должен раскрыть желание этой сущности. «Имеется различие между субъективным и объективным сознанием; и если вы переживали всеобщую хвалу и поняли, что она ничего не означает для вас в смысле вашего объективного сознания, тогда вы начнете понимать разницу.

«Гурджиев жил от сущности согласно объективному разуму.

«Но для человека обычной жизни поведение сознательного человека и шарлатана часто неразлично. Отсюда истории, возникавшие относительно Гурджиева; и враждебность приспешников и некоторых из младших учеников. У созна-

тельного человека поведение определяется сознательной стороной, у шарлатана поведение бессознательно».

«Воля, сознательность и индивидуальность. Мы не должны тешить себя надеждой, что имеем хоть малейшее понятие о том, что они означают. Ближайшая аналогия для нас в настоящем — это желание, мысль и личность. Они определяют для нас ценность абстрактных, нереализованных, непережитых терминов. Различие между обычным желанием и волей есть различие между пассивным состоянием, в котором действует пассивная сила, и активным состоянием, в котором действуете вы сами.

«Я сам не вызываю желания - это случается во мне. Воля же самоинициативна. Если, как сказал Гурджиев, вы выберете некоторую маленькую вещь, которую вы действительно желаете, и принудите себя сделать ее, вы сможете пережить начало вкуса реальной воли.

«Каждое желание, которое мы переживаем, можно рассматривать как психологическое существо, каждое впечатление как единицу, играющую ту же самую роль в нашей душе, какую мы, индивидуумы, играем в жизни планеты. Гурджиев говорил, что если бы могли проанатомизировать себя психологически, мы бы увидели мириады существ - желаний, мыслящих организмов. Мы обнаружили бы целое население

«Личность есть полная сумма наших рефлексов - физических, эмоциональных, интеллектуальных; личность есть реагент. Индивидуальность есть способность действовать, не реагировать; она предполагает, что имеется существо, способное пользоваться телом. Одной из целей Метода является - сделать реальными различия, которые в настоящее время мы можем делать лишь интеллектуально».

Вопрос. «Можем ли мы сравнить волю, сознание и индивидуальность с Богом Отцом, Богом Сыном и Богом Духом святым? При этом Дух Святой является примиряющей силой, но сейчас - двойная личность с Девой Марией, которая сделала Сына, примирителем вместо Святого Духа?»

Орейдж «Это одна из тем дискуссий ранней католической церкви».

«Существа, - сказал Орейдж, - лишь тогда становятся индивидуальными - с тремя развитыми центрами - когда активная, пассивная и нейтрализующая силы находятся в естественном порядке: повторение первоначального состояния творения. Каждое сознаваемое нами желание исходит от одного из трех центров, а для других двух центров оно является неожиданным, прерывающим их работу. Когда все три центра имеют одно и то же желание, это как раз то, что мы называем Волей. Тогда человек может сказать «Я желаю» всем своим существом. Это есть «Я-есть-ие» (или Азъесмие») «Когда все три центра желают одного, вы не только разделяете желание; все существо в согласии. Психологические страдания прекращаются, но (напряжение остается) усилия продолжаются, с частыми чувствами разочарования, из-за бессилия Воли. С увеличением бытия наступает увеличение трудностей; но в то же время происходит увеличение силы.

«Одна из целей Метода Гурджиева - достижение состояния самосознания, которое мы без основания считаем сейчас присущим нам. Гурджиев не предполагает, как делают мистические и оккультные течения, что мы обладаем самосознанием. Человек потерял свой путь, упал в свое теперешнее состояние патологического будничного сознания и, пока он вновь не обретет свой путь, обречен. Этот метод создан для того, чтобы помочь ему.

«Все-наши физические и психологические проявления есть взаимодействия нашего организма и его окружения - лишение воли, то есть силы действовать по своей собственной инициативе. Таким образом, мы имеем Гурджиевское определение человека: «Человек - это существо, которое может делать». Из этого следует, что, в общем, мы не знаем человека, но лишь только «Людей» в кавычках. Если безво-

лие является естественным, возникает вопрос - «Какого рода активность необходима для развития воли?»

«Трудно убедить себя, понять и представить тот факт, что все психические и психологические явления того же самого порядка, как и физиологические явления. Процесс мышления, происходящий во мне тогда, когда я говорю, и вашего восприятия, когда вы слушаете, так же лишен роли, как и ощущения прикосновения при физическом контакте. Здесь имеется не больше воли, чем при впечатлениях, возникающих при прикосновении. Мы не считаем, что эти впечатления возникают от их собственной активности», они также не марионетки, ибо это должно предполагать кукольника. Наше состояние таково, что мы в большей или меньшей степени являемся теневыми фигурами на «нарисованном занавесе; который мы называем жизнью».

Ученик. «Но страдание реально?»

«Это зависит от рода страдания. Во сне страдание может казаться действительно очень реальным, и иногда вы можете помнить его долгое время спустя. В жизни, хотя мы и можем воскресить случай, страдание годом спустя может быть забыто «Ничто не высыхает скорее, чем слезы».

«Одна из целей мифа в книге - объяснить влияние Луны и Кундабуфера. Неудивительно, что у человека нет воли; удивительно то, что он верит, что она есть. Уверенность человека, вопреки очевидности и вопреки научному анализу, в том, что он имеет волю, есть один из эффектов Кундабуфера. Одним из первых результатов самовспоминания и самонаблюдения должно быть устранение этой иллюзии относительно воли. На определенной стадии практики Метода возникает убеждение в собственном безволии, убеждение в собственной внутренней ничтожности и механичности, безнадежность ожидания чего-либо реального в обычной жизни. В раннем христианстве это называлось «сознанием греха», сознанием того, что «утеряна родина». Это психологическое состояние необходимо, прежде чем существо может достичь воли или «спасения».

«Предположим, осознание безвольности достигнуто, тогда возникает вопрос, возможно ли родиться вновь и войти в реальную жизнь, и каким образом. И здесь, на пороге, стоит слово Воля.

«Говорится, что вопрос о Воле является тайной тайн. Реальная Воля, сила творящая, сохраняющая и разрушающая вселенную, непознаваема обычным мышлением. Бог, Абсолют, сотворил великую вселенную актом сознательной воли, преодолевающей инерцию, инертную материю. Когда мы на нашем маленьком пути развиваем реальную волю, то мы становимся подобными Богу, становимся Сынами Бога. Но как начинать? Снова я повторяю Гурджиева: «Возьмите какую-нибудь маленькую вещь, которую вы желаете сделать, которую вы сейчас не можете сделать, и заставьте себя сделать ее».

«Прихоть есть начало воли. Прихоть - это мука, воля - слон. Усилие Св.Патрика изменить ход человеческой истории, цивилизовать Ирландию, есть пример громадной воли.

«Конечно допускается, что вы изучали метод. Каждая попытка вспомнить себя беспристрастно есть, действие, маленькое действие к состоянию реальной воли - первый шаг, фактически»

Позднее, когда обсуждались добро и зло, Орейдж постоянно подводил учеников к этому пункту. Он говорил: «Каждый слышит вопросы и ответы на них исходя из центра тяжести, в котором он находится в этот момент. Его интерпретация зависит только от этого, от его субъективного состояния. Сущность принимает форму существ, занимающих в этот момент центр тяжести - это животное, ребенок или варвар; и каждую секунду психика меняет форму, и именно таким существам адресованы доктрины. Можете себе представить, как эти существа изменяют доктрину, услышав ее в одном или другом из трех центров. Неудивительно, что

Гурджиев всегда говорил о странной психике этих трехмозговых существ. Трудности мирового учителя огромны. Неудивительно, что это взял на себя Сын Бога - и его доктрина, по-видимому, потерпела неудачу — объяснить людям не сколько простых этических истин (доктрин)».

Существа на планете Пургатори воспринимают на божественном плане, вместе с тем они не способны делать это. Когда воля, сознание и индивидуальность развиты гармонично и одновременно", то, в процессе, мы очищены и можем быть освобождены от Пургатори. Развитие всех трех сразу есть анти-йога. Баалзубуб говорит Хассейну, что когда скорость в одном из центров слишком велика, необходимо понизить в нем активность, и привести другие два центра к подчинению четвертым центром. Это Ирамсамкип: «Я присматриваю за тремя (своими) центрами».

По определению, Абсолют есть все, рассматриваемое как одно. Абсолют, к которому мы относимся, если целокупность нашего мира. Этот самоподдерживающийся единый абсолют обладает двумя чертами: статусом кво и движением; статической и динамической чертами. Эти две черты предполагают план и чертеж, необходимый для поддержания и развития вселенной. Это развитие может быть названо планом кампании, а статус кво есть армия для осуществления этого плана. План имеет в виде своей конечной цели развитие потенциальных возможностей всех существ, входящих в полный план. Реализация плана состоит в достижении объективного разума, завершения «бытия» каждого из существ. План может быть осуществлен всеми существами вообще - а не полными Хаснамуссами. Возможности существ реализуются при осознании плана и развитии воли в согласии с ним. Достижение состояния сознания в согласии с планом может быть определено как добро, неудача в достижении этого состояния может быть определена как зло. План может быть раскрыт (по своей сути); но если этого раскрытия еще нет, все сообщения о его природе должны быть рассматриваемы как условная или

религиозная мораль. Рабское повиновение субъективной морали представляет собой объективное ошибочное делание. Текст книги Гурджиева утверждает, что принципы объективной морали заложены и выведены из первоначального источника существом, которое достигло его. Каждая великая религия, в своем источнике, учила объективной морали. Техника, метод даются и конструируются для приведения сознательности в объективную совесть (сознание), так как существо сможет понять и включиться в выполнение священного плана. С пониманием приходит ответственность существа за свое собственное развитие.

В настоящее время лишь объективно правильные вещи, которые мы можем делать, есть практика Метода, следствием которого является перевод объективной совести в сознание». «Душа это то, что не является телом. Она покрыта телом. Она есть существо, случайно (необязательно) покрытое планетной оболочкой. Физиология - это инструмент души. Внутри души возможно развитие трех центров.

Душа есть инструмент «Я». Концепция души не включает в себя физическое тело. Настоящее физическое тело есть эфирное тело. Гурджиев говорил о физическом (теле) как о планетарном теле.

Четыре тела: планетарное, физическое, эмоциональное, ментальное, - определяют тетарто-космос существ. Планетарное тело формируется планетарными субстанциями, физическое тело - излучениями планет. В эмоциональном центре есть дуальность субстанций - излучения планет и эманация солнца, которые составляют низшие и высшие эмоции, символизированные крестом. Каждый космос, включая Тетарто, есть трехцентровое существо, в котором происходит трансформация субстанций. Кесджан тело и ментальное тело есть высшие тела».

Вопрос: «Как вы определяете присутствие? Какое различие между присутствием и личностью?»

Орейдж: «Гурджиев ассоциировал «присутствие» с тем, что в этот момент присутствует в нас. Оно включает возмож-

ности в такой степени, в какой они начинают проявлять себя. О молодом дереве он говорил: «Молодое присутствие». Это и свершившийся факт в процессе свершения. Масса плюс энергия.

«Что касается главной черты, то одна ее характеристика в том, что вы принимаете себя таким, каким вы сущностно желаете быть».

«Чувство вины перед обществом происходит от субъективной совести, следствия субъективной морали. Бытие-вина (бытие-стыд) приходит от объективной совести - осознание того, что не удалось достичь того, что следовало бы».

«Пока мы не используем наши энергии для нормального физического развития, мы в буквальном смысле становимся ниже животных».

«Октава есть развитие трех первичных принципов - закон трех. В спектре есть лишь три основных цвета (вернее, в восприятии цвета - прим. перев.): красный, желтый, синий. Если в качестве аналогии мы примем красный как положительный, синий как отрицательный, а желтый как нейтрализующий, то в человеке теперь красный и синий переставлены местами».

Относительно парктдолг обязанности Орейдж сказал: «Это долг на трех языках, это сознательный труд и намеренные страдания. С одной стороны, это интеллектуальный долг стремиться к пониманию смысла и цели существования, эмоциональный долг чувствовать важность сохранения каждого существа и физический долг сделать тело (планетарное тело) способным служить вашим целям.

«Я никогда не был способен довести до вас чувство долга, который каждый из нас несет за то, что был инкарнирован. Каждая вещь, которую мы называем «естественной», есть создание существ, выше нас, дающее такую большую ценность, какую мы сможем пережить. Существование-восприятие в опыте инкарнации - стоит что-то кое-кому. Для того, чтобы чувствовать обязанность за это, необходимо понимать,

что означает платить за существование. Отсутствие этого чувства есть знак ненормальности и неспособности к любой концепции права. Мы ставим выше всего бесконечную ценность жизни, долгой и счастливой жизни, но самое главное, долгой. Обязанность за нашу жизнь не та, что чувствовалась бы в этом случае, а та, что чувствуется нормальным человеческим существом».

Ученик: «Тогда мы приходим к гамлетовскому «Быть или не быть».

Орейдж: «Гамлет не был нормальным, он сумасшедший. Он был типичным примером безвольности, отравленной немецкой философией. Вдумайтесь! Мы все можем оказаться под столом, стать ниже животных! А когда жизнь сформирована, число приятных переживаний, вообще говоря, немного превышает число неприятных».

«Буддисты определяют долг как «то, что должно быть сделано без ожидания награды, но которое не должно быть сделано, если мы намерены заработать награду».

«Начало взрослости (зрелости) есть желание отделить «Я» от «Оно». Зрелым становится тот, кто стремится произвести это деление' отделение «Я» от я. Взрослый человек может и не быть полностью сознательным в этом делении, но наличие этого желания указывает на вход в состояние духовной зрелости. «Без «Я» нет сознания Люди, имевшие момент самосознания, знают различие между этим и будничным сознанием. Космическое сознание еще более отличается -невозможно описать его, ибо нет записей о нем. « Космическое сознание» Бека описывает только самосознание Успенский сказал, что он убедился в отсутствии у себя самосознания, когда Гурджиев спросил его, где он поставил масляное пятно на свой жилет, и он не смог вспомнить.

«Различие между мыслью и сознанием в том, что мысль есть последовательность образов - ряд или цепь, сознание же - это одновременная осведомленность

«Представление о пути развития сложно, потому что концепции его по существу своему не являются понятийными, аксиоматическими или ассоциативными. Гурджиев прошел эту сложность тем,

что писал параболой. Прямая экспозиция не удастся из-за ошибочных ассоциаций с психологическими данными».

«Излучение рассеивается по своей собственной природе (силе); эманация не подвержена уменьшению».

Был задан вопрос относительно органического стыда и потери его, с особой ссылкой на женщину. -

Орейдж ответил: «Я слышал, что Гурджиев эту потерю относит в равной степени и к мужчине. Действительно, в одной главе есть отрывок, в котором он обвиняет женщину в Америке в состоянии, в которое они впали; но это падение началось в мужчинах, а женщины лишь проявили ту степень, в которой органический стыд потерян в человеке»

«Вы знаете, что слово Йегова или Яхве составлено из Йод и Эвое, означающих Адам и Ева. Иудейская религия рассматривается иудейским эзотеризмом как деградированная, ибо она перенесла ответственность за зло с Иод на Эвсе. Те «люди», которые сдвигают ответственность из своей активной части в пассивную, есть «люди Иод».

«Суфии говорили, что евреи имели истину, данную им, - объективное знание, - но они оставили ее, и, вследствие этого, они были наказаны и рассеяны.

«Органический стыд - это не орган, а организм, наблюдающий ненормальность со страхом. Лишь нормальный организм чувствует это».

На вопрос, заданный относительно прямого призыва к объективной совести, Орейдж сказал «Его нельзя применить прямо. Ашиата Шиешаш призывал косвенно Любопытство в добрых целях, как говорил Гурджиев, есть чистый мотив для изучения метода самонаблюдения, потому что оно не искажает его. В этом отношении мы подобны Павлу, который отправился для сбора налогов, а достиг царства Метод

предлагает средство раскрытия, содержа в себе понимание ненормальности ученика. Это инспирирует желание измениться, которое представляет собой органический стыд. Это связано со Святым Аиеоиуса - стремлением низших вибраций разделить опыт высших вибраций. Это то, что мы чувствуем в присутствии высших существ - превосходящих не в социальном смысле; желание быть таковым; это культ героя, героя объективно высокого»

Наши механические реакции к людям есть признак нашего рабства. Одно из психологических упражнений, которое в наших силах, есть постоянное стремление к осознанию отрицательных эмоций. За эти последние несколько месяцев многие из вас прошли через интенсивный период отрицательных эмоций; в то же самое время вы имели в своих руках противоядие, так сказать. Но все мы так любим свои механические страдания, мы так ленивы, и так много в нас инерции, что мы скорее будем страдать механически, пассивно, чем сделаем усилие с маленьким намеренным страданием.

«Рассматривая сознательный труд, мы можем взять Ашиату Шиешаша. Случилось так, что он начал размышлять по прихоти. Он размышлял над всеми учениями и, в конце концов, навел критику и установил новую технику. Это было самораскрытие. Он нашел, что его целью в жизни было идти своими собственными усилиями; и он проделал работу по созданию наиболее эффективных средств для достижения результата. Это был сознательный труд.

«Система Гурджиева определяет цель для каждой индивидуальности: достижение самосознания и ценностей объективного разума. Только эта идея может оказаться способной отнести каждое действие к сознательной цели, которая только и может дать смысл преобразованию механической жизни. Реальная гордость начинается с работы «Я». Это есть «бытие-удовлетворение» от сделанного усилия».

«Ашиата Шиешаш начал с вопроса о своей собственной компетентности формулировать метод для спасения существ планеты Земля от дальнейшей дегенерации. После большой работы над собой, после многих размышлений и осознания того, что он сам был субъективно предопределен, он оказался способен видеть через оболочку своего образования и, достигнув состояния объективности и беспристрастности, начал формулировать свою миссию. Он оставил материалы о линии посвящения, из которых некоторое число осталось и сегодня в Центральной Азии.

«Вспомним, что в «Рассказах Баалзебуба...» каждый рассказ имеет три смысла и семь аспектов

«Ашиата Шиешаш написал «Ужас Ситуации».

В этом месте Орейдж сказал, что он хочет, чтобы у нас в Нью-Йорке была музыка, которую сочинил Гурджиев для сопровождения чтения этой главы, так как в ней идеи реализуются эмоционально, в то время как в книге они реализуются интеллектуально

Он продолжал: «Ашиата Шиешаш начал с молитвы, поставив себя таким образом в определенную эмоциональную позицию точно так же, как и определенная физическая позиция создается позой. Он сознательно организовал свои эмоции — поставил себя в состояние «Я-есть-ности». «Я» есть всегда. «Я» есть Отец, Сын, Вчера, Завтра.

«У нас «Я» проявляет себя периодически; в первую очередь, случайно.

«Ашиата Шиешаш освободил себя от всех ассоциаций и был способен быть беспристрастным. Он рассмотрел результаты религии, основанной на Вере, Надежде и Любви, и увидел, что у существ нет

больше возможностей услышать его и что нельзя было больше обратиться к их обычному разуму. Бесплезно проповедовать здоровье безумному. Он обратился ко всем нашим эмоциям и идеям и пришел к заключению, что еще остается, похороненное в сущности нечто неизвестное, но наше собственное и неискаженное - Объективная Совесть.

«Он выбрал тридцать шесть существ из монастырей,' индивидуально независимых мыслителей, способных мыслить независимо от текущих общественных тенденций, тенденций их собственных организмов и внешнего мира вокруг них. (Каждый независимый мыслитель жил в «монастыре»). Ашиата Шиешаш обучил всех тридцать шесть Методу, так что они были способны говорить о своем собственном опыте не из книг и были способны помочь некоторому числу других сделать то же самое.

«Долгое время его организация процветала, его идеи (развивались) передавались посвященным. Но, в конце концов, она была разрушена Лентрохамсанином. Это имя составлено, кстати, из некоторых имен, хорошо известных сегодня. В каждом из нас есть Лентрохамсанин. Как я уже сказал в этой работе, так же придет время, когда некоторые люди со знанием системы Гурджиева, но без необходимого понимания, используют идеи для своих собственных субъективных целей, они искажут и изменят их, обманув самих себя тем, что они на «Пути». Но всегда останется ядро тех, кто реально понимает и поддерживает Метод и Систему так, как этому учил Гурджиев.

«В наше время все призывы к Вере, Надежде и Любви сентиментальны по тону и вызывают некоторое противодействие; интеллектуально мы против них. Но мы в равной степени цивилизованы, что и вавилоняне их периода, и в той же степени испорчены, требуя интеллектуальных доказательств.

«Что касается призыва к обычному разуму, у нас есть пример Будды, известный среди индусов как величайший диалектик в мире, тонкий мыслитель и логик, но «который был так и не понят уже вторым или третьим поколением своих последователей, начавших искажать его.

«Ашиата Шиешаш понял причину неудачи учителей, бывших до него и призывавших к Вере, Надежде и Любви; так же, как и для тех, кто шел после него, призыв к этим вещам

оборачивался неудачей; он же предложил призывать к тому, что еще не рационализировано и опыт чего еще время от времени мы, несмотря на отчаянные условия, все еще имеем.

«Почему собака всегда собака? Почему она ведет себя подобно собаке? Почему она не ведет себя, как мы говорим, разумно? Она ведет себя так, потому что она обязана быть тем, что она есть, каков бы ни был исход. Это безразлично по отношению к тому поднимаемся или опускаемся мы по / шкале, является ли это преувеличением или инстинктом. Это невинно, сущностно.-

«Минералы, растения, животные подчиняются закону видов. «Все преклоняют свою голову в ярмо, которое дал Бог в своей мудрости». (Аттар). Для них нет зла в нашем смысле слова, нет необходимости психологических усилий; образцы их поведения фиксированы. Человек фиксирован внешне, но психологически в нем имеется каждый вид. Он может быть, по случаю, мышью, собакой, львом; посмотрите на себя и своих друзей. Человек есть нота си в октаве. Эта нота непрочно, это состояние ответственности, октава, в которой человек может идти или вверх или вниз по шкале. Может ли быть сделано усилие, посредством которого он поднимается на следующую, высшую октаву? Это Ужас Ситуации, ибо если, усилие не сделано, человек может пойти вниз, может дегенерировать подобно пчелам и муравьям.

«Ашиата Шиешаш ввел идею Бога - определяющую, что человек должен развивать свои возможности в высшем направлении. Виды ниже человека не нуждаются в этом. Человек - это первый биологический вид, занимающий эту ужасную точку в октаве; и его космические функции необходимо согласовать в плане, поставленном перед Вселенной Творцом: эволюция этой самой Вселенной.

«Ашиата Шиешаш учил Методу, Методу, посредством которого человек мог стать нормальным человеком, Сыном, вместо существования, которое он ведет теперь, являясь всего лишь машиной для трансформации субстанций. Часть плана

* требовала, чтобы в некоторой точке смогло появиться некоторое число самосознательных агентов, а не только слуг, которые согласовали-бы осуществление этого плана (намеренного). Ашиата Шиешаш предложил внести сознание в существо и строить на этом.

«Диагноз человека и его психических условий говорит, что как раса он страдает, в различной степени, от раскола личности. Например, невозможно напомнить человеку, который пьян или под влиянием наркотика или сильных эмоций, таких как при любви или ненависти, о его нормальных условиях. Цель всех истинных учителей - напомнить человеку о его нормальном состоянии - состоянии, при котором средний человек имеет иногда, по меньшей мере мгновения, пробуждения, моменты, при которых он частично вспоминает моменты реального сознания. Есть индийская история о ребенке в чреве, который пел «Позволь мне запомнить, кто Я емь». И его первым криком после рождения было: «О, я забыл!» Эта идея известна последователям христианской религии в истории о Блудном Сыне, основанной на древнем гностическом Гимне Одеванию Славы, которую, подобно другим историям, мы рассматриваем как случившуюся в «Библейские времена»; мы не прикладываем его к самим себе или же мы видим его в свете субъективной морали.

«Ашиата Шиемаш учил своих учеников Методу, посредством которого они могли «пробудиться» к факту, что они живут в далекой стране Блудного Сына, планетарном теле, и посредством которого, со временем, они могли прекратить идентифицироваться с его бесчисленными хотениями и желаниями и вернуться к своему истинному Я. Это Метод, который мы называем техникой самоощущения, самовспоминания, самонаблюдения; это — «бытие-парткдолгообязан-ность»; метод так прост и, в то же самое время, столь сложен. Почему? Потому что вся жизнь, вместе с вещами в нас самих, направлена к тому, чтобы заставить нас забыть, держать нас в состоянии сна. Это опасно также для личности, пытающейся-

ся использовать Метод по вербальному описанию из любого рода писания; и, все же, вы найдете его описанным в каждом великом учении.

«Если мы вспомним группу людей, основавших Орден Тамплиеров или Орден Рыцарства, в котором знатнейшие особы считали величайшей привилегией дозволение работать на кухне; или неизвестную группу людей, которые простейшими орудиями и инструментами построили на острове в болотах в отдаленной части Англии чудесный Элайский собор, то мы будем иметь некоторое представление о группе Ашиата Шиемаша.

«Основатели этой группы имели в высшей степени реальную волю, реальное сознание, реальную индивидуальность - треугольник в энеаграмме, против течения вниз на шкале закона октавы.

В «Научных Романсах» Хинтона один персонаж говорит о прогулке по улице поселка Гринвич Виллидж, штат Нью-Йорк, и о том, как он увидел дощечку на двери: «Джон Смит, Разучитель». Профессией Смита было помогать людям забывать хлам, полученный ими путем образования. Мы должны раз-учиться и быть раз-образованными.

«Ашиата Шиемаш учил, что человек должен иметь ощущение обязанности исполнять службу, для которой он сотворен, и что он будет развиваться только до степени, в которой он осуществляет эту обязанность. Чтобы сделать это, он должен отдать разного рода вещи, которые он считает необходимыми для «хорошей жизни», - точки зрения, внешнюю силу, знание, самолюбие, фальшивую гордость, эгоизм, - которые представляют, кроме любви к деньгам и сексу, реальные похоти тела».

«Критика Лентрохамсанина состояла в том, что он был хороший философ, но чистый (материалист) рационалист -Объективный Разум (рассудок) без Объективной Совести (-го Сознания). Его точка зрения состояла в том, что если человек был сотворен для службы, то он поэтому раб. Правдоподобно

и хитро он предложил отказаться от службы и достичь абсолютной свободы. Он рассматривал возможным достичь ее без совершения усилий в сознательном труде и намеренном страдании. В одном смысле Лентрохамсанин был предтечей наших духовных предков, греков и римлян, которые рассматриваются нами как стоящие в начале нашей цивилизации -перед ними были только варвары и варварское. Но Гурджиев говорит, что древневавилонская цивилизация далеко превосходила греческую, но позже она опустилась, не от Ашиата Шиемаша, а от Лентрохамсанина - рационалиста без высоких эмоциональных побуждений.

«В каждом из нас Лентрохамсанин пытается уничтожить работу Ашиата Шиемаша — несознательная сила, работающая против сознательной.

«В работе, которой мы здесь занимаемся, некоторые люди, у которых знание превысило понимание, могут оказаться неспособными выдержать необходимое страдание -ощущение вины, раскаяния, самоупрек, отчаяние от чувства, что они не способны сделать ничего относительно самих себя. Это темнее ночь души. Некоторые могут пойти по прямой, ища легкого пути, пути философской школы, например; или восточного культа в западной одежде; или они могут стать Лентрохамсанинами и, с лучшими из всех эгоистических мотивов, действительно стать противоположными работе. Эта работа в сильной степени позитивна, а, как сказал Гурджиев, «Большой плюс вызывает большой минус».

«Лентрохамсанин в нас - это персонификация безвольности к перенесению страданий, необходимых для получения Объективной совести (-го сознания) параллельно с достижением Объективного Разума.

«Бог имеет план. В этот план включены человеческие существа, и часть плана состоит в том, чтобы дать избранным возможность работать для самих себя в то же самое время как и для Него. Это очень высокий и великий план; и степень страдания есть степень важности присоединения к плану.

Кто избран? Каждый, кто желает заплатить за это сознательным трудом и намеренным страданием; это не выбор Джона Кальвина, предопределенный от сотворения мира.

«Лентрохамсанин выбрал для работы тех простых людей с добрыми чувствами, кто не получил Объективного Разума, неудовлетворенных, начавших думать, что, нет надежды достичь Объективного Разума в пропорции к страданиям. Вместо великой цели, как он учил, основная вещь в жизни — достижение счастья, а счастье состоит в том, чтобы не быть обязанным делать постоянные и неослабевающие усилия. При некотором настроении мы можем найти себя готовыми согласиться. Лентрохамсанин обращался к двум характеристикам в человеке - желанию достичь чего-то даром, и идее свободы или свободы достичь счастья в будущем. Он не был чудовищем или сознательным предателем; он думал только, что знает лучше; он выбросил некоторое число высших эмоциональных

элементов. В состоянии высших эмоций человек не может делать зло; Объективное Сознание пробуждено; он в состоянии самовспоминания. В нашем обычном разуме есть уже достаточно всего, чтобы сокрушить Будду, Иисуса Христа и Ашиату Шиемаша. Слабость Лентрохамса-нина была в том, что он не стремился понять «почему», а удовлетворился знанием «как».

«Гурджиев говорил, что «почему» - это то, что неизвестно, но, в то же самое время, существует.

«Как я уже сказал, из двух течений, возможных для нас - Ашиаты Шиемаша и Лентрохамсанина, - мы наследовали последнему, грекам и римлянам. Еще в Греции существовали истинно эзотерические группы, ответственные за расцвет ее культуры. Сократ был членом одной из них. Аристофан был сортом Лентрохамсанина его времени - он никогда не понимал Сократа.

«Последователи Ашиата Шиемаша, когда его учение стало погружаться в поток рационалистической философии

Лентрохамсанина, собрались в маленькие группы. Эти маленькие группы существуют в нас самих.

«Все популярные объяснения жизни теперь основаны на личном; объективное погружено в эгоизм. Мы не сможем найти философию кроме как с точки зрения личного интереса. Ницше сказал: «Я не спрашиваю больше философа: «Это истина?», но «Чем интересна она для философа?» Без высших эмоций вся философия становится материей для головы, с точкой зрения личного благополучия, субъективно окрашенной и эгоистически определенной — подобно нашему дегене-рированному разуму. Без высшего эмоционального понимания обычный человек придерживается идеи, что Вселенная только случайна и что поэтому жизнь на нашей планете, включая человека, можно эксплуатировать, или, что Бог не имел полезных целей в сотворении мира и что он не полезен для нас, что Он любит человеческие существа и хочет им только счастья - и если они не будут добры и счастливы и не будут делать, Как Он хочет, Он разгневан и накажет их. Одна из наших детских главных точек зрения та, что наша основная цель быть счастливым и что путь к счастью заключается в том, чтобы делать счастливым других. Это позиция Шопенгауэра. Другая разновидность — когда рассматривают только индивидуальное счастье - субъективная ошибка, в которую впал Ницше - что человеческий род существует для целей создания нескольких сверхлюдей. Другая версия -патологическая коммунистическо-социалистическая: что значит мое счастье и счастье окружающих меня теперь, пока существует «прогресс» и в будущем будет вообще счастье? И современный ученый, изобретающий все больше и больше процессов для блага будущих поколений. «Болезнь завтрашнего дня».

«Объективный Разум (Рассудок) не достигается субъективной эгоистической эмоцией или личными мучениями: Объективная Совесть (-ое Сознание) также необходима. Гур-джиевская космология обычному уму может показаться

причудливой, но по сравнению с обычными инфантильными концепциями, заключенными в наших субъективных точках зрения, она человечна и разумна.

«Ашиата Шиемаш сказал: «Это есть метод, посредством которого мы теперь можем достичь понимания того, что ЕСТЬ».

«Летрохамсанин же сказал: «Это средство, посредством которого мы сможем приспособить себя к тому, что есть, не понимая его». Греки были ответственны за коррупцию человеческого разума, римляне - за коррупцию органической совести»

«Баалзебуб во время шестого и последнего спуска на планету Земля провел исследование случаев укорочения человеческого существования. Недавняя статистика на Западе указывает наудлинение человеческого физического существования. В этой параболе Баалзебуб пытается пробудить нас к тому факту, что человеческое трехцентровое существование становится короче. Если мы изучим способы существования в западном мире, то станет очевидно, что сущностная жизнь человека значительно пострадала и быстро уменьшилась в последние две-три сотни лет, причем процесс этот все еще продолжается. Одна из причин состоит в том, что в возрасте двадцати пяти или тридцати лет люди перестают мыслить оригинально; они думают механически, одним и тем же путем; а в сорок у большинства людей прекращается оригинальность чувств, они живут как прозябающие животные, повторяясь и повторяясь, на две трети мертвые.

«Какова причина этой преждевременной смерти? Она лежит частично в образовании - в неудаче развить Объективную Совесть (Со-знание), и в отсутствии объективной Морали.

«В нормальном обществе, с нормальным образованием, его члены достигли бы развития двух высших тел в направлении Объективного Разума. Объективную Волю, Совесть, Сознание и индивидуальность мы заменяем философией,

психоанализом, наукой, искусством, литературой, религиозными сектами, спортом, здоровьем и т.д. Мы подобны Амундсену в его воздушном корабле над Северным полюсом, чей компас указывал во всех направлениях и никуда в частности. Никто из нас не имеет ясного внутреннего ощущения направления жизни. Мы в пространстве, поэтому вынуждены двигаться; и единственное направление, в котором мы можем двигаться, это то, которое согласуется со всем вокруг нас: из этого следует согласие в общественных условиях, морали и идеалах — прагматическое согласие. Субъективный критерий — это

или идиосинкразия и мятеж, или традиционность; объективно похожи, как две капли воды, оба субъективны. Так мы попадаем в различную софистику. Например, критерием ценности является «адаптация», эволюция. Школа Юнга основана на «Мы приспособлены?», если так, то мы должны быть правы». Это положение максимального комфорта — кресло в туалете, о котором писал Баалзубуб; замена цели средствами. Если нет сознательной цели, то сверхценными являются средства. Например, конец философии есть истина, но конец этот потерян из виду, и мы заменяем его блеском рассуждений, эпиграмм, риторикой тонкой мысли. Мы обоготворяем средства.

«То же самое относительно идеи права. Истинная идея юстиции есть справедливость, одинаково приложимая ко всем. Но мы стали законниками - законные формы и законность вместо логики души.

«И секс. С объективной точки зрения цель секса есть потомство и творчество - созидание планетарного тела и . создание в самих себе тела Кесджан и ментального тела. Благодаря римлянам мы используем секс бесцельно, заменяя удовольствием, полученным при сексуальном процессе, реальное удовлетворение, получающееся при использовании секса для его реальных целей. Или, под влиянием организованной пуританской религии, мы отрицаем секс, рассматривая его как зло, как величайший грех; затем люди блуждают

в сексуальных фантазиях. Почему огромное количество мысли на Западе направлено на изучение результатов злоупотребления или неиспользования или ошибочного направления в сексуальной энергии? Сексуальная проблема не возникает на Востоке за исключением тех случаев, когда на людей повлиял западный пуританизм. Как часть органической жизни мы имеем право на удовольствия сексуального союза, но как человеческие существа мы должны использовать силу, или часть ее, для сознательных целей. Когда же сексуальная энергия "используется не так, она обращается на цели много более вредные, чем то, что мы называем «ненормальность- ми».

«Наше объективное наследство состоит в том, что мы должны знать, почему мы рождены, знать это рано в жизни и тренироваться для осуществления наших функций. Животные и растения делают это в своем естественном состоянии. Растения производят семена и, хотя при этом могут быть расстройства, они не обращают функций. Растительный мир имеет огромную силу приспособления для преодоления препятствий. Трехцентровые существа имеют три мозга для развития зародыша Объективной Совести, но образование и окружение с рождения задавливают и хоронят этот зародыш. Подобно Исаву мы отдали наше первородство за блюдо чечевичной похлебки обычной жизни; это смысл истории.

«У нас нет унаследованного естественного критерия, и мы волей-неволей принимаем готовые критерии вокруг нас. Сложность увеличивается тем фактом, что у нас нет точного знания планеты, ее геологии и рас. У нас есть только измышления ученых, геологов, археологов, этнологов, и не одно поколение и не одна школа будут обсуждать или опровергать к своему собственному удовлетворению находки других.

«Вспомните предыдущие цивилизации, их взлеты и падения, их культуру, искусство и философию и назовите их

наследников? Относительно них есть только слухи, но нет продолжения знания.

«Гурджиев говорил, что со времен Атлантов существовала цепь эзотерических школ, хранителей тайного знания, которые время от времени обучали учителей и выпускали их из своих стен. Все Великие Посланники сверху говорили об этом - Кришна, Моисей, Будда, Иисус, Мухаммед. Было также много меньших учителей и посланцев.

«Глава об искусстве посвящена описанию методов, выработанных малой группой сознательных людей для передачи объективного знания; передачи не на одно поколение или два, а на тысячу лет и больше. То, что мы называем «искусством» - обычное субъективное искусство - так же естественно для человека, как постройка гнезда для птицы. Художник не должен быть специальным типом человека, но человек должен быть специальным типом художника, и он был им сравнительно недавно. Посмотрите на искусство крестьян Европы, включая Россию, даже на искусство, существовавшее в Англии до прихода индустриализма и распространения образования. Английская провинция с ее деревнями, коттеджами и садами, ее фермами рассматривалась как одна из самых прекрасных в Европе, плод наследственного чувства красоты и пропорции английских крестьян, ремесленников и рабочих. С падением человека в «век прогресса» все это начало исчезать под ударом красно-кирпичных безличных зданий и мануфактуры. В России крестьянское искусство, народные обычаи и танцы, религиозные церемонии - органическая жизнь России - были убиты коммунизмом. Старый капитализм, разрушитель органической жизни Запада, и новый коммунизм, разрушитель органической жизни востока, — симптомы внутренней дегенерации души человека.

«Гурджиев говорил, что дегенерация, вырождение и разрушение цивилизации на мировой шкале встречались больше чем один раз; и вырождение и распад индивидуаль-

ных рас и наций слишком очевидны даже для нас, чтобы не видеть этого. В Махабхарате есть упоминания об этой поре пенной дегенерации, ибо мы живем в последней стадии эры

Кали Юга».

«Баалзебуб говорил, что приверженцы Легоминизма использовали принципы космических законов, которые они понимали; они ввели новшества, «законные неточности», в различные формы искусства. Они отвергли литературу, не только из-за тленности папируса или бумаги, но из-за того, что литература — наиболее субъективна из всех форм искусств; она зависит от языка, который изменяется и умирает. Каждый может оценить древнее искусство в Британии, подобное Берхад Баллу, Струонхеджу, Белым лошадям в Даунсе, кельтскому орнаменту и керамике - «предыстории», - но что мы знаем о их творцах? Ничего. И так как люди этого далекого прошлого не писали ничего, работники народного образования в Англии убеждены, что цивилизация в Британии началась с римлян. Много ли людей могут читать на англо-саксонском, (нашем) языке прошлого? С другой стороны, литература есть форма теней. Романы - это дневные грезы (сны) писателей.

«Малое искусство служит самовыражению. Большое - представляет попытку передать некоторые идеи для пользы зрителя; не всегда для блага художника. Говоря об обычном, субъективном искусстве, скажем, что совершенное произведение искусства полностью удовлетворяет нашему чувству гармонии - каждой части нашего сенсорного, эмоционального и интеллектуального бытия. С точки зрения Гурджиева, с точки зрения одного аспекта его цели - пробуждения нас ото сна, удовлетворение гармонией (которое является не реальным спокойствием, а формой высшего сна) есть последняя вещь, к которой следует пожелать. Эстетическое созерцание представляет сублимированный сон; сознание в состоянии неопределенности.

«Целью приверженцев Легоминизма было заставить людей « вспомнить ». Они ввели законные неточности в произведения искусства всех родов, так, чтобы люди спрашивали: «Почему это так?» Эта идея была найдена в древних школах Дзен-Буддизма, ответственных за расцвет великого японского искусства; среди традиций, выросших из него, была та, что в совершенном произведении искусства некоторые вещи следует оставлять неоконченными.

«Гурджиев писал, что во время его путешествия в Центральной Азии он и его компания нашли в пустыне скульптуру, огромное лицо. Сначала они подумали, что это не больше, чем реликт. Они остановились лагерем возле нее. Какие-то вещи в ней вызывали в них любопытство, и они начали изучать ее. Через некоторое время им показалось, что она учит их чему-то - не через умы, а через чувства и ощущения. Это было объективное произведение искусства.

«Никто из нас не скажет о греческом искусстве: «Это странно; что это означает?» Оно удовлетворяет полностью. Оно не вызывает внутреннее любопытство. Но когда мы смотрим на некоторые египетские фрески, у нас появляется чувство чего-то странного и удивительного; а египетские художники имели технику греков и были не меньшими мастерами. Странность произведения является результатом желания художника вывести зрителя из равновесия, а не удовлетворить его. Даже в греческом искусстве, в один период, были, кажется, объективные произведения искусства; есть легенда о статуе Зевса в Олимпии, производившей на каждого определенное и идентичное впечатление. Леонардо да Винчи, изучавший древние пра-греческие произведения искусства, сказал: «Почему с таким мастерством эти древние художники делали такие сопоставления?» И он, согласно Гурджиеву, подошел близко к открытию.

«Те же самые принципы, основанные на космических законах, были использованы в музыке. Некоторые из Гурджиевских танцев, как и музыка, есть примеры объективного

искусства. Те, кто понимает законы вибраций, могут составить музыку, в которой есть три отдельных вибрации, оказывающих различное влияние на соответствующие центры, сознательно соединенные, чтобы индуцировать в слушателе стремление, желание *быть*. Это происходит так, как если бы кто-то был приведен в состояние, при котором был вынужден вспомнить самого себя, чтобы освободиться от мук эстетического страдания.

«Они ввели также и законные неточности в религиозные и социальные церемонии; и они были поняты основателями (не необходимо «отцами») ранней христианской церкви. Гурджиев сказал, что христианская религия вначале была, возможно, лучшей из всех форм организованной религии; что основатели того, что стало католической церковью, которые ввели ритуал и литургию, поняли принципы влияния на ощущения и эмоции через цветное стекло, музыку, давление объема воздуха, линии и формы архитектуры: они поняли и использовали это для блага верующих. Эти эффекты были сознательно и математически рассчитаны. Перезвон колокола, например, был введен из древнеавилонской церемонии, чтобы прерывать ритуал, могущий иначе стать усыпляющим, и вызвать вопрос «Почему?» Ангельский благовест призывал монахов «вспомнить самих себя»; звон «уходящего колокола» напоминал, что все мы смертны. Эхо подобных эффектов можно найти в религиозных процессах и даже в коронации королей и королев.

«В архитектуре мы имеем примеры объективного искусства в Шартрском соборе, соборе Нотр Дам, Тадж Махале, являющихся произведением эзотерических школ.

«Примеры объективной живописи могут быть найдены в живописи Персии XIV и XV веков. Есть приятная дисгармония, вызванная использованием смежных цветов неестественным путем. Когда глаз

воспринимает цвет, то дополнительный цвет, следующий по закону спектра, естественно ожидается глазом и формируется на его сетчатке. Вавилоняне, понимавшие «ожидание глаза», вставляли неожиданные цвета, хотя и возмущающие, но приятные; но это требовало сознательного применения. Когда это делалось несознательно, или для эффекта, результат часто не доставлял даже удовольствия.

Совсем простые люди чувствуют это: они говорят: "Эти цвета не смешиваются».

«Танцы, движения и ритмы приверженцев Легоминизма были двоякого рода, религиозные и социальные. Они ввели некоторые неестественные движения, которые влияли на танцующих некоторым образом, так что танец или Движение становилось призывом к высшим центрам в самом танцоре. Движение, осуществляемое корректно, создавало некоторое психологическое состояние. Возмущение вызывало противоположное состояние. Вдобавок, танцы были шифром, вроде книги, который вызывал воспоминание в зрителе некоторых вещей. Танцы были предназначены также для того, чтобы произвести в участнике желание вспомнить состояние укора совести. В этом отношении многие из танцев Гурджиева есть объективное произведение искусства. Он не изобретал все движения, многие из них он видел и изучил их принца в монастырях Центральной Азии; но понимая законы трех и семи, раскрывающие древнее объективное искусство танца, он основал свои движения и танцы на этом сознательном искусстве и адаптировал его для западного мира. В частности, его школа танцев будет источником вдохновения для следующих поколений.

«Гурджиев сказал: «Вы можете судить о стране по ее танцам". Повсюду страны забыли свои старые добрые народные танцы ради пустого американского джаза. Слабоумное завывание заняло место народной песни. Налицо пример разрушающего влияния дурных обычаев (привычек). Потому что это ново, оно должно быть "хорошим» для безграмотных и полуобразованных. Нет никакого различия.

«В Америке формы религиозных танцев существуют среди индейцев; танец змеи является призывом. Но чего? Они забыли. В Центральной Африке ритмы барабанов оказывают исключительный эффект на инстинктивный и эмоциональный центры, то же, самое в Индии; но в то время как ритмы негров являются влекущими (свертывающимися внутрь), индийские ритмы - нет. Ритмы негритянской расы подобны ее искусству - это не начало культуры примитивных народов, а слабые остатки когда то великой цивилизации. Среди индусов и суфиев могут быть найдены раскрывающиеся (эволюционные) ритмы: танцы Гурджиева принадлежат этой категории.

«Приверженцы Легоминизма, понимающие, что танцы представляют инстинктивную потребность людей и будут всегда существовать, ввели в популярные и народные танцы некоторые части объективного искусства.

Так мы найдем среди «примитивного» населения Центральной Европы, например, народные танцы, оказывающие сильное влияние даже на англичан и американцев. Среди изобилия танцев, выросших из религиозных, можно найти фрагменты истинного знания. То же самое с волшебными сказками Сатурналия, в ее первоначальной форме, была религиозной церемонией, состоящей из танцев и ритуала. Древние понимали, что в некоторые времена года были необходимы жертвы животных в огромном масштабе. В другое время было необходимо освобождение в больших количествах человеческой энергии, инстинктивной, эмоциональной и сексуальной. Природа требовала этого. Церемонии были сознательно организованы и контролировались, костюмы для этого можно найти по всему миру. Капитан Кук открыл, что на островах южных морей в некоторые времена года происходили танцы, заканчивающиеся массовым совокуплением; причина этого была забыта. В Англии до прихода к власти пуритан, каждый год избирался глава рождественских увеселений. В Лондоне он избирался из подмастерий, и весь день длились празднества и танцы на улицах, причем прислуживали мастера. Когда древние обычаи дегенерировали,

Природа была вынуждена найти другой путь: последовали волны массовой истерии, психоза, преступлений, больших войн и революций.

«Танцы играли важную роль в раннехристианской религии. Говорят, что Иисус, проводил со своими учениками ритуальные танцы.

«Приверженцы Легоминизма основывали свою скульптуру на законе Семи, на математике. Законные неточности были введены так, чтобы зритель рассматривал скульптуру с размышлением и удивлением «почему?» Сфинкс и ассирийские быки имели, например, пять ног.

«Отдел драмы предполагал знание и контроль тела. Мое тело составлено из инстинктов, чувств, бродящих мыслей. Я хочу знать, как пользоваться им; я *не желаю* всегда допускать, чтобы все делалось как *оно хочет*. Прежде чем контролировать тело, нужно иметь «Я». Метод предлагает технику для достижения «Я», затем я могу манипулировать телом с его тремя центрами для своих целей: это включает мои отношения к другим людям; но это, снова, предполагает знание типов людей, всего которых двадцать семь. Эзотерические школы - не «окультистские» или «магические» - использовали драму как упражнение для поведения в жизни и для постановки игры на сцене жизни, так же как мы теперь ставим спектакль на сцене театра; мистерия и волшебные игры, осуществляемые одно время в соборах и церквях, являются эхом этого.

«Те, кто понимает принципы и законы Объективного Искусства, понимает также природу человека, его души, то, что его три центра почти никогда не делают работу гармонично и одновременно, но всегда согласно степени переживания в каждом. В общем, мы классифицируем людей по трем типам - физическому, эмоциональному и интеллектуальному. Мы говорим «сверх-эмоциональный», «слишком интеллектуальный», в то время как следует сказать «недо-» в одном или другом центре. Знание типов может быть выражено матема-

тически. Сознательный человек, понимающий типы, может вызвать желаемые им от личности реакции; он знает, как будет реагировать личность.

«В древних цивилизациях типы стремились стать фиксированными. На нашем собственном малом пути мы можем составить список внешних типов - Фальстаф, Гамлет, Мико-бер, Сэм Уэллер, Дон Жуан, или адвокат, мелкий чиновник, солдат, привратник, пастор, и так далее. Сзади этих внешних типов есть, так сказать, сущностные типы; и усмотрение их представляет истинную социологию.

«Переживания представляют собой физиологические процессы, происходящие в нас, о которых мы до определенного времени обычно не осведомлены - мы вспоминаем о них впоследствии. Изменения направления или распределения тока крови имеют психическое соответствие, которое обычно известно как сознание.

«Когда существо проходит через переживания, его проявления есть единственная форма коммуникации. Мое субъективное никогда не станет объективным свидетелем; он может видеть только мои проявления и понимать их в той степени, в которой я проявляюсь.

«В древней драме ученика обучали «действовать» сознательно, - чтобы не дать возможности для несознательного проявления его чувств, мыслей и желаний, чтобы он смог оказать то впечатление, которое желает. Вы можете сказать, что если мы делаем это в жизни, то это будет техника неискренности; но тогда то, что мы подразумеваем под искренностью, называется неспособностью контролировать свои проявления.

«Актер в школе объективной драмы должен научиться действовать сознательно в одном, двух или трех центрах. Св.Павел говорил о том, чтобы быть всем для всех людей; но это для сознательной личности. Мы можем начать пытаться ставить себя на место другой личности. Вспомните афоризм я Учебном Корпусе (Доме Учения) - «Судите о других по самому себе, и вы редко ошибетесь».

«Сознательная драма должно играть с сознательными ролями» (иметь дело с играемыми ролями)».

«В реальное образование детей среди других вещей нужно включить разрешение им развивать свою способность мимикрии, которая представляет, как и во всей животной жизни, часть их естественной игры. Также и угадка, -после тренировки развила бы интуицию с несомненностью, а из нее и правильность суждения. Но дети обескуражены от догадок и использования контролируемого воображения -это «говорящая ложь», одним из результатов которой является то, что дети учатся лгать подобно взрослым.

«Гурджиев говорил, что некоторые из раннегреческих игр были импровизированными, как описано в Баалзебубе. Платон также говорил об импровизированных играх. Для таких игр необходима критическая аудитория. В древних школах драмы в Индии эпос, подобный Махабхарате, а позже в Греции, Иллиада и Одиссея, задолго до того, как они были записаны, читались на сцене, и чтец должен был действовать в различных частях. Когда принимало участие несколько человек, старшие ученики играли высшие роли богов, - не богов, как небесных существ, а людей, обладающих объективным разумом и пониманием, людей в состоянии экстаза («эк-стасис») вне и над механичностью обычной жизни.

«Драматическая школа была первоначально тренировочной базой для жизни, универсальной жизни, истинного университета, не как теперь, когда половина молодых людей жалуется, что монастыри не соприкасаются с жизнью. Школа Пифагора была таким тренировочным полигоном. Пифа-горейцы были «мистическими» творцами (творцами «мистерии»). В мистерии все экстраординарно, необычно. Зрители должны были внимательно следить за актерами, чтобы распознать неожиданное, от которого они могут чему-то научиться.

«Ожидалось, что в высших формах сознательной драмы ученик сможет взять ситуации в свои руки и сыграть сознательную роль, но с несознательными актерами и так, чтобы быть понятым.

«Христианская мистерия, рождение, жизнь и смерть Иисуса Христа, впервые репетировалась в эзотерической школе Ессеев, с которыми работал Иисус. В соответствующее время она была разыграна исторически так, чтобы повлиять на мысли, чувства и поведение людей на многие поколения. Может быть, Христианская Мистерия вышла из школ приверженцев Легоминизма. Во «Фрагментах Забытой Истины», собранных и переведенных Г.Р.Мид'ом, есть намеки на то, как Иисус работал со своими учениками, давал им играть специальные роли, танцевать специальные танцы. Иуда, наиболее сознательный и посвященный из учеников, должен был играть наиболее тяжелую роль, многими не понимаемую роль злодея на сцене, освящаемого наивной публикой веками.

«Жизнь Христа не была жизнью Иисуса. Христос существовал прежде Иисуса и после него. Божественная миссия была главной для Христа. Иисус, преследуя свою цель и миссию, был преображен сам, как сказал Павел, через страдания — не обычные механические страдания, а намеренные страдания и сознательный труд.

«Гурджиев играл роли, которые немногие хотели и могли играть. Я сам часто бывал сбит с толку; и даже Стьернвал, Гартманн и Зельцманн, а особенно Успенский, бывали иногда введены в заблуждение, не говоря уже о молодых учениках.

«Что же осталось от пифагорейской школы драмы? Несколько отголосков в старых волшебных пьесах. У современного театра две цели: развлечение и пропаганда. Мистерия больше невозможна; нет сознательных актеров. Наши актеры имитируют, не изнутри, а снаружи; они лишь вызывают иллюзию у зрителя, который никогда по-настоящему не

бывает затронут, а лишь стимулируется напоминанием о ранее пережитом опыте. Драма на сегодня представляет не новый опыт, а его воспоминание; это - шекотание. Это не вливание нового материала, а стимулы, приводящие в движение старый материал. Это напоминание, а не творчество; и его воздействие вызывает интенсификацию механичности как актера, так и зрителя».

«В Рассказах Баалзубуба», книге как целой, есть параллели с Библией в том, что книга открывается космологией и космогонией, причинами того, как и почему сотворен мир и почему пал человек.

«Библия продолжается серией полусторических эпизодов, переплетенных с мифами, в конце концов, проявляются большие и малые пророки. Ожидается, что читатель Библии осознает свое состояние и свои обязанности перед Богом. Когда Объективная Совесть (Со-знание) пробуждена, подходит очередь Нового Завета, в котором изложен Метод. Это кульминация роста личности природы ученика, прилежно применяющего дисциплину метода. Таким образом, Библия может быть рассмотрена как драма, объективное произведение искусства высшего типа.

«Ветхий Завет - это механический человек, пробуждающийся; Новый Завет - сознательный человек. Ветхий Завет представляет собой актуализированное, Новый Завет - возможности.

«Библия символична и исторична; сомнительно, чтобы кто-нибудь имел ключ ко всем мистериям Библии (по крайней мере кто-либо, с кем мы соприкасаемся). Гурджиев мог иметь. «Рассказы Баалзубуба» - это род Библии; аномалии, кажущиеся нам неуместными и нелепыми, могут быть текстом внутри текста, который, будучи вырыт, может кое-что гавкать алфавит доктрины.

«Согласно Гурджиеву, ключ к Легоминизму и ключ к неоднозначностям в наших руках, причем последний раскрывается интуицией. Ключ к Легоминизму есть *метод*.

Можно сказать, что наше понимание этой книги является тестом нашего понимания и реализации Метода. Книга является только иллюстрацией закодированного произведения искусства, доступного нам в наше время; не нужно ходить далеко, чтобы найти другие примеры. Гурджиев заявляет, что соответствующее чтение книги сделало бы ненужным расшифровку всех произведений искусств, созданных во времена Акшарпанзиар. Гурджиевская книга, может быть, есть род Библии для будущего.

«Каждый из нас представляет собой космос с неизвестными пространственно удаленными частями; необходим корабль, чтобы посетить каждое место и найти забытые вещи. Космология - это конкретная психология. Система Гурджи-ева сложна. Это литература, драма, танцы, музыка - и метод с упражнениями, который может быть изучен только в группе под руководством учителя, который изучал его и работал над ним целые годы.

«Тема Книги Гурджиева та, что мы, человеческие существа, должны принять страдание и труд; мы не можем избежать их, это обязанность; и хотя страдания распределены так, что временами некоторые, казалось, избегают их, «время перемелет каждое зерно». Общая сумма налога одна и та же. Более двух миллиардов людей платят этот налог. Цель настоящих учителей в том, чтобы показать, как этот налог страдания, в дополнение к обычной выплате, можно повернуть для пользы индивидуума. Его нельзя не уплатить. Все во Вселенной страдает, хотя и не так, как мы обычно понимаем страдание. Одна из идей Книги в том, что нам следует помочь «его Единственности, Носящей Бремя Бесконечности», стремлением к пониманию Метода, и что работая корректно, мы поможем ослабить скорбь нашего «Творца-Создателя».

«Человек существует не для своих целей собственных. Это включает все существа - животных, птиц, насекомых, бактерий. Каждый вид предназначен для определенных кос-

мических целей. Норма человека - в исполнении предназна- "чения, для которого он создан, - подобно машине, предназначенной для выполнения некоторой части работы. Но из-за некоторых обстоятельств, не предусмотренных Высшими Индивидуумами, эта планета (и человек на ней) стала ненормальной машиной и не выполняет более своего предназначения; она стала представлять даже угрозу для Вселенной. Поэтому жизнь здесь теперь существует лишь по Милости и Природа должна приспособливаться, чтобы машина работала.

«Существуя таким образом, мы, люди, не способны больше к реальному счастью, которое сопровождает выполнение предназначения.

«Ренан в своих «Философских Диалогах» сказал, что Природа враждебна к развитию человека и желает человеческого несовершенства. Гурджиев говорил, что это верно, но не совсем, и что Природе необходимы относительно свободные существа. Маленький шанс человеческого освобождения усилен двумя вещами; одна - желание Творца, чтобы машина функционировала нормально - отсюда Посланцы, время от времени посылаемые на Землю; и вторая - непрерывное существование во всех людях, исключая Хаснамусса, объективной Совести — внутреннего беспокойства. по поводу того, что мы не такие, каким нам следует быть. «В Хаснамуссе зародыш Объективной Совести остается непробужденным, возможно мертвым; он не способен к органическому стыду.

«Все посланцы Сверху согласны относительно ужаса ситуации; человеческие существа отвернулись от своей насто ящей цели, повернулись к фальшивым; богам, погружены в физическую, практическую сторону жизни или в текущие идеалы, в социальные ценности вместо личных, в неопределенные общепринятые истины, они развивают и усложняют внешнюю жизнь, в ущерб внутренней».

«Рассказы Баалзебуба своему внуку» подобны луковице с почти бесконечным числом оболочек. Вы снимаете несколько, а затем осознаете, что за ними стоят все новые и новые, смысл за смыслом».

«В каждом уме есть некоторый набор ассоциаций. Есть две категории -ассоциаций: ассоциации слов — вербальное (словесное) мышление - и ассоциации форм - образное мышление, мышление идеями. Ничего не поделаешь с тем, о чем мы привыкли говорить как о «формальности» или об обычном «формальном» уме. Девять десятых того, что мы называем мыслью, есть механические ассоциации слов. Бели вы скажете об «агонии», поверхностному писателю, он ответит «пот», «мука», «темная ночь души» так же легко, как попугай, не имея никакого личного сознания состояния существа в агонии. Ассоциация форм или «мышление формами» зависит от личного опыта; это также лишь ассоциация, но отличная от только словесной. Это форма, в которой часто думают крестьяне и животные — или те, кого мы называем «понимающими личностями». Это точное отношение к опыту - азы науки людей, которые живут опытом. Вербальные ассоциации развиты словами; образные - общением с людьми понимания и «простыми людьми». Например, человек, проведший долгое время в обществе арабов цыган, вернется с большим пониманием. Почему все испорченные дети любят ассоциации с ремесленниками и сельскими рабочими? Истинная функция формирующего аппарата состоит в формулировании. Формируйте свои чувства так же, как и свои мысли; усилия сделать это ведут к ясной кристаллизации, вещи становятся яснее вам самим, а, следовательно, и' другим. Почти все наше общение с другими в жизни есть вербальная ассоциация — нет внутреннего содержания. Одна из вещей, поражающая людей во встречах с Гурджиевым, -это путь его общения с помощью форм; это приводит к жизни, полный смысл.

«Все существа могут быть классифицированы согласно их разуму. Каждое из них - на ступеньке лестницы -эволюционирующей или инволюционирующей лестнице Якова. Разум существ есть координированная сумма его функций, и выражена в его проявлениях. Человек выше животных только потому, что элементы, входящие в его разум, более сложны. Так как большинство человеческих функций ненормальны, его разум ненормален. По определению человек выше животных, но фактически его разум ненормален.

«Нормальный человек представляет собой существо, которое чувствует, которое предназначено к борьбе, творчеству и преодолению трудностей — в противоположность обычному человеку, верящему, что человек существует для своего собственного счастья и мира. Что касается «преодоления», «усилий», то человек может создавать трудности внутри поля своего собственного выбора и должен иметь цель, которая требует усилий для ее достижения. Но, как утверждает афоризм, мы должны использовать работу как средство, а не как цель.

«В обычной жизни мы уважаем личность, которая сталкивается с трудностями и делает усилия для преодоления их; если он делает это, мы даем советы, если он ошибается, мы чувствуем сожаление за него и мы обвиняем человека, уклоняющегося от ответственности за свою жизнь.

«Гурджиев передал нам совет своей бабушки: «Старший из моих внуков, слушай и запомни навсегда мой приказ тебе: в жизни никогда не делай так, как делают другие... Или не делай ничего - только ходи в школу — или делай такие вещи, которые никто не делал».

«Это не значит, что нам следует культивировать эксцентричность или манерность, или идти напролом против условностей. Фактически он сказал: «В Риме делайте так, как делают римляне». Он говорил также нам, что нам следует смотреть по сторонам больше, чем мы делаем это теперь, больше думать о других людях».

«Орейдж сказал, что когда он издавал «Нью Эйдж» и видел, что общественное мнение течет в определенном направлении, он пробовал направить его в противоположном.

«Он продолжал: «Один из путей получения понимания лежит через размышление, которое представляет попытку думать об абстрактных предметах, подобных метафизике или космологии, для того, чтобы попытаться проникнуть в их значение. В Книге есть много идей, которые мы никогда не будем способны понять, по меньшей мере, в этой жизни; но есть и много того, что мы сможем понять, если сделаем

усилие к размышлению над этим. Обычно мы принимаем, что если истина утверждается ясно, мы поймем ее. Это иллюзия; понимание развивается не только размышлением, но и практическим управлением ситуацией, как хороший садовник управляет своим садом. Понимание развивается «выстраданным восприятием истины» - о нас самих и космосе.

Когда мы говорим о психологии, мы говорим о роде желания, которое воодушевляет психическое существо. Нормальный человек представляет собой вершину (режущее острие) Вселенной. Когда мы отходим от нормы - мы ненормальны; этим объясняется критицизм Книги, направленный на тех художников, писателей, актеров, ученых, политиков, бизнесменов, которые заменяют нормальные цели некоторыми временными формами, такими, как достижение прекрасного, материальное завоевание планеты, жажда власти или приобретение богатства. И поскольку, например, субъективный художник и субъективный писатель влияют на других людей, Баалзебуб рассматривает их как дурные влияния, стремящиеся повернуть человеческий интерес и энергию от нормальной цели к тем целям, которые враждебны великому плану.

«В сущности нормального человека есть библейский голод и жажда справедливости - жажда Объективного Разума».

«Одна из научных точек зрения на жизнь состоит в том, что нет космических целей, нет сознательных целей, что протоплазма сформировалась случайно и что все только случается; другая - в том, что человек сотворен для Государства, чьей целью является предоставление ему высокого стандарта жизни - в будущем. Другая точка зрения состоит в том, что Бог всемогущ и любит всех; он создал мир по своему благоговению и управляет Вселенной с одной идеей - чтобы его дети были счастливы, что у нас нет обязанностей, кроме как друг перед другом, что человеку дана власть над землей и животными и он может эксплуатировать их; это отношение обычного избалованного, эгоистичного, испорченного ребенка по отношению к своим родителям, ребенка, который еще недостаточно вырос, чтобы осознать что ничего не приходит даром

«Как упражнение, постарайтесь сформулировать идею жизни, как она видна одним из ваших друзей, или вами самими. Какова ваша идея мира? Случайно ли возник мир, или же по плану? Есть ли сознательная, объективная цель в основе мира?»

«В первых главах Книги есть набросок той-точки зрения, что мир познаваем, что Вселенная представляет собой работу сознательного творения и сознательно поддерживается для сознательных целей; она - огромная машина Бог сотворил ее не для нашего удовольствия, а ради сознательной цели; и бремя ее разумности на Боге. Это, возможно, антропоморфный взгляд; он также теоморфен; если Бога представляют в форме человека, то это делает человека образом Бога.

«Животные это не создающие и не понимающие машины. Человек имеет разум с возможностью понимания машины намного большей, чем любая машина, которую он сам сможет создать. Цель человека - сделать это, но из-за происшедшей катастрофы почти в самом начале существования на Земле его разум стал сильно искаженным; и так как

затем он был в состоянии гипноза, подобного тому, который вызывают наркотики. Пока влияние наркотиков остается, мы не можем собраться в себе и сделать разум нормальным В то же самое время, в нашей совести есть слабое напоминание о том, что мы не действуем разумно - подобно Блудному Сыну мы смутно осознаем это в далекой стране тела, но мы не можем не вспомнить о стране нашего отца. Проблема в том, как пробудиться. К этому нет короткого пути, нет магического средства. Единственный верный путь к состоянию непрерывно пробужденного бытия есть намеренное страдание и сознательный труд; и мы можем начать его делая ежедневные попытки к размышлению и ощущению смысла жизни, и пытаясь относиться к ситуации не только без обвинений (жалоб), но и духовно Здесь мы будем иметь ощущение нормальной активности, активности согласно Объективной Морали».

«Спросите самого себя, чего вы реально желаете Но прежде чем вы сможете это сделать, вы должны изучить различие между эфемерным хотением и желанием с одной стороны, и сущностным желанием, с другой. Профессор Дени Сора сказал, что желание и идеи - это существа. Если у вас есть желание, у вас есть якорь бытия; если это эфемерное желание или хотение, не удовлетворяющее вас, оно скоро умрет. Если это реальное, высшее желание, оно будет жить, пока ему хватит энергии. Если у вас богатая натура, вы можете иметь желания, которые останутся на всю вашу жизнь. С точки зрения Сора наше бессмертие зависит от наличия желаний, которые переживут тело. С нашей точки зрения, желания понимания и бытия могут пережить планетарное тело

«Гурджиев сказал, что «реальное желание - это великая вещь; но: я должен *быть*, для того, чтобы *делать*, для того, чтобы *желать*. Если я *есть*, я *могу*, если я *могу*, я *могу желать*; только если я *есть* и *могу*, я имею объективное право желать»

«В противоположность ортодоксальной физической концепции Вселенной как машины, свободная энергия которой убывает, Книга отстаивает ту точку зрения, что Вселенная прогрессирует и растет, хотя каждая ее часть может стать объектом разрушения. Этой огромной машине необходимо постоянное внимание. Для этого Его Бесконечность имеет помощников. Когда появился человек, Он

решил его сделать также помощником, но из-за катастрофы человек деградировал, он делает свою работу в полусне, словно одурманенный раб».

«И, все же, мы можем стать нормальными; только малая (тонкая) стена отделяет нас от этого».

«Бог - это трехцентровое существо; его ментальное тело Солнце Абсолют, его эмоциональное тело - все солнца, его планетарное тело — все планеты. Мы сделаны по образцу Бога с тремя центрами, но два из них неразвиты; наша задача -помочь их развитию. Нормальная жизнь Кесджан тела — это страсть к пониманию; ментального тела - сила понимать. С помощью Метода мы удовлетворяем необходимость и развиваем тела. Достижение малых целей, небольших успехов в развитии и понимании посредством магии или йоги или различных систем, импортированных из Азии и Индонезии, дают в результате нарушения роста эмоций и ума. Все попытки быстрых достижений в смысле развития и понимания находятся в пределах черной магии. Это характеристика принципа Лентрохамсанина в человеке, что кто-то или целая группа, боясь ужасных усилий, которые должны быть сделаны, и пытаясь ускорить внутренний рост, начинают пытаться находить короткие пути и тем самым искажают учение. И это всегда было так.

«Как можем осознать истинный бытие-долг? Мы, как существа, инкарнируем этот долг. Начните с вопроса о том, что, по вашему мнению, есть ошибочного с человеческой расой, затем попытайтесь сформулировать, что вы рассматриваете в качестве характеристики нормального человеческого

существа. Так как вы человек Запада, используйте карандаш и бумагу. Человек вопрошает своим разумом, он желает своими чувствами.

«Мы постоянно избегаем трудностей, пытаюсь достичь точки, где усилия больше не являются необходимыми. Человек как бы плывет в лодке,двигающейся в направлении, противоположном тому, куда он смотрит.

«Одним из результатов последствий органа Кундабуфер является то, что чтение, кино, радио, телевидение стали современным опиумом. Коммунисты говорят, что религия есть опиум для народа; так, религиозные обряды с их колоритом, пышностью и древней музыкой, они заменили военными парадами и духовым оркестром.

«Кундабуфер исчез, но его последствия остались, так что люди верят тому, что говорят другие отнюдь не из своего собственного опыта. Нам, как детям, говорят, что быть богатым есть более счастливое состояние, нежели чем быть бедным; что люди выше или ниже согласно их положению в обществе (жизни), или их власти, или их привлекательности, образования и одаренности — например - дару писать, что можно сравнить с бородавкой или родинкой. Нам внушили, что природная сила есть условие индивидуального счастья, что веселье развлекает, что различные компании драгоценны, что одобрение других людей необходимо и что их неодобрение ослабляет нас, что книги, картины и музыка стимулируют, что на досуге не стоит работать, что можно ничего не делать, что слава, обладание властью, титулами, успехом есть реальные ценности.

«Мы принимаем все это без размышления или обдумывания. Мы не желаем размышлять, потому что это могло бы возмутить наше спокойствие, представляющее спокойствие ума без желания понимания смысла существования, из за эгоизма, подменяющего Объективную Мораль фразами «Я люблю» и «Я не люблю» - словами детей. Мы - жертвы внушаемости, которая представляет механизм нашей психологии. Мы зависим от похвалы и порицания, необходимой

части воспитания ребенка - но мы никогда не растем. Мы' редко получаем понимание через опыт; мы всегда ищем понимание вне себя. Дарадоксально, но мы можем понимать только через переживание. Понимание, но внутри нас. «Если вы узнаете себя самих, то вы почувствуете, что вы есть Сын Отца».

«Планеты являются огромными существами, имеющими между собой связи, подобно людям; это - реакция, напряжения. Они изменяются по величине и виду, но их вращение в пространстве приводит к тому, что они воспринимаются как сферы (шары). Они общаются эманацией - чистой силой, которая действует не через или посредством материи;

— или излучение (поле), действующее посредством материи. Наша Земля - есть планета, обращающаяся с другими планетами через свою органическую систему, подобную коже, более тонкой, чем покрытый лаком большой каменный глобус в Суонедже. Напряжения между планетами чувствуются на нашей Земле и происходят в определенное время; тогда случается то, что Гурджиив называет Солиосненшес.

«В очень древние времена жрецы, бывшие людьми понимания, знали, как организовать религиозные церемонии на большой шкале так, чтобы использовать силы напряжения. Но орган Кундабуфер вызвал у них забвение этого, и была изобретена война. Мы сами, как индивидуальности, являемся объектом этих напряжений, мы выходим из себя, делаемся раздражительными, приходим в ярость и находим себя делающими и говорящими вещи, за которые впоследствии раскаиваемся. Как часто личность идет в некотором направлении под влиянием одного своего Я, полностью отождествленного, забывшего обо всем остальном; а затем, снова, как он возвращается к себе самому, просыпается и ужасается

осознанию того, что он наделал. Примеры этому от космических до трагических видны ежедневно. «Метаморфозы» Овидия дают много примеров. Это результат влияния

планет и, особенно, Луны, влияющей на нас с помощью остатков органа Кундабуфера в нас, когда мы находимся в состоянии самовспоминания, то есть когда мы несознательны; в результате чего проявляется зло. Но «ошибка, дорогой Брут, не в нашей звезде, а в нас самих, в том, что мы лишь мелкая шестеренка», в том, что мы рабы по милости каждого планетарного напряжения; игрушка дуновения любого ветра.

«Мы, как группа, имеем Метод - мы начинаем видеть, что как следует делать. Мы должны овладеть возможностью использовать энергию, возбужденную напряжением между нами и другими; нам необходимо быть способными использовать часть этой энергии вместо того, чтобы позволять всей ей уходить к Луне. В космической схеме ничего не теряется — энергия, теряемая нами в отрицательных эмоциях, используется Луной. Отрицательными эмоциями являются не только простые и депрессивные, такие, как возмущение, гнев, отчаяние, но и различного рода сентиментальность, — подобными результатами будут эмоции, проявляющиеся на религиозных оживленных процессиях или митингах по сбору денег для поддержки бездомных кошек и собак, или чувство жалости, которое в действительности является жалостью к себе, вызванное прочтением в газете о несчастных случаях с теми, кого вы вообще не знаете, - все это отрицательные эмоции.

«Трение, являющееся результатом напряжения, может оказать большую пользу только тогда, когда мы помним себя. В Приере Гурджиев часто организовывал трение между учениками, когда они спали. Например, ученик, в прошлом армейский офицер, привыкший безапелляционно командовать, заведовал физической работой. Он хорошо понимал учение Гурджиева. Другой ученик, молодой человек, не очень интеллигентный, понимавший мало, обиделся на эту манеру старшего ученика. Последовал взрыв эмоций, и он отказался подчиняться. Старший сказал об этом Гурджиеву,

ученым) обычно идут, может быть лучше надеяться, что они (ученые) иногда не раскроют этого, так как вдобавок к изобретенным или взрывчатым материалам, способным в одно мгновение разрушить город, они смогут тогда создать монстров, которые приведут человеческую расу к смерти. И это все будет в «интересах науки» и; поэтому, согласно взглядам «образованщины» вполне «законным».

«Вовлекшая как целое существует ради Солнца Абсолюта. Солнце Абсолют есть душевное тело Бога. Наше тело существует ради нашего «Я»; «Я» - это Бог нашего организма.

«Прана - это субстанция сущности (Шоу со своей «жизненной силой» близко подошел к этому). Жизнь планетарного тела - это кровь, а жизнь Кесджан тела - это прана. Если сознательно или случайно в существе кристаллизуется прана, то оно должно работать над собой ради совершенствования этого зародыша души, или же оно будет вечно возвращаться в различном внешнем покрытии, страдать и томиться, пока совершенство не будет достигнуто. «Счастлив тот, кто имеет душу, счастлив и тот, кто ее не имеет, но горе и страдания тому, кто имеет ее в зародыше». Может быть в этом причина того, почему некоторые из нас здесь, почему мы встречаемся в группе для работы над самосовершенствованием. В этом месте проявляется любовь и сострадание Его Бесконечности - Его желание помочь этому небольшому числу людей в их сложном состоянии. После смерти сущность существа бросается в расплавляющий котел (Пер Гюнт и Батгон Маулдер), из которого возникают новые существа, но не с той же самой сущностью. Они возникают снова подобно ветвям дерева, с теми же самыми тенденциями роста, тем же самым путем, может быть, с меньшими вариациями - выполняя космические цели.

«Каждый учитель показывает путь, которым мог быть развит зародыш души и освобожден от страданий. Как сказал Аттер: «Каждый учитель показывает это своим собственным

путем, а затем исчезает» Будда, например, показал это восьмиступенчатым путем правильного мышления

«Что же такое Анкалдан? Нкалдан означает «Луна», "а" означает «не» или «против». Искателем, размышляющим является тот, кто борется против течения обычной жизни, текущей вниз по шкале для обеспечения нужд луны.

«Почему некоторые части планеты иногда становятся районами войн - в Европе, например? Почему другие части становятся центрами огромных популяций - Лондон, Нью Йорк, Париж? Потому что Природа требует некоторых вибраций от этих районов, которые могут быть получены только в результате смерти существа и напряжений, возникающих из-за скопления масс народа.

«Вопросы о реинкарнации постоянно возникали в труп пе. Все, что могло быть сказано открыто, было сказано Гурджиевым, как говорит Успенский во «Фрагментах неизвестного учения» («В поисках чудесного»). В рассказах Баалзебуба можно найти много больше; и теми, кто хочет искать, почти все, что мы можем понять о реинкарнации и возвращению, может быть найдено здесь. Но каждый должен открыть это сам, иначе, как сказал Гурджиев, это приведет к непониманию и искажению и более глубокому сну.

«Орейдж дал аналогию возвращения Он использовал круглую палочку Брайтон Рока, род сладости, который мы ели детьми. Слова «Брайтон рок» красными буквами проходили через всю плитку, так что,

где бы вы ее ни разрезали, вы находите эти слова. Наше прошлое и наше будущее существует в этом роде твердой трубки. Но мы имеем возможность изменения трубки или перехода на другую. Он сказал: «В дополнение к статистическим пульсациям трубки есть динамическое движение. Трубка движется сама по себе. Каждое поперечное сечение сложно: оно раскрывает временную трубку. В статико-динамическом аспекте неявно подразумевается все, что было и будет.

«Тезофизическое учение, основанное на интерпретации некоторых отрывков из Махабхараты, принимает, что каждый реинкарнируется. Гурджиев учил, что это случается с очень немногими, достигшими определенной стадии развития. Они выбирают. Сущность масс людей возвращается в других формах. И есть такие, в которых кое-что было кристаллизовано, в которых есть тяга к развитию, кто начал искать людей и, может быть, найдет. У нас нет личного опыта о том, что происходит после смерти. Это объясняется в Баалзебубе некоторыми деталями, но вы сами должны это отыскать. Есть такие, кто вновь пришли в жизнь и ищут Метод, узнают его, когда встретят — они «вспоминают». Разрешите еще раз привести аналогию дерева. Есть различие между семенем и листом. Цель дерева — создать семя. Осенью листья отдают свою жизнь дереву. Но вместе с семенем уходит и часть жизни дерева. После смерти мы отдаем свою жизнь обратно Природе, но имеем возможность приобрести часть этой жизни для своих собственных целей; с работой, усилием правильного рода эта жизнь становится для нас вечным бытием. В северной мифологии дерево жизни Игдразил (происхождение которого в индийской мифологии) время от времени производит семена - богов и героев, жертвующих самих себя ради блага мира. Они инкарнируют, кристаллизуясь и совершенствуя Прану в самих себе.

«Мы можем сказать, что первое измерение идентично возвращению; второе изменение - спиральное возвращение; третье измерение (времени) - поперечное сечение всех сторон (возможностей).

«Говоря о переходе в бытие, Гурджиев использовал термины «воплощение» и «материализация» из-за их духовного контекста; душа не поступает на службу тела. То же самое с выражением «воплотиться». Деревья и все ощущающие объекты, с его точки зрения, «инкарнируются», входят в бытие. Как можно выразить идею души, проявляющей свои возможности манифестацией? Гурджиев предложил некоторые слова из электротехники (электролиза) - погружение чего-то незаметного в электролитическую ванну, где оно становится различимым. Мы использовали слово «покрытие» в смысле наложения на реальное, но не воспринимаемое как нечто, что делает его воспринимаемым.

«Суммируя, мы начнем с вопроса: «Каков смысл и какова цель существования?» Ашиата Шиомаш определял это в Пяти Требованиях Объективной Морали. Как гласит текст Баалзебуба: «Все существа этой планеты начали затем работать над собой для того, чтобы иметь в своем сознании эту божественную функцию истинной совести (истинного сознания), и для этой цели, как повсюду во Вселенной, они трансмутировали в самих себе то, что называется «бытие-облиголемским» стремлением.

«Что должны мы делать, чтобы иметь в своем сознании Божественную функцию истинной совести?» - Мы должны трансмутировать в себе опять «бытие-облиголемских» стремлений.

«Первое стремление состоит в том, чтобы иметь в нашем обычном бытии существование всего удовлетворяющего и реально необходимого для нашего планетарного тела»

«Удовлетворяющее» здесь не имеет ничего общего с удовольствием. Мы имеем обязанность поддерживать тело в здоровом состоянии, удовлетворять его нужды насколько возможно для того, чтобы оно было хорошим инструментом для наших целей. Таким образом, нужно поддерживать (его в состоянии готовности. Это включает не только здоровье, но и род эластичности, так, чтобы тело было готово для использования разумом. Когда необходимо быть полностью компетентным в некоторых специальных областях, некоторое умение, полученное утратой эластичности, направлено против объективной Морали. Гурджиев сказал, что вдобавок к своей собственной области, в которой он был мастером, он освоил около сорока различных специальностей. В девяти из них он был специалистом, но у него было две цели: одна - дать

своему инстинктивно-двигательному центру возможность чувствовать, другая - быть готовым для возможных нужд для достижения своей цели. Большинство людей настроено критично против крайних специалистов — смутное чувство, что идеал развития следует искать в направлении целостности.

«Второе стремление - иметь постоянную и неослабевающую инстинктивную необходимость самосовершенствования в смысле бытия».

«Это значит не быть обусловленным тем, что мы обычно знаем или делаем, это состояние, основанное на реальном ЗНАНИИ для того, чтобы ДЕЛАТЬ. Индивидуальный рост состоит в росте сущности, в достижении «бытия», - но не внешней личности. Каков у меня род бытия? Мы узнаем это, когда делаем «бытие-усилие». Для того, чтобы быть в состоянии постоянной активности, «бытие-усилия» не необходимы. Форма «бытие-усилий» вынуждает нас самих утром и вечером делать простые упражнения; не обычные физические упражнения, но те, что даются в группе. Или мы можем делать «бытие-усилия», заставляя себя преодолевать физическую и эмоциональную инерцию и делая работу, необходимую телу. Бытие достигается сознательным усилием, деланием малых вещей намеренно. В этом

смысле жизнь - это школа или, как сказал Св.Павел, «бег в большой гонке». Гурджиев говорил, что мы всегда должны быть немного впереди своих наклонностей, но не слишком, тогда мы станем «одухотворенными» в гурджиевском смысле, под чем он не понимал «духовность», т.е. наполненность жизнью, духом.

"Третье - сознательное стремление знать все больше и больше относительно законов Миротворения и Мироподдержания".

«Цель истинной философии - понимание жизни, и это не привилегия немногих, это функция нормального человеческого существа спрашивать «Почему?» Мы можем не оказаться способными дать правильный ответ, но достоинство человека заключается в самом вопрошении. В каждой ситуации

есть материал для вопроса. Нет необходимости находиться в стороне от жизни и быть идиосинкротизированным. Усилие, сделанное при размышлении над законами Миротворения и Мироподдержания, неизбежно расширяет способности ума, внимание, память, концентрацию, реальное воображение увеличивается не прямыми, а косвенными упражнениями. Через полчаса размышлений вы, может быть, не скажете ни слова; возможно, это будет лишь увеличивающимся сознанием невежества, но, согласно Сократу, «Осознание невежества есть начало мудрости» Гурджиев говорил: « Чем больше вы осознали то, что вы не знаете, тем больше вы будете понимать ».

<< Четвертое стремление состоит в том, чтобы с начала нашего существования платить за наше появление индивидуальности сколь можно быстро, чтобы впоследствии оказалось возможным в максимальной степени смягчить ГОРЕ НАШЕГО ОБЩЕГО ОТЦА ».

«Вообще говоря, все мы неразвиты. Гурджиев постоянно использовал это выражение в Приере. Никто из нас не платил свой долг Природе. Быть живым есть уникальное чудо -иметь возможность бытия вместо не-бытия. Подумайте только, чего стоит Природе подготовка планетарных условий, долгий период эксперимента, возможно, и так, чтобы вдобавок к службе ей мы смогли стать Сынами Отца. Но что же мы делаем? В семье Природы мы ведем себя подобно себялюбивым детям, единственное занятие которых наслаждаться самими собой. Если бы вы лишь полчаса поразмышляли серьезно над способами, которыми мы эксплуатируем природные источники, землю, леса и животных во имя извращенных желаний, то вы бы ужаснулись.

«Эмерсон сказал: «Зарабатывайте на жизнь» -зарабатывайте право на жизнь.

«Иногда кажется удивительным, что Природа позволяет человеку (члену человеческой расы) продолжать их суще-

ствование и не прерывает безжалостно человеческий род, как она сделала с некоторыми другими.

«Пятое стремление всегда состоит в том, чтобы помочь более быстрому совершенствованию других существ, как подобных вам самим, так и иных форм, вплоть до степени святого Мартфотая, то есть до степени самоиндивидуальности».

«Мы должны различать между потворствованием слабостям других, ради их хорошего мнения о вас, и помощью им стать тем, чем они реально желают быть. Но мы сможем стать «твердыми» к другим лишь тогда, когда сможем быть «вдвойне твердыми» к самим себе. Первая реальная услуга, которую мы можем оказать другим — это помочь им выполнить их функции человеческого существа.

«Это ключ к тому, что Гурджиев иногда называл безжалостным поведением по отношению к другим. Оно полностью безразлично к тому, что другие думают о нем (о вас), когда он унижал вас больше других, обзывал вас удивительными словами, говорил о вас с отвращением, но неделей позже, а может быть через месяц или через год, вы испытывали чувство благодарности к нему и сознание усиливающейся внутренней силы.

«Пятое правило Объективной Морали содержит сущность Метода Гурджиева. Но, прежде чем мы сможем встать на правильный путь, мы должны понять значение сознательного труда и намеренного страдания, так как на этих двух принципах - Бытии Парктдолгбязанности в Стремлениях - держатся все законы и пророчества системы Гурджиева. Они формируют основную октаву, и ничто не может быть добавлено или удалено из них».

«Одна из вещей, которой мы должны заняться, это предвидеть - и при этом не стать отождествленным — неизбежное состояние пессимизма, наступающее за крахом представлений о современной науке, религии и этике. Для большинства людей идеи гурджиевской системы еще преждевре-

менны. Говорить о них подобно тому, чтобы рекомендовать лечиться человеку, воображающему, что он в здравии. Но желательно и необходимо, чтобы из людей, работающих согласно этим идеям, выросло ядро. Пессимизм порождает тонкие умы; и не все спасутся столь легко, как Бертран Рассел, «в аду чувствующий себя как дома», который сказал: «Я построил себе дом на скале несгибаемого отчаяния».

«Баалзебуб приводит семь факторов, которые делают организм таким, каков он есть. Они идут гораздо дальше всего того, из чего состоит современный бикойвиоризм. Он сказал: «Вы помните, что когда я объяснил вам, как эти ваши любимчики определяют «течение-времени», я сказал, что когда у

них был удален орган Кундабуфер со всеми его свойствами и продолжительность их существования стала такой же, как и у всех нормальных трехмозговых существ, возникающих повсюду в нашей Вселенной, то согласно тому, что называется Глупоаснитомианским принципом, они должны были затем существовать без ошибок до того, пока их второе бытие-тело-Кесджан полностью не покроется в них и не усовершенствуется разумом до святого «Ишмеш'а». Но позже, когда они начали существовать в совершенно неподходящих для трехмозговых существ условиях, и полностью прекратили актуализацию в себе своих бытие-парктдолг-обязанностей, предусмотренных великой Природой, только посредством которой для трехмозговых существ возможно привлечь данные для покрытия так называемых высших частей; и когда, вследствие всего этого, качество их излучений не отвечало всему, что требует Величайший Обще-Космический Трогоавтооократический процесс -то Великая Природа была вынуждена для целей «выравнивания вибраций» постепенно актуализировать продолжительность их существования согласно принципу Итокланоз, то есть принципу, по которому, в общем, актуализируется продолжительность жизни одно и двухмозговых существ, и который, поэтому, не может актуализировать в их присутствии уже

указанную, предусмотренную Природой, «парктдолгобязанность».

Согласно этому принципу, продолжительность бытие-существования и все содержание их общего присутствия, в общем, следует из результатов, возникающих из следующих семи актуализаций, окружающих их:

1. Наследственность в общем.
2. Условия и окружение в момент зачатия.
3. Комбинация излучений всех планет солнечной системы в продолжение формирования в лоне их производителя.
4. Степень бытие-проявления их родителей за период достижения ими возраста ответственных существ.
5. Качество бытие-существования существ, подобных им самим, вокруг них.

6. Качество того, что называется «телеокримальмич-ные» мысленные волны, образующиеся в окружающей их атмосфере в период достижения ими зрелого возраста - то есть искренно проявленные добрые желания и действия со стороны тех, кого называют «существами-той-же-самой-кро-ви».

7. Качество того, что называется бытие-эгопластикуры самого данного существа, то есть, его бытие-усилия для трансмутации в самом себе всех данных для достижения Объективного Разума.

«Эти простые и краткие утверждения суть семи факторов, результаты которых констатируют (создают) организм. Рассматривая их самих по себе, нужно сознавать, что, как и все другие утверждения Баалзебуба, они могут быть поняты лишь вместе со всей Книгой (всем остальным, что содержится в Книге). Ключ к вратам понимания содержится в других главах. Как и относительно любой другой вещи Книги, есть три главных потока понимания.

«Рассмотрим их семь аспектов.

(1) «Наследственность в общем». Это наследственность не только непосредственных родителей, но и всех их родственников и предков, расы — есть пять главных рас, каждая

из которых имеет свою собственную историю, опыт и душу. За разами, опять же, есть биологическая история - минералов, растений и животных. Тело есть результат сложных биологических процессов, идущих назад к появлению органической жизни на этой планете.

(2) «Условия в момент зачатия». В момент зачатия мы начинаем жизнь как одноклеточное существо. Этот момент включает факторы психического и физического состояния родителей и их недавнюю историю; а также географическое положение, воздух, почву, магнетические силы и так далее. Все это нам слишком сложно анализировать. Наша способность к переживанию определяется предыдущими факторами. Мы рождены машиной, в которой уже есть некоторая запись. Такие, каковы мы есть, мы можем не более уменьшить или увеличить наш опыт, чем можем контролировать продолжительность сна, охватывающего нас.

(3) «Комбинация излучений всех планет и т.д.» Излучения планет - планетные влияния действуют на нас через нашу мать в период до родов. Это всегда принималось древними, хотя и не может быть доказано. И есть много обстоятельных свидетельств в пользу этого.

(4) «Степень бытие-проявления их родителей, и т.д.» Бытие-проявления идут от сущности, они подлинны и, поэтому, редки. Акт реальной искренности имеет огромное влияние на ребенка - на его характер. Причина, по которой дети вырастают бесхарактерными не в том, что родители не любят их, а в том, что они скрывают свою любовь в своем поведении.

(5) «Качество «бытие-существования» существ и т.д.» Природа бытие-существования людей, с которыми дети входят в контакт. Современная цивилизация вносит разного рода искусственное поведение в жизнь людей, и это влияет на детей - также, молодые питаются де-натуральной пищей, многие медикаменты вызывают плохие результаты, когда мы вырастаем, мы имеем ошибочную пищу, одежду, плохой сон,

неправильные позы и т.д. и, обычно, мы все время упражняем лишь один центр и ведем, например, либо сидячий образ жизни или становимся неестественно активным типом, как профессиональные спортсмены. Немногие из нас дышат естественно; мы стараемся не уставать и никогда не заставляем себя глубоко дышать, как это делают рабочие. У нас почти нет необходимости думать; это заменено в нас образованием, газетами, книгами, радио (телевидением). Мы на всем готовом; нам говорят что и как делать с каждой вещью, - почти с каждой вещью на земле; и все это говорится нам теми, кто избегает реального понимания, чьи знания осколочны и чьи умозаключения, поэтому, фальшивы. Реальное обучение заменяется поэтому механическими упражнениями памяти, тем, что образованные юноши и девушки, обладающие фотографической памятью, могут добиваться успеха, проходя через экзамены и интеллектуальные тесты, которые, как каждый согласится, почти не имеют истинной ценности. Пища, воздух и впечатления - три основных рода пищи - уже испорчены. Городские дети лишены возможности копировать поведение нормальных существ; жизнь в деревне идет ближе к нормальной, так что так называемые «необразованные» дети из села часто превосходят детей города; и в особенности это в Европе, потому что они должны использовать свои способности.

(6) «Качество «Телеокримальмичных» мысленных волн и др.». Мы не понимаем достаточно даже просто для того, чтобы обсуждать это. Мы можем лишь намекать. Например, если оба родителя враждебны друг другу, хотя бы даже и их внешнее поведение было внешне вежливым, дети будут иметь соответственно чувство враждебности и страдания. В современной цивилизации единственный ребенок обычно невротик, и появляется «проблема детей». Почти все детские психологи тоже прошли через это и, подобно большинству психиатров, также невротики. Малолетние преступники, богатые и бедные, выросли в домах, где их естественные

инстинкты и возможности были извращены, искажены или подавлены.

(7) «Качество бытие-эгопластикури самих существ и пр.». «Усилия к пониманию», которые дети осмеливаются делать к возрасту юности. Мы предполагаем, что они любопытны; и мы удовлетворяем его сразу, лишая, таким образом, детей их собственных усилий удовлетворить свое любопытство. Стремление к этому усиливалось бы само; но топливо, наваленное на огонь, тушит его.

«Любопытство - это такая ценная вещь в жизни, что его удовлетворение следует придерживать. Учителю, вместо забот об обучении, следует поощрять реальное любопытство, то есть знание о жизни. Гурджиев говорит, что на Востоке нет учителей, есть только учащиеся. Теперь, с ломкой старых путей жизни на Востоке и расширением образования, с превращением так называемых «отсталых» людей в цивилизованных индустриализацией, древняя мудрость исчезает, сохраняясь только в эзотерических школах. Спасают глубины изменчивой поверхности жизни, где продолжают течь глубокие потоки человеческого под- и сверхсознательного. Жизнь всегда любопытна; все же мы не должны отождествляться с любопытством. Читайте о князе Любовецком во Второй Серии («Встречи с замечательными людьми»).

«Жизнь с периода юности есть бессознательное раскручивание фильма, который был намотан в нас. После юности он начинает раскручиваться в форме опыта, встречаемого нами. Например, вы выбираете профессию (нельзя сказать, что вы решаете, это случается в результате комбинаций чего-то в нас и чего-то вне нас). Ваша судьба не определяется тем, что вы хотите делать, она уже предопределена предыдущими факторами У нас нет реальной жизни; мы наблюдаем развитие того, чего мы являемся бессознательной жертвой - наших маленьких катушек с записью. Когда они раскручиваются, мы, как говорится, «живем». В действительности, мы существуем. Это - бихейвиоризм в полном смысле слова.

Гурджиев говорит, что бихейвиористы даже не начали осознавать, до какой степени они предопределены.

«Действительно, если происходят случайности, намотанная катушка может выпасть. В результате случайности мы можем иметь преждевременное разматывание катушки, или же это может случиться из-за влияния окружающих нас людей; это последнее, в качестве противопоставления случаю, есть одна из опасностей цивилизации. Мы не можем размышлять о том, что такое «случай», но мы можем говорить о другом. Что же помимо случая, может вызвать преждевременную раскрутку? - Внушение. Например, каждый из нас имеет фиксированную способность мыслить; если мы действуем не от природного желания, а согласно внушению других, мы можем обнаружить, что читаем много из того, что нас реально не интересует, посещаем «ученые» лекции для того, чтобы приобрести информацию, которую мы можем передать другим, и, таким образом, стать в их глазах, как говорил Гурджиев, «кем-то, а не просто ничем».

«Это пассивное щекотание истощает наши возможности без какого-либо активного мышления.

«То же самое с эмоциями. Ассоциируясь с патологическими художниками какой-либо области искусства, мы становимся жертвами «прекрасного», без подлинных человеческих эмоций, следование эстетической карьере, не активное, но оценочное, есть кратчайший путь к потере внутреннего вкуса и силы. Следуя искусству, следуйте разуму. И еще: «Не любите искусство своими чувствами».

«Аналогичное и в физическом мире, мире спорта; тут возможно преждевременное старение органов от упражнений, выполняемых не по необходимости, а из-за псевдожеланий соперничества и известности.

«Против преждевременной раскрутки катушек у нас есть Метод, в этом аспекте называемый «Ирамсамкип» (Ирам-самдерж). Я держу себя; никогда не отдаюсь активности одного центра; никогда не становлюсь крайним специалистом

в интеллектуальной, физической или эмоциональной области, а стремлюсь поддерживать баланс всех трех

«Общество создает монстров, ибо трудно сопротивляться побуждениям, предлагаемому обществом. Леонардо да Винчи, один из истинно великих европейцев, отказался стать специалистом несмотря на финансовую награду, предлагавшуюся ему. Когда он находил себя в колесе привычки и становился расбалансированным, он бросал все, что бы он ни делал. Это рабочее правило для каждого, и лучшие современные системы образования понимают это. Но когда ученик покидает школу, от него ожидают специализации.

«В то же самое время необходимо делать большие усилия на том, чем вы занимаетесь. Работая по Методу Гурджиева, цель которого есть гармоническое развитие трех центров, направленное на увеличение сознания, бытия и понимания, можно делать уклон на что-либо, не отождествляясь с погоней за ним. Различие между идентификацией и не-идентификацией с чем-либо есть вопрос неумения, а вложения или не-вложения всей силы и внимания в работу.

«Это приводит нас снова в определение конечной цели. Мы утверждаем, что страдания для понимания цели и смысла существования в человеке являются нормальными. Они управляют магнетическими токами. Положительный магнетический полюс - это мозг, отрицательный - инстинктивно-двигательная часть. Когда ток течет нормально, в соответствующих им местах растут все функции. Но мы поляризованы отрицательно; и когда, как это происходит в нас, токи протекают от позвоночника к головному мозгу, мы дисгармонизированы. Тогда мы являемся Петром, распятым головой вниз.

«Психологическое человеческое существо есть существо со страданием ради понимания. Те, у кого токи протекают нормально, обнаруживают, что их функции становятся все более нормальными. Основная необходимость есть наличие этой активной страсти к пониманию. Почему? - Потому что человек сотворен ради цели созидания Души; а душа может быть определена как нечто, способное к созданию Объективного Разума.

«Не все из рассказов Баалзебуба аллегорично; некоторые части историчны, некоторые современны. Мы должны быть способны параболически читать мысли между и над строками.

«Во время шестого и последнего спуска Баалзебуба на планете появились три посланца сверху: Иисус, Мухаммед (Магомет) и Лама. Почему трое в это короткое время?

«Каждый оставил доктрину, но доктрины стали столь трансформированными, что их авторы не узнали бы их. Вначале последователи раскололись на секты. Затем они ввели идеи, не имеющие ничего общего с первоначальной доктриной, а часто даже противоположные. Кстати, из своего личного опыта мы можем видеть, что следуя нашей странной психике, идеи, даже ясно утверждаемые, могут в чем-то быть различно интерпретируемы, расколоты и изменены. Это всегда случается и будет случаться, пока наша психика остается ненормальной

«Описание Баалзебубом Тайной Вечери и Святого Причастия было всегда известно нескольким людям в некоторых эзотерических группах До распятия Иисус влил свою кровь в сосуд, возможно, и ученики участвовали в этом; таким образом была создана связь между Кесджан-телами учителя и его непосредственных последователей После его смерти они были способны, вводя себя в некоторое состояние сознания, через кровь соединиться с ним. Связь происходила не с помощью речи. Это и вызвало рассказы о том, что Иисуса выдали. Связь была возможна только на некоторый период; после Воскресения (Вознесения) она прекратилась.

«Для Иисуса и его учеников события происходили слишком быстро; Иуда, наиболее доверенный из учеников, для выигрыша времени вошел в интриги с Римом (римлянами). Он предложил им помочь спокойно взять Иисуса, и это с

согласия Иисуса, который получил время, необходимое для осуществления ритуала. Иуда выявляется как наиболее сознательный из учеников, тем, кто оказал величайшую помощь. Это - настоящий Иуда. Условный - предатель, проклинаемый христианами уже две тысячи лет. Но оба, и проклинаемый и одобряемый этим миром, имеют равную ценность, каждая из которых имеет объективный смысл.

«В каждом из нас есть условный Иуда. В Приере Гурджиев часто обращался к ученикам в этом смысле, когда они засыпали и теряли след.

«Одним из названий, предлагаемых для 47 главы было «Восхождение на Вершину Беспристрастного Мышления». С этой точки зрения Книга представляет собой восхождение по различным уровням

разума. Баалзебуб делает это восхождение и достигает состояния Беспристрастного Объективного Разума. Теперь возможен новый порядок жизни. Что подразумевается под тем, что часть их развития отдается другому их рода. Мы можем сделать аналогию. Если наше «Я» растет и развивается, тогда другие «Я» должны что-то отдать от своих возможностей удовлетворения нужд и желаний. Придет время, когда они вместо сопротивления этому, сами будут желать это делать.

«В конце Хассейн задает вопрос, который касается всех нас. Можно ли еще какими-либо способами спасти трехмоз-говые существа, возникшие на планете Земля, и направить их на путь становления? Баалзебуб отвечает: «Единственным зредством для спасения существ на планете Земля было бы геперь внедрение в них нового органа, подобного органу Кундабуфер, но в то же время с такими свойствами, что каждый из этих несчастных должен будет иметь во время процесса своего существования постоянное чувство и осознание неизбежности своей собственной смерти, а также смерти каждого, на ком остановится его взгляд и внимание. Только такое ощущение и осознание могут разрушить теперь этот эгоизм, полностью кристаллизовавшийся в них таким обра-

зом, что полностью поглотил их сущность, а также разрушить стремление ненавидеть других, вытекающее из этого, -тенденцию, вызывающую все эти связи, существующие теперь, и являющуюся главной причиной всех их ненормаль-ностей, несвойственных трехмозговым существам и пагубных как для них самих, так и для всей Вселенной»

ФОНТЕНБЛО 1928 г.

Этой зимой у меня появилось желание попасть в Приере и проделать реальную работу с Гурджиевым Я не мог сформулировать ясно, что я хочу там сделать; но со временем желание поехать стало столь интенсивным, что я не смог больше сопротивляться ему Это не было желанием уйти от жизни и ее требований, так как никогда ранее удача не была столь милостлива ко мне. У меня было все то, что может предложить обычная жизнь и мир — интересные друзья и знакомства, коттедж за городом, квартира в Нью-Йорке, автомобиль, удовлетворительная работа, дающая деньги; сверх того, Орейдж и группа; но все это не тянуло против поездки к Гурджиеву.

Это стремление «быть тем, кем следует быть», «иметь бытие», быть способным «делать», «понимать», выражалось поэтами и мистиками - индуистами, суфиями и христианами — как возвращение блудного сына домой или, более часто, как стремление любящего к любимой Эхо в солнечном сплетении, сопровождающее это стремление к совершенству, подобно тому, которое чувствуется изгнанником или любящим.

Наконец, после внутренней борьбы, мы оставили свою жизнь в Нью-Йорке и отплыли во Францию. Перед отплытием я сказал Орейджу «Надеюсь, мы скоро встретимся?» Он ответил: «Мы из того сорта людей, которые всегда встречаются. В этом году я не еду в Приере Но фактически я чувствую, что моя работа здесь подходит к концу; два или три года еще и мы сможем встретиться в Англии».

Мы прибыли в Фонтенбло-Авон в первых числах июня. В фиакре, взятом на станции, мои чувства как всегда заострились знакомыми видами, звуками и запахами -поездом, прошедшим над мостом, звоном трамвая, запахом смолистой сосны, приближением к калитке и звонком (колокольчиков) с надписью «Звоните громче», плеском фонтана во внутреннем дворе. Я не знал, что случится, но чувствовал, что случится что-то значительное для меня.

Гурджиев тепло приветствовал нас, как делал всегда. Я не объяснял, почему я приехал, да и на самом деле я не смог бы ясно объяснить этого; но, как показали события, он понял.

В первые недели мы работали как обычно, в доме или в саду, и катались на автомобиле Гурджиева. В июле он взял мадам де Гартманн и меня в поездку по Бьяррицу и Лурду. По пути я начал обдумывать, что представляет собой «идиот», содержащийся во мне, но у меня не было для этого ключа. Я решил, что спрошу его об этом, как только предоставится возможность. Я знал, что если я раскрою значение этого, то у меня появится ключ к моему состоянию и поведению - к тому, что так ясно для других, но скрыто от меня. Но когда я спрашивал про своего «идиота», он отклонял это или даже совсем не отвечал.

Однажды мы остановились в дорожном ресторане и ели в тени приятного, поросшего кустарником сада. Было очень жарко, еда и арманьяк были хорошими и испарина покрыла наши лица. Когда во время гостов «за идиотов» мы подошли к моей категории, я попросил его объяснить мне, что это означает. Вначале он не хотел. Но я нажал на него и почти склонил его дать по крайней мере намек. Он начал говорить и сказал мне предложение из пяти слов. Я был удивлен ясностью и простотой его слов и под влиянием его присутствия и проявляющего эффекта арманьяка увидел свою главную черту, то, что никогда даже не подозре-

вал. Когда мы поехали дальше, я подумал об этом и увидел, как эта вещь была моим худшим врагом с детства. Это была, может быть, главная вещь из причин, сформировавших образ моей жизни и приведших к столь многим сложностям для меня в моих отношениях с другими людьми. Я понял, что если бы не было Гурджиева и его Метода, я, может быть, остался бы всегда тем же, повторяясь в своем поведении одним и тем же путем. Я не могу вспомнить название места, где был ленч, но у меня в

памяти осталась живая картина, как мы сидели в беседке в очень жаркий день, пот, заливающий наши лица.

Удивительно и даже ужасно, что могут пройти годы жизни с фальшивой картиной самого себя; и даже с желанием знать можно не иметь ясного представления о том, как вы проявляете себя. Как могут знать «мертвые», если даже начавшие просыпаться ото сна находят это слишком трудным?

С этого дня что-то начало во мне изменяться.

В Бьяррице Гурджиев начал создавать трудности. Мы встретили его брата Дмитрия с женой, и они с одним своим ребенком присоединились к нам в машине. Он посадил своего брата на переднее сиденье с собой, а меня между ними - оба были крупными мужчинами. Автомобиль был маленький, предназначенный для четверых. С багажом на заднем сиденье и шестью нами было очень неудобно, и когда начинался день, наступало настоящее мученье, но я решил не выдавать этого. Наконец, Дмитрий Иванович и Астра Григорьевна, его жена, не могли больше оставаться и вернулись в Фонтенбло на поезде; Гурджиев, мадам де Гартманн и я продолжали свой путь, и я сидел с ним впереди. В Лурде мы подъехали к месту, где лежали хромые, увечные, больные, толпы и толпы бедных созданий, ожидающих исцеления, некоторые из них были почти монстры. Немного позже мы встретили длинную похорон-

ную процессию, мертвого епископа, провожаемого к могиле. "Это было впечатляюще, со звоном колоколов, фимиамом, пением священников и монахов, когда они проходили по дороге, окруженной людьми - пышное зрелище организованной религии

Часто, отъехав подальше, Гурджиев обдумывал эпизоды для «Рассказов Баалзебуба» и диктовал их по-русски мадам де Гартманн, которая сидела наготове сзади с тетрадью и карандашом. Когда мы становились слишком сонными или ему самому был необходим шок для того, чтобы не ослабело внимание за дорогой, он инсценировал что-нибудь, а, иногда, покрикивал на нас с кажущейся яростью. Мы сразу же пробуждались. Затем следовала остановка у кафе и арманьяк с сэндвичами на дороге, где он обычно говорил. В поездке по стране Гурджиев, казалось, почти буквально вынюхивал все лучшее из еды, что было на месте, так что каждый день мы ели что-то новое и вкусное.

Иногда он вытягивал что-то из меня, заставляя меня высказаться, а затем с сожалением взглядом качал мне головой; и я осознал, что погружен в слабости и несовершенства. Эти инциденты, эти постоянные шоки, направленные на того или иного из бесчисленных врагов внутри меня, сохранились в моей памяти.

Через день или немного позднее после возвращения в Приере, он поставил меня на работу с двумя другими людьми, копать канаву в лесу. Это была приятная работа в тени, и, когда мы останавливались на перерыв, было еще приятнее сидеть и говорить о «высоких идеях». Прошло несколько дней в этом тяжелом, но благоприятном труде. Но затем одного, а затем и другого, послали на другую работу и я остался работать один. Гурджиев сказал, чтобы я копал и нашел ключ, который, как он сказал, был где-то рядом, ключ, о котором он говорил уже пять лет. Когда прошел день и никто не пришел ко мне и не появилось даже намек на

воду, во мне начало расти сопротивление, восстание против делания того, что я знал только умом. Это не было слож ностью тяжелой физической работы. В Британской Колумбии я был хорошим землекопом на взрывных работах - сложной и опасной работе. То, что я должен был преодолеть теперь, был мятёж - огромное сопротивление тела и чувств продолжать эту глупую, монотонную, явно бесцельную задачу в изнуряющую жару. После нескольких дней работы я выкопал длинную, глубокую канаву и глубокую яму в трудной глине. Никто не подошел ко мне и не спрашивал ни о чем за едой в английской столовой. Потом Гурджиев взял мою жену и еще несколько человек в автомобильную поездку, что еще добавило мне эмоциональных трудностей, так как для меня не было ничего приятнее, чем ездить с ним.

Когда после нескольких дней отсутствия он вернулся и посмотрел на мою работу - его первый приход за две недели - я сказал: «Здесь нет воды, бесполезно продолжать». Он только заметил: «Должна быть здесь вода, нужно найти ее. Копайте теперь здесь». Он показал на другое место и ушел. Так я начал снова. Но назойливая мысль мучила меня. Я удивлялся, зачем я променял интересную комфортабельную жизнь в Америке на то, чтобы, приехав сюда, работать подобно землекопу и восхищаться. Не прихоть ли Гурджи-ева держит меня за этим занятием? Я был обескуражен и упал духом. В то же самое время у меня было чувство, что задача должна быть выполнена, и что это, может быть, будет первым реальным делом, которое я когда-либо сделал.

Через день или позже, после чая, я пошел отдохнуть в свою комнату. Лежание на боку, возможно, усилило чувство отчаяния; фактически, я был уже на краю его, когда открыл Путь Пилигрима и прочитал: «И затем увидел я, что они все пошли дальше, не исключая и Христианина, который не говорил ни с кем, кроме самого себя, иногда со вздохом,

иногда спокойно; он также часто читал в свитке, дававшем ему новые силы.

«Я видел затем, как они все подошли к подножию Холма, у которого протекал Ручей. На этом самом месте были также две другие дороги, кроме той, которая шла прямо от ворот; одна шла по левой стороне, другая — по правой у подножия Холма, но кратчайший путь лежал прямо через Холм (название ее было Трудности). Христианин подошел к Ручью, напился и освежился, а затем начал подниматься вверх на Холм, говоря:

На этот Холм высокий я жажду подняться; И сложности меня не напугают; Я чувствую, путь к жизни здесь лежит; Идем, ты, Сердце, бейся; нет слабости ни страха; Пойдем по сложному, по правому пути. Ошибочен тот легкий путь, в тупик ведет он. «Другие двое также подошли к подножию Холма. Но когда они увидели, что Холм крут и высок, и что есть два других пути, то предположили, что эти два пути могут соединиться снова с тем, по которому пошел Христианин, на другой стороне Холма, поэтому они решили пойти по ним (название одного из них было Опасность, другого — Уничтожение). Итак, один из них пошел по пути, называемому Опасность, приведшему его в большой Лес; другой взял направление на Уничтожение, приведший его в широкое поле, полное темных Скал, где он споткнулся, упал и больше не поднимался.

«Я посмотрел тогда на Христианина, увидел его поднимающимся на Холм, затем он упал и пополз дальше по камням - из-за крутизны места. Приблизительно посередине дороги к Вершине Холма была приятная Беседка, сделанная Хозяином Холма, для отдыха усталых путешественников Туда попал и Христианин и сел отдохнуть. Затем он развернул свиток на своей груди и с удовольствием начал читать его

Стало свежо и он надел на себя Покров или Одевание, которое ему дали, когда он стоял у Креста. Это приятное место погрузило его в сон, продолжавшийся до ночи, и во сне Свиток выпал из его рук. Когда он спал, кто-то подошел к нему, разбудил его и сказал: «Иди к Вершине, ты, лентяй, выбирай путь и будь мудр, и с этим христианин внезапно встал и быстро пошел по своему пути, и вскоре пришел к Вершине Холма.

Потом я вспомнил подобное же переживание Орейджа здесь. Он чувствовал то же, что и я, возможно, в этой же комнате. Но теперь что-то не давало мне возможности сделать усилие. Я вернулся к своей задаче, взял заступ и лом и начал снова, вспоминая себя и удерживая ум от странствования в мечтах, приятных и неприятных, я работал иногда быстрее, чем обычно, иногда медленнее, делал упражнения на счет, повторяя наборы слов. Но день, все же, прошел медленно и монотонно.

Однажды, когда я лишился всех надежд найти воду, это все же случилось. Когда я воткнул заступ в глинистое место, появилась вода. Я начал копать глубже, и чем больше это делал, тем сильнее оказывалась струйка. Я продолжал уже в сильном возбуждении и, наконец, ручей воды побежал вокруг моих ног. Я изумленно уставился, едва веря своим глазам, так как вода поднялась до лодыжек. Было так, словно пелена внутри меня отодвинулась, облака исчезли, изнутри полился свет. Я вылез из ямы и пошел к дому сказать об этом Гурджию, но его не было. Радость была из меня подобно ручью. Я вошел к себе в комнату и взял Библию. Кажется наугад, я прочитал «Благославлен человек, перенесший соблазн, ибо сделал это, он получил корону жизни». Перевернув страницу: я перешел к Апокалипсису «Он тот, кто преодолел порядок всех вещей. Я буду его Богом, он будет Моим Сыном». «Переборя свою волю, я воздвигну столп в земле моего Бога, и он не выйдет больше, и я напишу

на нем имя своего Бога, и напишу на нем мое новое имя...» «И показал он мне чистый ручей воды жизни, ясный как кристалл, выходящий из короны Бога и Агнца и увидели они его лицо, и имя его было в их умах»

Эти слова, которые я слышал с детства и читал сотни раз и которые раньше вызывали приятное религиозное чувство, теперь освободились от ассоциаций. Было так, словно я увидел их в первый раз, и смысл их стал ясен. Они оказались связанными не с чем-то в далеком прошлом, или будущем, но теперь. Они связаны с действием, с преодолением слабостей, с полным вкладыванием себя в момент, когда необходимо большое усилие. Они касаются психологического процесса внутреннего развития, являющегося результатом сознательной работы, родом сверхусилия.

Состояние экстаза, взгляд через «двери восприятия», присутствие Бога или, как теперь говорят, «состояние высшего сознания», продолжающегося весь день. Когда интенсивность этого состояния велика, после него остается не только память, но и кристаллизация. Когда на следующий день Гурджиев вернулся, он подошел к месту, посмотрел на него и сказал: «Теперь, я думаю, все. Больше не надо. Мы поищем воду в другом месте». Задача сослужила свою службу.

Это было в субботу утром. Тем же вечером, в турецких банях, во время нескольких свободных минут, пока мы не вошли в парилку, он сказал мне серьезно, но с огоньком в глазах: «Вы решили хорошую задачу в Приере. Теперь вы больше не Нотт, а Патриарх Нотт, и у вас будет новое имя в Приере, которое станет вашим навсегда». Некоторое время мы молчали, затем он поклонился мне. Мы встали и пошли в парилку. Там он сделал знак сесть рядом с ним на полку и сам хлестал меня веником, поддав пару. За обедом меня поместили за Стьернвалом, на стороне Гурджию. Во время тоста за «круглого», он сказал мне: «Теперь вы больше не

круглый дурак, а род дурака, который я еще не знаю, но другого рода. Как сказал слепой, «увидим». Завтра я дам вам три бутылки арманьяка Доктор вам сделает специальный салат Приере, а вы пригласите людей и сделаете пикник у вашего ручья Но только мужчин, а не женщин. Понимаете?» Я кивнул.

Этой ночью я начал размышлять о «новом имени» и нашел в Апокалипсисе «Ему для борьбы я дам ему тайную манну и дам ему белый камень, а на камне написано новое имя, которое не познает никто, кроме него».

Это одна из мистерий эзотерического христианства «На следующий день, в воскресенье, вечером, мы встретились у источника с провизией для пикника Поев и поговорив, кто-то, воспламененный арманьяком, запел русскую народную песню, одну из за душу берущих песен, исходящих из глубин русского сердца, которая говорит о всем и ни о чем. Другие спели греческие, армянские и немецкие песни Я сам пел «Через кусты и терник». Потом Стьернвал, крупный человек с бородой, встал в своей косо воротке и брюках, заправленных в сапоги и спел тонким глубоким голосом, вызывающим отзвук в лесу. Это, я думаю, был единственный раз, когда от него услышали песню в Приере. Гурджиев намеренно не пришел; это был мой вечер, но он одобительно улыбнулся на следующий день, когда услышал об этом.

Позднее, к концу сентября, когда вечера стали длинными, Гурджиев вернулся из Парижа и, как раз перед ужином, пригласил Стьернвала, Гартманна, Зальцманна и меня присоединиться к нему в маленьком круглом плавательном бассейне, который прятался от окон в дальнем углу лужайки. Он сказал: «Теперь разденемся». Он сел на ступеньке, ведущей в бассейн, опустив ноги в воду, и позвал меня сесть рядом с ним, остальные сели позади. Пошутив немного, он передвинулся вниз на следующую ступеньку. Он заговорил о

необходимости некоторых усилий, когда человек достигает определенной стадии в работе над собой, стадии в октаве, и как необходимо для него сделать это усилие. Если он сделает это, то передвинется в другую октаву, взяв с собой все, что знает. Если усилие не сделано, он может откатиться назад и все, что он сделал, может быть потеряно. Сначала это усилие должно делаться под руководством учителя; позже человек может сам знать, когда его нужно сделать, и может знать, как делать. Он сказал также, что у меня было ощущение сверхусилия. В этой работе обычные усилия мы можем делать по пути. Каждый, волей-неволей, должен сделать усилие. Природа вынуждает нас, как она вынуждает лосося сделать прыжок перед водопадом. Человек должен быть способен делать. Магия, реальная магия коренится на делании. Мы должны делать сверхусилия. Когда мы идем дальше, работа становится более сложной. Если вы делаете сознательное усилие, Природа должна платить, может быть сразу. Это закон.

«Следующая ступень», - сказал он, и мы передвинулись ниже к воде. Он затем начал говорить по-русски и говорил некоторое время; из этого я понял очень мало. И так, еще ниже, со ступеньки на ступеньку, мы говорили, пока он и я не оказались по шею в воде. Было холодно. Мы начали дрожать. Наконец, Гурджиев нырнул и поплыл, мы за ним. Потом мы оделись и пошли в его комнату и сели перед большим огнем.

На следующий день Стьернвал спросил меня, знаю ли я о Дзене. «Немного», - ответил я «Хорошо, - сказал он, - в реальных школах Дзен учитель часто использует странные методы к своим ученикам, чтобы фиксировать в них учение. Разум Гурджиева вчера вечером так впечатлил вас, что вы знаете о «делании».

Это был процесс посвящения, самопосвящения Гурджиев спланировал ступени задачи И благодаря этому, я

выполнил ее. Он, подобно богам в мистерии, но со своим особым и эффективным Методом, подтвердил ее. И я оказался способным, передвинуться на другую ступень (октаву) бытия и понимания

С этого времени мои отношения с ним и с другими перешли на другой уровень

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Возвращение Орейджа в Лондон и мои встречи с ним, встречи с Успенским в Англии и Америке во время войны - все это в другой книге. Я добавлю только несколько слов о вопросах, которые часто задают «Какова цель Гурджиева? Что он пришел сделать?»

Возможно, только Гурджиев сам понимал свою великую цель и предвидел результаты своей работы; и только двое или трое из тех, кто работал с ним с самого начала и никогда не покидал его, поняли какую-то ее часть.

Относительно вопроса: «Что он пришел сделать?», я процитирую резюме бесед со старым другом Ф.С. Пиндером, человеком очень близким к Гурджиеву.

Он сказал, что Гурджиев пришел биться за большое дело, чтобы помочь Закону Семи течь вверх против потока механической жизни. Всегда, у любого учителя, в процессе его работы воспитываются несколько прилежных (старательных, настойчивых) последователей. Но в любом случае Закон Семи

протекает лишь тогда, когда возникает трение от неизбежно вытекающих ссор из-за пустяков и трудностей - которые неизбежно должны придти, но горе тому, и т.д.

Гурджиев пришел дать нам Новый Мир, новую идею Бога, цель жизни, секса, войны. Но кто «Мы»? «Мы»-- это те, кто принимает его и его учение и помогает осуществить эту работу. Этот наш мир не может быть спасен в нашем измерении времени. Если бы это было возможно, он был бы «спасен» давным-давно пророками и учителями, которых уже присылали. Те, кто надеется, что мир может быть спасен

одним учителем и за некоторое время, уклоняется от своей собственной ответственности. Они ждут в надежде на «второе пришествие», не делая со своей стороны никаких усилий -потворствуя болезни сегодняшнего дня.

«Брать так брать», - говорил Гурджиев. Работая над самим собой, мы можем «взять возможность» стать Сынами Бога, Христа, Помазанника или Мессии, где помазание есть признак высшего тела. Но, соскользнув вниз столь далеко, мы позабыли, что путь назад длинен и труден. «Бык знает владельца, а осел кормушку хозяина. Но меня люди не замечают. Они забыли живую воду и вырубали себе тленные сосуды».

Мы таковы, каковы есть, из-за нашего несчастья делать свою собственную тюремную рутину, вынуждены снова и снова крутить жернова мельницы. Мельница - хорошая аналогия, так как она символизирует препятствия - уклонения, уныние, забывчивость, самосожаления, инертность,

откладывание на завтра, но не нужно принимать многого к сердцу, ибо мы не призваны выполнять то, что каждая частичка Абсолюта - и сам Гурджиев - не должны делать. Хотя Гурджиев регулировал влияние на своих стриженных барашков — каждому согласно его собственного бытия и понимания — все же его шоки пугали многих. Люди думали, что человек может учиться в реальной школе как в университете; университеты же сейчас являются не больше чем реформаторским аппаратом для условной науки, искусства, литературы, хотя их первоначальной функцией было универсальное обучение (создание универсалов).

«За сорванной маской, - говорил Лукреций, — лежит суть вещей». Персона, личность, означает маску, эта идея исходит из объективных школ. Гурджиев говорил: «Убейте вашу личность, фальшивую личность, фальшивую вещь, которая, как мы думаем, и есть мы». Она должна умереть,

чтобы смогла вырасти индивидуальность. Чтобы достичь своей цели, Гурджиев, так же, как и все реальные учителя, должен был играть роль, имея в то же время несколько вспомогательных ролей, работая над собой для своего собственного развития. В группе, за едой, например, он использовал гиперболы, преувеличения, шутки, кажущиеся противоречия, говоря что-то одному и подразумевая это для другого; это смущало многих, кто часто принимал его буквально и делал странные утверждения относительно того, что он не понял.

«Каждому человеку хочется иметь лучший мир», но согласно его собственному представлению. Гангстеры время от времени грабят; коммунист мечтает о муравейникообразном государстве с собой во главе. Чем дальше от истины школа улучшателя мира или реформатора, тем больше людей она привлекает, ибо всю ответственность они перелаживают на Бога или государство, не оставляя себе ничего. Это противоположно принятию вещей в смысле Гурджиева, то есть не мучиться и не беспокоиться относительно вещей, которые мы не можем изменить. «То, что не может быть извлечено, должно быть вытерплено».

В гимне говорится: «Когда придешь Ты спасти людей, о Бог Милосердный, когда?» Как будто это зависит от Бога. Только сам человек может спасти себя; а Бог дал ему для этого все возможности. Мы с таким же успехом могли просить электростанцию дать свет и тепло. Организованная церковь говорит, что спасение уже осуществилось, что человек спасен, и должен только «верить и быть добрым». Когда возница обратился к Юпитеру, чтобы тот помог ему вытащить повозку из грязи, Юпитер сказал: «Вначале подопри колесо своим плечом».

Люди не видят, что в первую очередь им нужно что-то делать относительно самих себя; тысячи лет они пытались реформировать друг друга. Если человек возьмется за работу

над собой, вместо того, чтобы молиться далекому от него Богу, то он убедится, что царство небесное не безразлично к тому, кто ищет. Видеть самих себя, каковы мы есть — ветхий человек, - и создавать нового человека есть путь Креста, эзотерическая религия. Путь креста был путем всех объективных учителей. Все убежали в Египет и все были распяты. Как Санра, верховный Бог, говорит царю Юдхнхтыкире к концу его жизни на землю: «Все цари должны видеть ад. Они должны прожить жизнь во всех аспектах, играть роль дьявола с дьяволом - этим старым соперником Шайтаном». И успешное делание есть Святой Твердый, в противоположность с идентифицированием с отрицательной силой, то есть Шайтаном. Механическая жизнь с ее образованием положительна в этой отрицательной роли. Это переживание есть Трогаавтоэгонрат - Я пытаюсь самим собой и из этого узнаю, что Я есть, (приобретаю Я-кратию, Я-главенство), силу. Триа-Мази-Кампо, с тремя вместе я делаю. Ма или Ма у, происходит от е аху. Кампо - делаю, исходит из древнегреческого слова, означающего «выполнять

тяжелую работу», а лишь потом «делать» в Гурджиевском смысле, для которого нужно использовать Рее ирае. Механический поток жизни направляется и применяется Дамой Королевой Персефоной Природой по необходимости, оставляющей нас в галоше, нисколько не заботящейся ни о ком из нас, и имеющей дело лишь с производством массовых вибраций и т.д. Она, хотя и находится на более высоком уровне, чем мы, не хочет страдать, чтобы предвидеть. Но вечность отдает нам остаток, которого она не смогла нас лишиться. Как говорит Исая (1,9): «Если бы Господь Саваоф не оставил бы нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что и Содом, уподобились бы Гоморре». Это делается Гурджиевым в Рассказах Баалзсуба, но эта часть или остаток бессильна развиваться в определенный центр тяжести, если соответствующие бытие-усилия не направлены на нее. Тут Дама При-

рода вынуждена сделать примиряющий ход. Она была вынуждена высшими силами поддерживать и делать доступны ми для нас некоторые органы, используя их не только для себя; она должна давать нам эту возможность как часть ее платы салема над ней. И если она имеет дело не с индивидуумами, а только с массами, то же самое и с теми из нас, кто работает над здоровьем организма в целом, зачастую обрекая часть его на смерть для блага целого. Относительно этой части Пердита в Повести Винтера говорит: «Я слышала, что есть искусство, которое своими творениями может поспорить с великими творениями Природы». Поликсен: «Да, говорят, но все же Природа делает лучше, хотя отнюдь не потому, что все, что она делает, подразумевается ею; так, кроме искусства, добавляющего к природе, есть искусство того, что делает Природа... Мы сажаем слабый черенок в твердый камень и прививаем к нему почку благородной расы: это искусство, исправляющее природу, изменяющее ее, но само это искусство есть Природа.

Мы вынуждены делать все приготовления, скучные, утомительные и поглощающие много времени; но то, что мы выплакиваем в слезах, мы потом возвращаем радостью.

Но мы не сможем начать расти, пока не сформируем растущую точку, луну, в самих себе. Центр тяжести у земли в астрономической Луне, но в нас самих соответствующей части нет - хотя мы должны «содержать каждую вещь, представляющую мир». Формирование луны в нас приходит от балансирования центров, от Бытия-Парктодолгобязанности, сознательного труда и намеренных страданий и Пяти Требований Объективной Морали.

Слово «лунатик» исходит из объективных школ; хотя было и давно ясно, что человек безумен; а слово «лунатик» используется теперь шуливо или для явных сумасшедших, чье состояние есть и наше, хотя и в менее острой форме. В греческом мифе Селена, Луна, поцеловавшая Эндимиона во сне, имеет к этому отношение. Эндимион происходит от слова эндима — одеяние, покрытие; тело, просто телесный человек, существо, завернутое в тело.

«Сверх того», - говорит Исая (30,26), - «свет луны будет как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемерно, как свет семи дней в тот день, когда Господь обвяжет рану народа Своего и исцелит нанесенные ему язвы». (60,20): «Не зайдет уже солнце твое и луна твоя не сокроется, ибо Господь будет для тебя вечным светом и окончатся дни сетования твоего». Апокалипсис (Откр. Св.Иоанна) - (12,1): «И явилось на небо великое знамение - жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, а на голове ее венец из двенадцати звезд». Ученики Успенского брали все это слишком буквально или слишком поэтически, или с какой-то одной стороны - что земля должна стать солнцем и луна землей. Луна - это индуктивная катушка, работающая на индуцированных токах, использующая все растроченные энергии, потерянные нами, нашей механичностью. Объективные школы знают об этом, о магнетизме и электричестве с очень древних времен; и было оставлено для современности - в лихорадке индустриализма, вызванного его кишачными клеветами, насекомоподобными, - эксплуатировать его.

Гурджиев говорил и писал в картинных формах речи, на символическом языке, необходимом для понимания, потому что слова, являющиеся знаками или очертаниями содержания, завершаются в определениях, а определения вконец замораживают язык, так как все определенное или потеряно или оставляет глубокое впечатление только на тех, кто слышит или использует определения.

«Тао, могущее быть выраженным в словах, не есть Вечное Тао».

Аллегория усиливает что-то, чтобы найти смысл при размышлении. Это принцип всех объективных методов и техники.

Нет короткого пути к внутреннему развитию. Все учителя говорили об этом. Те, кто борется за работу и оставляет ее для казального бы легкого пути, рано или поздно должны начать сначала.

У каждого из нас есть обязанность. У каждого есть путь, по которому он должен следовать. У каждого есть задача и он должен делать ее. Но знаю ли я свою?

И снова мы возвращаемся к человеку, к изучению самого себя. Среди суеты обычной жизни мы не можем уйти от постоянного желания, сознательного или несознательного - знать, быть, понимать. «Если я поднимусь на Небо, Ты там, если моя постель в Шеоле, Ты там, если я опускаюсь на дно океана, Твоя рука и там поддержит меня». Я преисполнен страха и удивления. Я везде перед Тобой, и в Твоей книге описаны все мои дела». Псалмы.

«Книга, в которой описаны все тайны, есть сам человек; так он сам есть книга бытия всех существ, видящих, что он подобен Богу». Якоб Беме.

«Я скажу вам, желающие исследовать глубины природы, если то, что вы ищете, не находится внутри вас, вы никогда не найдете его и вовне. О, человек, познай себя, ибо в тебе спрятано сокровище». Разоблаченная Изида.

«Царство Бога внутри вас. Познайте поэтому самих себя, и узнаете тогда, что вы в граде и вы есть град». Иисус.